

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Челябинск 2009

УДК 902.6(06)
ББК 63.3(2Р36)я54
П 78

П 78 Проблемы археологического изучения Южного Урала: сборник научных статей / отв. ред. и сост. Н. Б. Виноградов. — Челябинск: АБРИС, 2009. — 217 с. + илл.

ISBN 978–5–901542–85–9

Сборник посвящен проблемам археологического изучения Южного Урала. Публикуемые статьи как вводят в научный оборот материалы памятников бронзового и раннего железного века региона, так и отражают историю археологического исследования Южного Урала.

Издание предназначено для археологов и всех, кто интересуется древней историей края.

УДК 902.6(06)
ББК 63.3(2Р36)я54

Ответственный редактор
и составитель
Научный редактор

д.и.н. Н.Б. Виноградов
к.и.н. А.В. Епимахов

Рецензенты:

д.и.н. С. Г. Боталов
д.и.н. А. Д. Таиров

ISBN 978–5–901542–85–9

© Издательство «Абрис», 2009
© ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2009
© Виноградов Н. Б., сост., 2009
© Коллектив авторов, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА

5

<i>Алаева И. П.</i> Поселение бронзового века Елизаветпольское-7	7
<i>Виноградов Н. Б.</i> Керамика памятников петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане	22
<i>Дюрягин В. С.</i> Святылище «Лысая Гора» раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области	46
<i>Епимахов А. В.</i> Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету	72
<i>Костюков В. П.</i> Курганы федоровской культуры на озере Касарги (публикация материалов раскопок могильника Касарги-1)	83
<i>Косинцев П. А., Ражев Д. И.</i> Кости животных и человека из могильника Касарги-1	101
<i>Логвин А. В., Шевнина И. В., Колбина А. В.</i> О погребениях эпохи энеолита в положении «сидя» из могильника Бестамак	104
<i>Хаванский А. И.</i> История изучения петровской керамики	111

Раздел II
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА
101

Кипарисова Н. П.

Дневник работ по раскопкам Чебаркульской неолитической стоянки на берегу оз. Елового (Введение. <i>В.С. Мосин</i>)	119
Тетрадь 1-я	121
Тетрадь 2-я	145

Сальников К. В.

История археологических исследований на Южном Урале (Введение. <i>Н.Б. Виноградов</i>)	158
---	-----

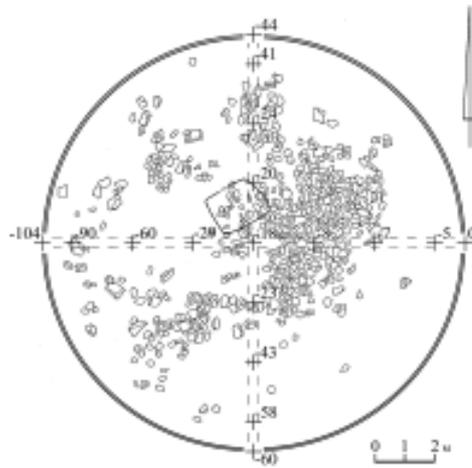
Список сокращений	215
-------------------------	-----

Сведения об авторах	216
---------------------------	-----

РАЗДЕЛ I

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА

И. П. Алаева
(ЧГПУ, Челябинск)

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕЛИЗАВЕТПОЛЬСКОЕ-7

Поселение Елизаветпольское-7 находится на левом берегу р. Карагайлы-Аят, в 2 км юго-западнее с. Елизаветпольское Карталинского района Челябинской области. Располагается в 200 м западнее моста на автодороге Карталы-Бреды, на краю обрывистого берега (высота над урезом воды в реке 2,5 м). Памятник открыт в 1982 году разведочным отрядом экспедиции ЧГПИ под руководством Ю.В. Тарасова. Первоначально поселение было названо «У моста», по локализации рядом с автомобильным мостом (Тарасов Ю. В., 1983). В 1992 году поселение было переобследовано отрядом экспедиции ЧГПИ под руководством В.П. Костюкова и переименовано в «Елизаветпольское-7» в соответствии с методическими требованиями к паспортизации археологических памятников (Костюков В.П., 1993).

Площадь памятника около 1500 м², поверхность его практически лишена дернового покрова. Севернее и северо-восточнее поселения расположены многочисленные канавы, ямы и отвалы — следы работ по сооружению автодороги. В процессе разведочного обследования поверхности памятника жилищные впадины обнаружены не были. Подъемные сборы происходили с узкой прибрежной полосы, из обрыва. Часть находок собрана на небольших островках и в русле реки (рис. 1).

В сезон 1997 года экспедицией ЧГПУ под руководством Н.Б. Виноградова было исследовано около 200 м² площади поселения. Раскоп захватил лишь самый край обжитого в древности пространства. Остатки культурного слоя были распределены десятиметровой полосой вдоль линии обрыва. Мощность культурного слоя составляла 35 см. Культурный слой эпохи бронзы (темно-серая золистая супесь) залегал над черным комковатым, илистым грунтом более раннего времени, в пределах которого были обнаружены лишь несколько каменных изделий эпохи неолита-энеолита.

На сохранившейся части поселения, обнаружены предположительно остатки котлована (20 × 5 м), заглубленного в материк не более чем на 10–15 см. Стенки котлована сильно размыты, угол наклона довольно пологий. Какие-либо дополнительные конструкции зафиксированы не были. У середины длинной стенки котлована отмечено небольшое пятно прокала (диаметр — 30 см, мощность — 10 см). Кроме того, у края обрыва были встречены несколько разреженных скопле-

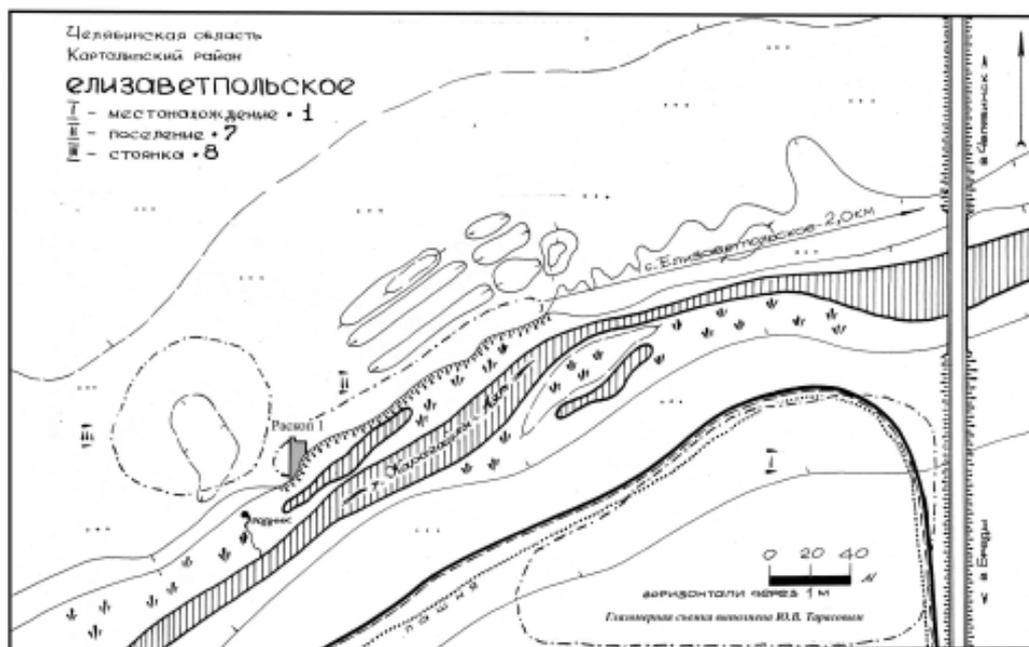

Рис. 1. Поселение Елизаветпольское-7. Топографический план памятника

ний прокаленных камней небольшого размера, которые, возможно, являлись составной частью, не сохранившегося очага (рис. 2, 3).

Коллекция находок с поселения включает 562 единицы, абсолютное большинство которых представлено фрагментами керамики. Кроме того, на поселении обнаружено несколько кремневых изделий, каменные орудия, поделки из керамики и талька.

Каменные изделия представлены отщепами, обломком ножевидной пластины и двумя орудиями. Одно из них представляло собой отщеп с вогнутой, ретушированной рабочей поверхностью (рис. 6, 5); второе – скребок на пластинчатом отщепе, округлой формы с концевой, крутой ретушью (рис. 6, 6, на плане № 7). Практически все предметы из кремня локализовались в северной части раскопа в толще черного комковатого, илистого грунта.

В культурном слое бронзового века обнаружена серия ударных орудий из камня (молотки), абразивы различного вида, каменные диски неясного назначения, пряслица, каменный топор.

Молоток (рис. 6, 13, на плане № 8) – подпрямоугольной формы. Общая длина 9 см, ширина 7 см, толщина 5 см. Грани предмета сглажены. В целом форма орудия ассиметрична, одна из плоскостей не оформлена. Поверхности предмета зашлифованы плохо. В разрезе орудие подтрапецевидной формы, расширяющейся к низу, боковые поверхности выпуклые, округлая пятка оформлена сужением граней. Рабочая площадка одна,

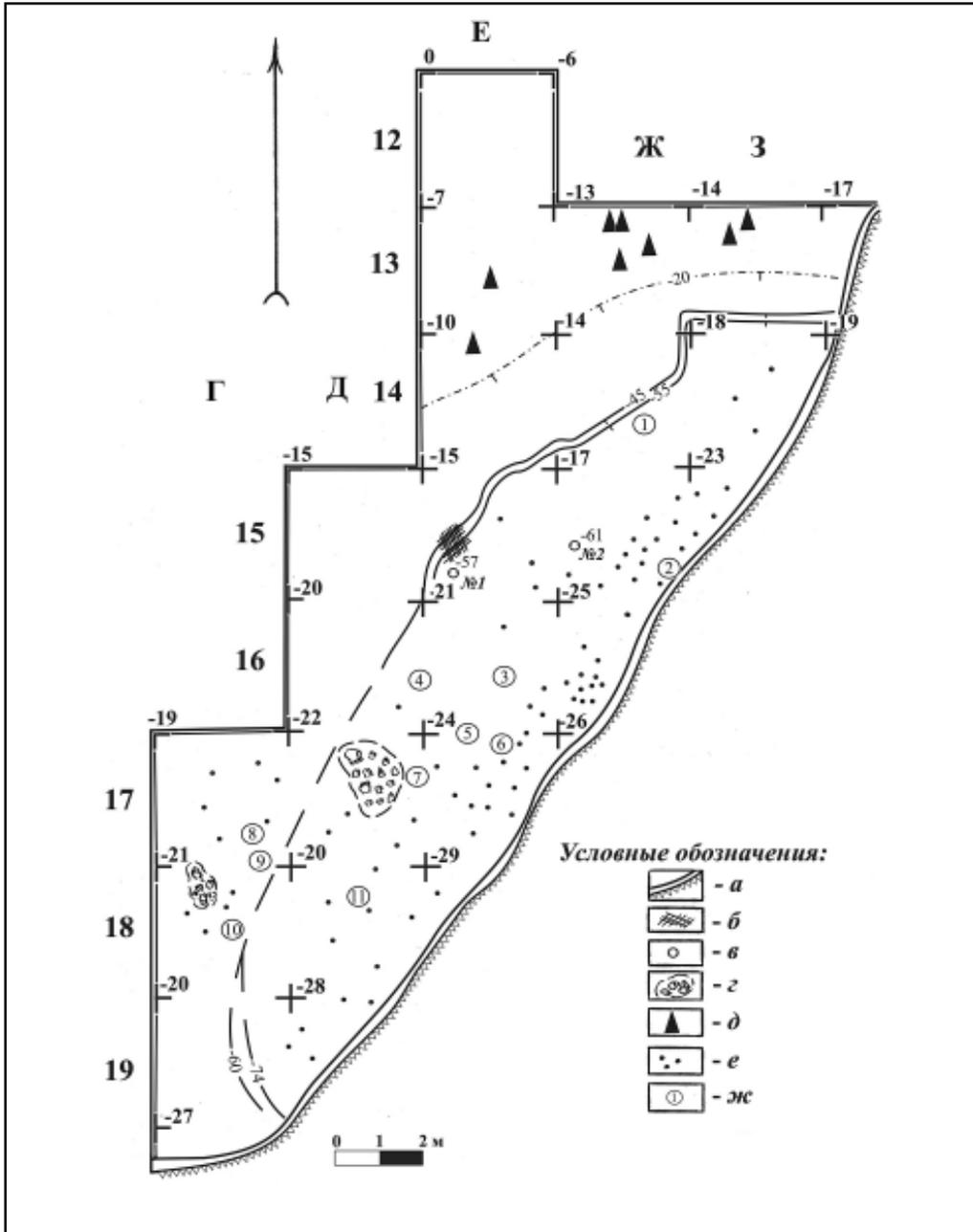

Рис. 2. Поселение Елизаветпольское-7. План раскопа (а – линия обрыва, б – участок прокала, в – столбовая ямка, г – скопление прокаленных камней, д – изделия пластинчатой техники, е – фрагменты керамики, ж – порядковый номер индивидуальных находок)

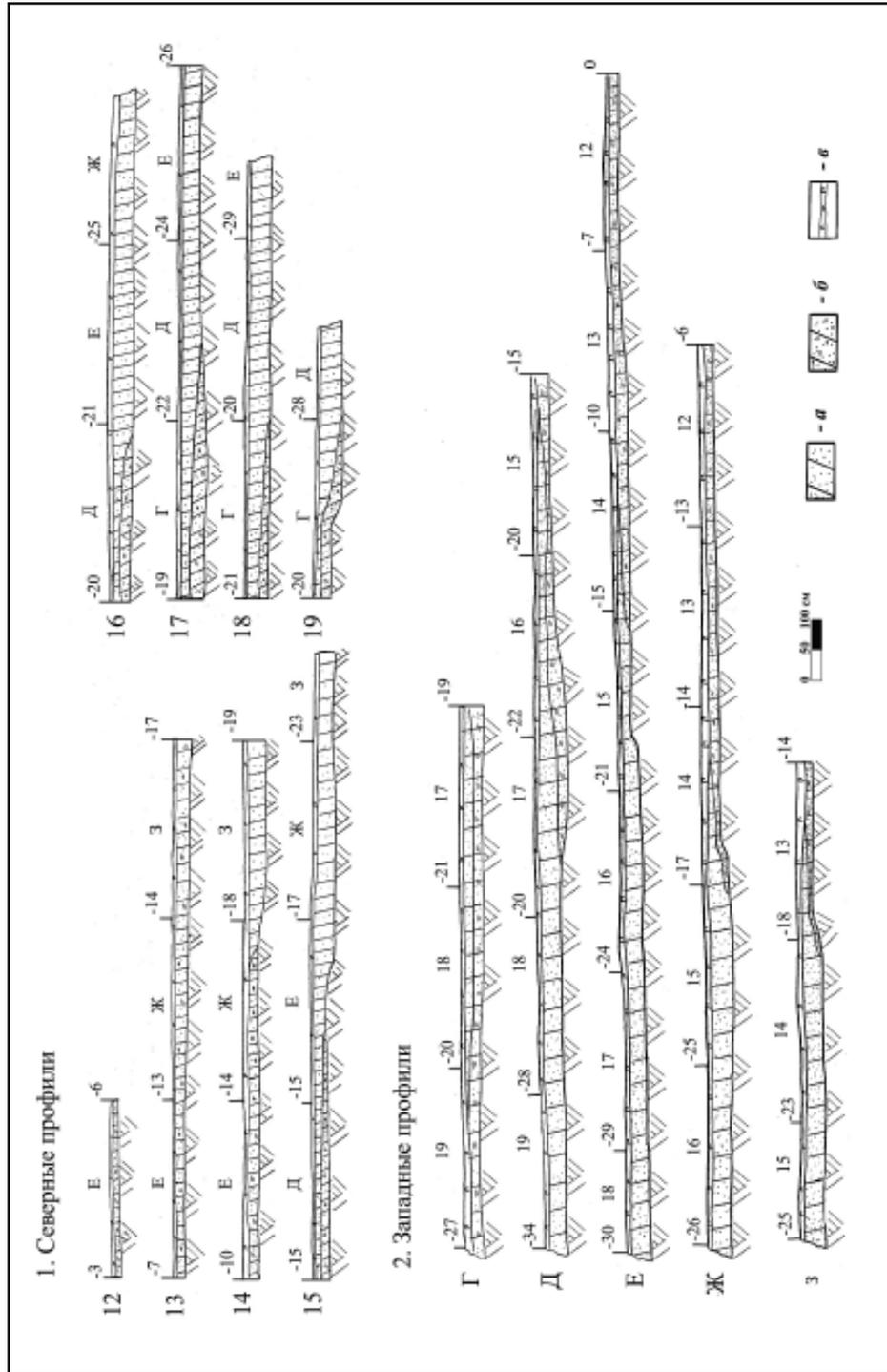

Рис. 3. Поселение Elizavetpolskoe-7. 1 – Профили северных бровок, 2 – Профили восточных бровок (а – темно-серая гумусированная супесь, б – черный, комковатый илистый грунт, в – дерн)

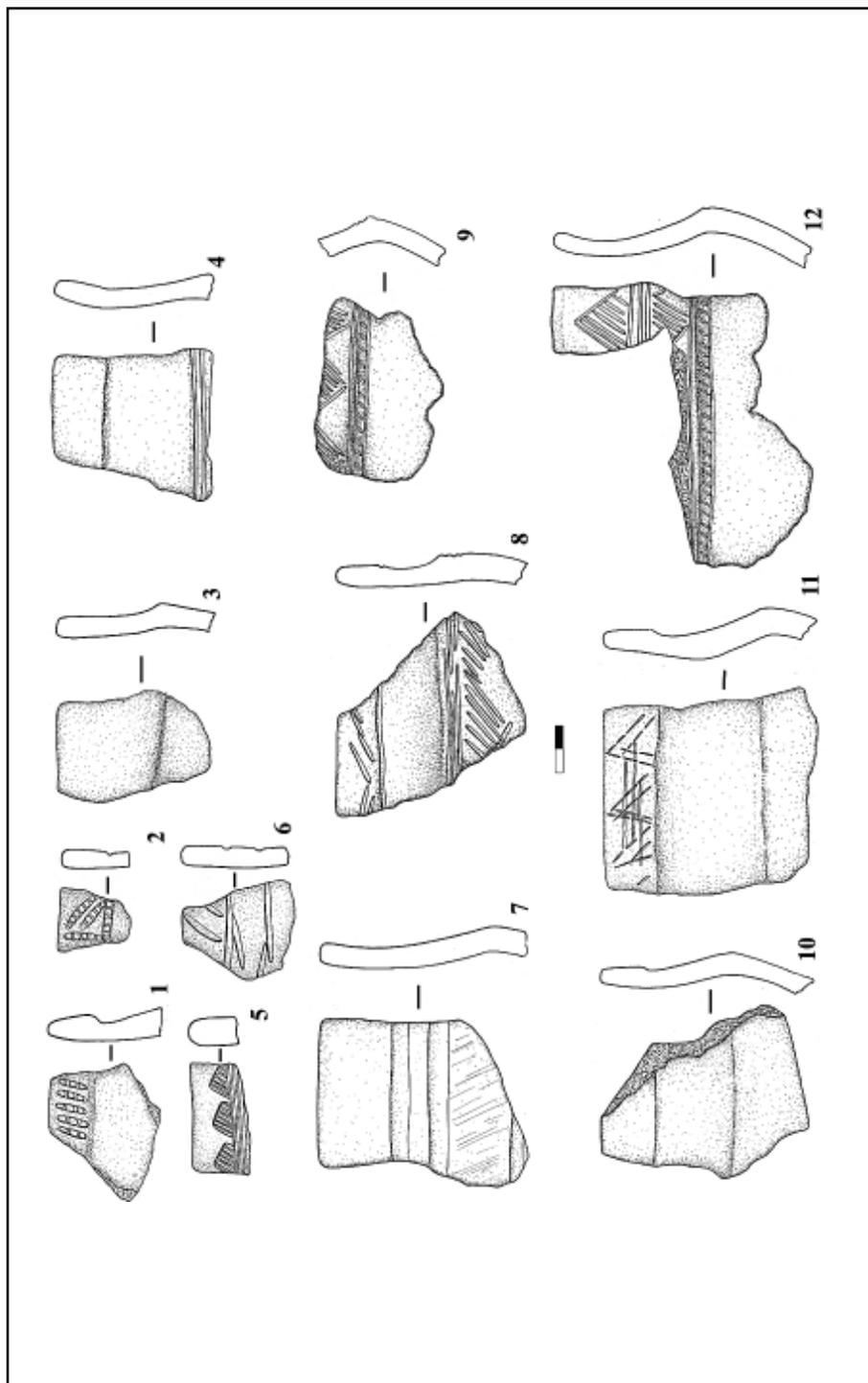

Рис. 4. Поселение Елизаветпольское-7. Фрагменты керамических сосудов.
1 – бровка Е 16/Е 17, гл. – 48, 2, 4–7, 12 – Д 17, гл. – 40–60, 3 – Ж 15, гл. – 40–60, 8–9, 11 – подъемные сборки в обрыве, 10 – Д 18, гл. – 50

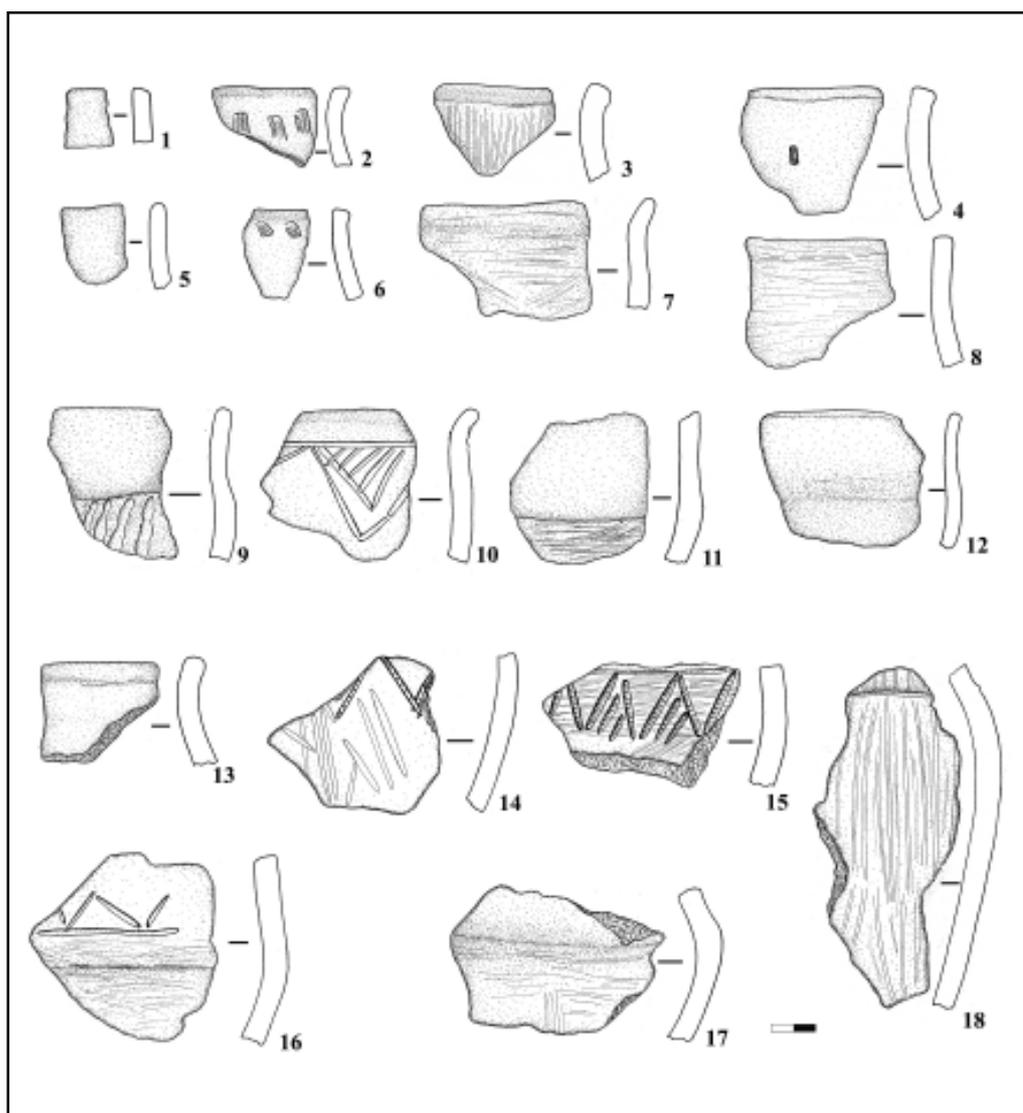

Рис. 5. Поселение Елизаветпольское-7. Фрагменты керамических сосудов.
 1 – Ж 15, гл. – 40–60, 2 – Е 16, гл. – 20–40, 3–4, 13, 17–18 – Г 17,
 гл. – 40–60, 5 – З 14, гл. – 40–60, 6 – бровка Ж 14/З 14, 7, 9–10, 12, 15 – Д 17,
 гл. – 40–60, 8 – бровка Е 16/ Ж 16, 11 – бровка Е 16/Е 17,
 14 – подъемные сборки в обрыве, 16 – Е 16, гл. – 51

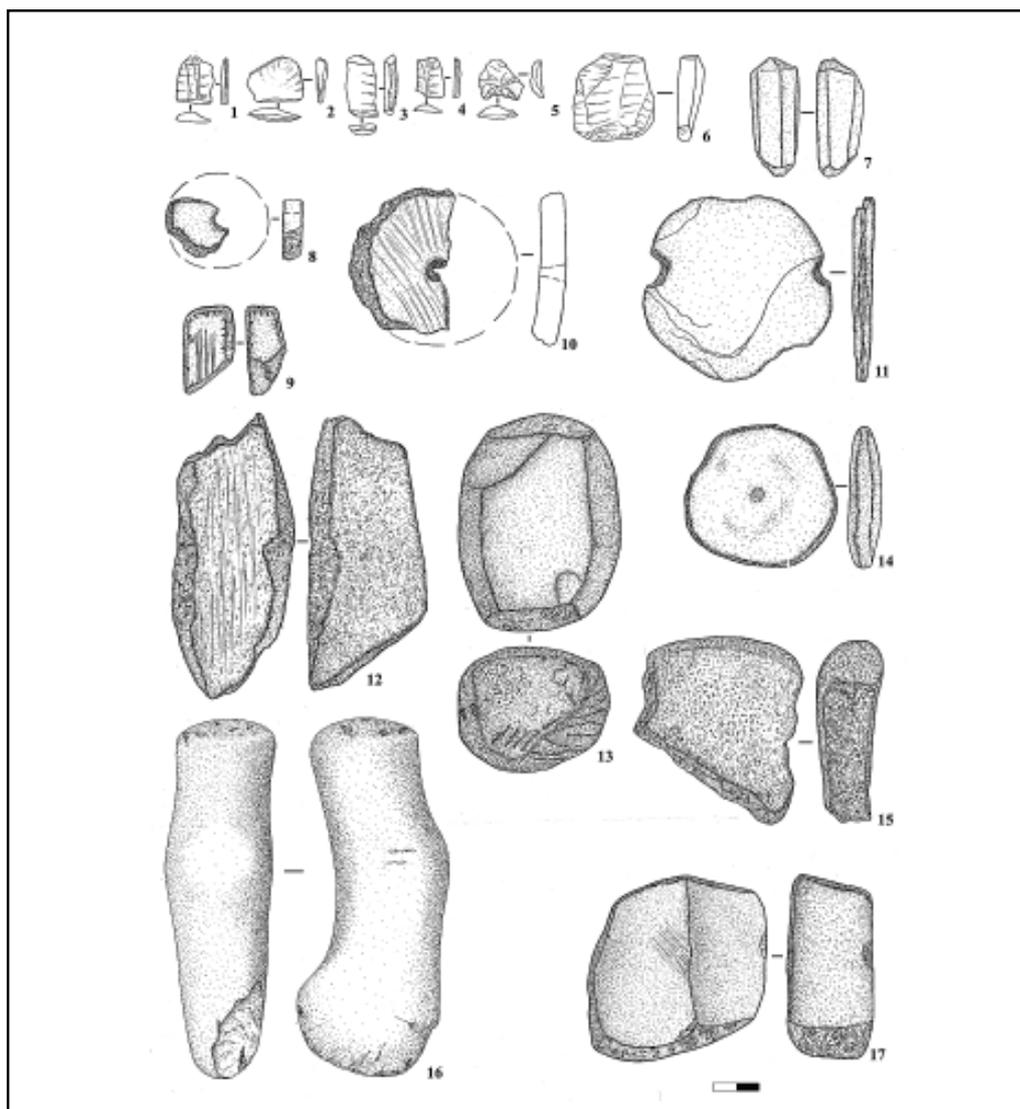

Рис. 6. Поселение Елизаветпольское-7. Предметы из камня и керамики.
 1 – Ж 13, материк, 2 – Е 14, гл. – 31, 3 – З 13, материк, 4 – Е 13, материк,
 5 – Ж 13, гл. – 20–40, 6 – Д 17, гл. – 28 (на плане № 7), 7 – Ж 16, гл. – 40–60,
 8 – Ж 15, гл. – 50 (на плане № 2), 9 – Е 16, гл. – 40–60 (на плане № 4), 10 – Д 18,
 гл. – 50 (на плане № 11), 11 – бровка Е 16 / Е 17, гл. – 40–60 (на плане № 6),
 12 – Ж 14, гл. – 40–60 (на плане № 1), 13 – Г 17, гл. – 40–60 (на плане № 8),
 14 – Г 18, гл. – 40–60 (на плане № 10), 15 – Е 16, гл. – 40–60 (на плане № 3),
 16 – Г 17 / Г 18, гл. – 38 (на плане № 9), 17 – бровка Е 16 / Е 17, гл. – 40–60
 (на плане № 5). (1–6 – кремь, яшма, 7 – горный хрусталь,
 8 – тальк, 10 – керамика, 9, 11–17 – камень)

асимметричной формы – с выраженными прямыми углами с одной и совершенно аморфных очертаний с другой стороны. Следы работы, в большинстве своем представлены мелкими выбоинами, сконцентрированными по краям рабочей площадки. Мелкие выбоины образуют сплошную поверхность. В центре площадки выбоин не отмечено, в этом месте сохранилась зашлифованная поверхность орудия.

Обломок молотка (рис. 6, 17, на плане № 5) – подпрямоугольной формы с четкими, выраженными углами. Общая длина 7,8 см, ширина одной поверхности 4,5 см. На сохранившейся части орудия, поверхности плоские, хорошо зашлифованные. Структура камня мелкозернистая. Рабочие площадки располагались на торцевых частях орудия. Верхняя площадка четырехугольной формы. В центре площадки серия мелких выбоин, образующих почти сплошную выбитую поверхность. В центре следы выбоин более глубокие. Нижняя поверхность также вся покрыта мелкими выбоинами, наиболее интенсивными в центре площадки. По краям рабочей площадки окантовка из более широких и глубоких выбоин, представляющих полосу шириной 1,3–1,7 см. Кроме того, на ребре предмета отмечены линейные «запилы» и мелкие выбоины.

Обломок абразива (рис. 6, 15, на плане № 3) – неправильной формы. Размеры сохранившейся части 7 см × 6,5 см, толщиной 2,5 см. Изготовлен из легкой пористой породы. Видимых следов работы не отмечено, одна из поверхностей уплощена. На ней отмечены несистематизированные углубления.

Обломок абразива (рис. 6, 12, на плане № 1) – брусковидной формы, с очень неровными краями. Зашлифованная, плоская рабочая площадка отмечена на одной стороне. На ней отмечены тонкие, довольно глубокие следы-царапины.

Фрагмент другого абразива (рис. 6, 9, на плане № 4) – изготовлен из мягкой породы. Узкой, прямоугольной формы (толщина 2,2 см, ширина 1,7 см). Плоскости ровные. Рабочая площадка одна. На ее поверхности отмечены глубокие линейные следы. На боковых гранях, также отмечены линейные следы.

Каменный диск с выемками (рис. 6, 11, на плане № 6) был обнаружен под развалом сосуда. Изготовлен из сланцевидной породы. Имеет округлую форму, с неровными краями, диаметром 8 см, толщиной 0,6 – 0,9 см. По обеим сторонам диска расположены две выемки по линии немногим выше геометрического центра. Ширина выемок до 1,5 см, глубина до 0,7 см. Функциональная принадлежность предмета трудно определима.

Каменный диск (рис. 6, 14, на плане № 10) – изготовлен из мелкозернистой породы. Форма предмета округлая с неровными краями, но боковые грани местами зашлифованы. Диаметр 6,5 см, толщина 1–1,2 см. По-

верхности предмета уплощены, но имеют слабый рельеф. В центре диска намечено углубление (отверстие ?).

Каменный диск с отверстием (рис. 6, 8, на плане № 2) — фрагмент изделия из талька небольшого размера (примерный диаметр 4 см), толщина 0,8 см. Боковые грани плоские, хорошо обработаны и зашлифованы. Отверстие ровное (диаметр 0,7 см).

Керамический диск с отверстием (рис. 6, 10, на плане № 11) — изготовлен на фрагменте сосуда грубой выделки (толщина 1,2 см). На внешней поверхности расчесы крупного гребенчатого штампа. Диаметр диска 7 см. В центре конусовидное отверстие, просверленное с одной стороны (0,9 см и 0,4 см).

Кристалл горного хрусталя (?) (рис. 6, 7) — шестигранный кристалл, желтого цвета, длиной 5,5 см.

К оригинальным находкам можно отнести каменный топор, обнаруженный за пределами котлована (рис. 6, 16, на плане № 9). Вислообушный топор из серпентинита, со слабым изгибом обуха. Общая длина около 16–17 см, толщина обуха 3 см, толщина пятки 4 см, в месте предполагаемой втулки — 4,5 см. Пятка забита, на ней отмечены крупные, плоские замятины и глубокие выбоины более мелких размеров. Втулка отсутствует. Предмет выделан в технике пикетажа, сколами средних размеров. После пикетажа, было применено шлифование, но не основательное. Поверхность осталась шероховатой. Изделие отнесено к категории брака по ряду признаков: отсутствие просверленной втулки (обязательного элемента для такого типа топора), крупный скол с обуха, фактически обух обломан в процессе выделки орудия, незаконченность процесса шлифования (многие подобные топоры даже заполированы). Все известные каменные топоры Южного Зауралья выполнены в индивидуальной манере, понятие стандарт неприменимо. По-видимому, изготовление подобных топоров становится отголоском архаических традиций.

Керамический комплекс поселения достаточно однороден, большая часть посуды из раскопа представлена небольшими, часто сильно измельченными, обкатанными фрагментами керамики. Крупные куски сосудов были обнаружены в осыпи обрыва в ходе разведочного обследования памятника в 1982 и 1992 гг.

В коллекции поселения можно выделить около 30 сосудов. Практически все фрагменты принадлежат сосудам средних размеров (толщина стенок 0,6–1,1 см). Часть из них сформована на сосуде-основе, так как серия фрагментов придонной части сосудов имеет характерные признаки. В примесях большинства фрагментов керамики отмечен тальк. Обжиг равномерный. Цвет поверхности серый, светло-коричневый.

Сосуды горшечно-баночной формы, переход от тулова к шейке оформлен вариантами выраженного (рис. 4, 9, 12) или сглаженного ребра (рис. 5, 10, 16, 17), в некоторых случаях фиксировались и уступы (рис. 4, 8, рис. 5, 18). В коллекции также присутствует ряд слабопрофилированных сосудов (рис. 5, 10, 12, 17). Шейки прямые, либо слегка отогнутые, иногда с наплывом в верхней части шейки – «воротничком» (рис. 4, 8, 10, 11). Внешние поверхности хорошо заглажены. Поверхность практически половины сосудов из коллекции имеет «расчесы» гребенчатым штампом. «Расчесы» выполнены с разной степенью нажима (рис. 5, 7, 11, 15–17), в некоторых случаях до образования рельефа (рис. 5, 18, 3).

Орнаментированная керамика составляет лишь треть коллекции. Орнамент занимал верхнюю часть внешней поверхности сосудов, по шейке и в месте перехода тулова в шейку. В технике орнаментации господствует гребенчатый штамп средних размеров (рис. 4, 1, 2, рис. 5, 15) и прочерчивание. Гладкий штамп использовался реже (рис. 4, 8, 9, 12). В единичных случаях отмечено нанесение коротких отрезков в технике «протасенной гребенки» (рис. 4, 5, рис. 5, 2, 6). Среди элементов орнамента наиболее часто использовались заштрихованные треугольники, многорядные зигзаги, наряду с горизонтальными линиями-разделителями. Единично встречены вертикальные ряды, вдавления.

Керамическую коллекцию памятника можно определить как ранне-алакульскую (петровскую) с некоторыми раннесрубными чертами. Отнесение керамической коллекции к первому периоду существования срубной и алакульской культур видится нам по ряду причин: господство остросреберных форм сосудов, следы формовки части керамики на сосуде-основе, наличие фрагментов сосудов петровской культуры с оформленным «воротничком» (рис. 4, 4, 7–12), использование в технике орнаментации гребенчатого, гладкого штампа и прочерчивания. Практически полное отсутствие орнамента, выполненного в технике «протасенной гребенки», технике, которая на следующем «классическом» этапе станет господствующей в орнаментации сосудов.

Признаки керамической традиции срубной культуры первого периода проявляются в наличии слабопрофилированных форм сосудов, разнообразии вариантов оформления и размещения ребра при переходе от тулова к шейке, асимметричность облика сосуда. Наиболее ярко «осрубненность» керамической коллекции демонстрирует обработка внешней поверхности, практически половина сосудов имеет следы «расчесов» (рис. 5, 10–18).

Описанный выше топор отнесен к кабардино-пятигорскому типу, известному по предкавказским аналогам. На территории Южного Зауралья подобные топоры отмечены на поселениях и в могильниках эпохи

поздней бронзы (Нелин Д. В., 1996). Наиболее массово каменные топоры этого типа встречаются в погребальных памятниках раннесрубной культуры на территории Поволжья, Оренбуржья. Собственно и в Южном Зауралье, аналогичная находка каменного топора в кургане у поселка Мирного совершена в погребальном комплексе, наделенном чертами раннесрубной культуры (Корочкова О. Н., Корякова Л. Н., 2005).

Таблица

**Видовой состав остеологических остатков поселения Елизаветпольское-7
был определен к. г.-м. н. Л. Л. Гайдученко**

№ п/п	Вид, форма	Количество	
		костей	особей
1.	Лошадь	7	4
2.	Крупный рогатый скот (КРС)	60	10
3.	Мелкий рогатый скот (МРС)	49	
4.	Овца (отдельно)	29	5
5.	Кабан (дикий)	1	1
6.	Неопределимые до вида остатки	219	
Всего:		368	20

Лошадь — на поселении встречены преимущественно кости взрослых особей, лишь одна особь может быть признана молодой (около 2-х лет).

КРС — обнаруженные кости в массе своей отнесены к взрослым особям, реже — полувзрослые. В одном случае кости принадлежали теленку первого года жизни. КРС преимущественно комолый, зафиксирован лишь один фрагмент рогового стержня.

Овца — встречены взрослые, полувзрослые и молодые особи.

Кабан дикий — поросенок в возрасте 4–5 месяцев.

На костях и зубах патологических изменений не обнаружено. Обожженных костей не встречено. Погрызы хищников (собака, лисица) зафиксированы на 8,42 % костных остатков. Состояние поверхности отдельных остатков (эродированность, затертость) указывает на их длительное пребывание в субэральных условиях (на поверхности).

* * *

Культурный комплекс поселения Елизаветпольское-7 характеризуется как раннеалакульский, с выраженными чертами срубной культуры раннего периода. На сегодняшний день имеются множественные свидетельства

ства синхронизации раннесрубной и раннеалакульской (петровской) культур, позволяющие более подробно рассмотреть характер взаимодействия данных культурных образований на этапе становления срубно-алакульской контактной зоны (Горбунов В. С., 1992; Ткачев В. В., 2000, с. 33).

Выделение на материалах Южного Зауралья единого хронологического пласта памятников начала эпохи поздней бронзы вызывает определенные затруднения в силу большой культурной неоднородности комплексов этого периода, непроработанности вопроса соотношения памятников петровской культуры Северного Казахстана (по Г. Б. Здановичу), с раннеалакульскими памятниками западно-алакульской культурной группы (по В. В. Ткачеву) на фоне активного присутствия раннесрубного компонента (в свою очередь еще более неоднородного).

На территории Южного Зауралья многокомпонентный состав памятников начала эпохи поздней бронзы представлен как поселениями и могильниками «классического» варианта петровской культуры, так и памятниками, близкими западно-алакульской культурной группе.

Поселенческих памятников этого периода насчитывается в пределах одного десятка. Среди них синташтинские укрепленные поселения с определяющим петровским комплексом (Устье) (Виноградов Н. Б., 2004), и керамикой раннесрубной культуры (Куйсак) (Малютина Т. С., 1995). Собственно неукрепленных поселков этого времени, на сегодняшний день изучено лишь четыре: поселение петровской культуры Кулевчи III (Виноградов Н. Б., 1982), ряд поселений, где представлены традиции и раннеалакульской и раннесрубной культуры — Утяганское I (Гутков А. И., 1999, Батанина И. М., Иванова Н. О., 1995), Каменный Брод (Велитченко В., 2007, с. 50–51), Елизаветпольское-7.

Погребальные памятники этого времени достаточно разнородны и представлены курганами петровской культуры в могильниках: Кривое Озеро, Кулевчи-VI, Троицк-7, Большекараганский, к. 22; погребениями и курганами с раннеалакульскими и раннесрубными традициями в могильниках: Ак-мулла, Песчанка-2, 3, Степное-II, Каменный Амбар-5, к. 7; и комплексами, которые возможно охарактеризовать в качестве раннесрубных — Большекараганский, к. 11, к. 20, Мало-Кизильский-II, к. 1, Система-1, к. 7, курганы у поселка Мирный.

В целом, пласт раннеалакульских и раннесрубных памятников не отличается многочисленностью. Подобная ситуация отмечена исследователями во многих прилегающих районах: отсутствие однослойных памятников раннесрубного этапа в Поволжье (Седова М. С., 2000), незначительность их в Башкирии (Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т., 1992), единичные петровские поселения в Притоболье. Сам факт малочисленности памятников этого времени, не образующих мощных куль-

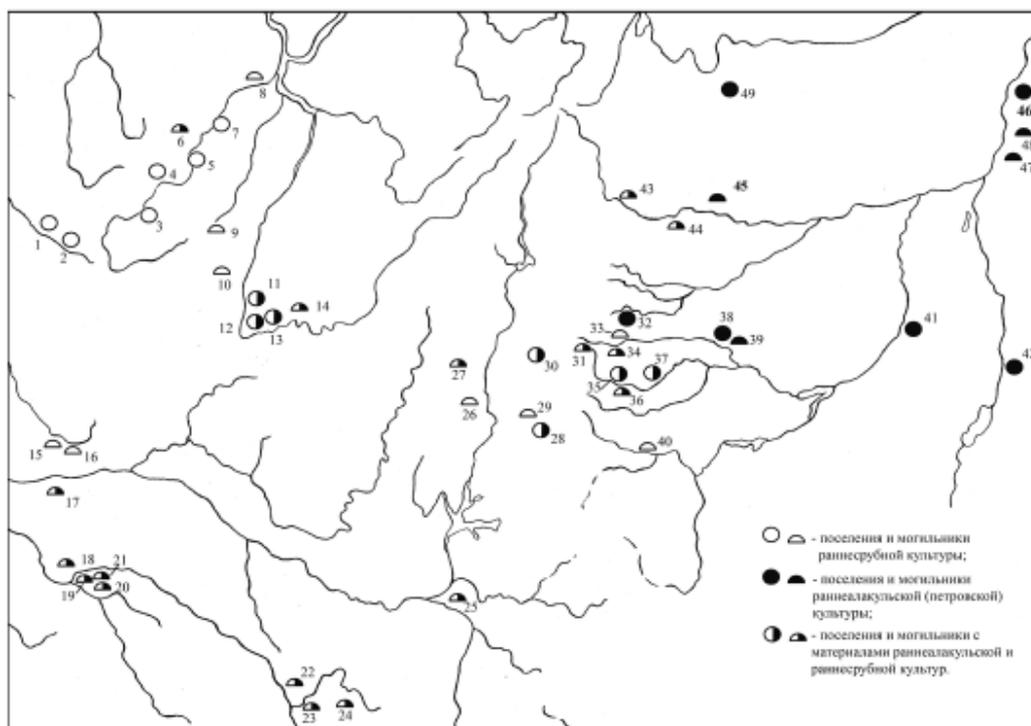

Рис. 7. Карта памятников с материалами раннеалакульской и раннесрубной культуры Волго-Уральского региона.

- 1 – пос. Андреевское озеро, 2 – пос. Красные Пески, 3 – пос. Набережное I, II, 4 – пос. Давлеканово-I, 5 – пос. Старо-Яппаровское, 6 – мог. Старо-Ябалаклинский, 7 – пос. Нижнее-Хозятовское, 8 – мог. Юматовский, 9 – мог. Петряевский, 10 – мог. Варваринский, 11 – пос. I Береговское, 12 – III Юмаковское, 13 – пос. Тюбяк, 14 – мог. Береговский, 15 – мог. Ново-Белогорка, 16 – мог. Свердлово IV, 17 – мог. Краснопартизанский II, 18 – мог. Ветлянка IV, 19 – мог. Близнецы (Кумак), 20 – мог. Увак, 21 – мог. Пятимары, 22 – мог. Восточно-Курайлинский I, 23 – мог. Жаман-Каргалы II, 24 – мог. Ульке I, 25 – мог. Новый Кумак, 26 – мог. Мало-Кизильский II, 27 – мог. Альмухаметовские I курганы (к. 15), 28 – пос. Утяганское I, пос. Каменный Брод, 29 – мог. Большечекараганский, к. 11, к. 20, 30 – укр. пос. Куйсак, 31 – мог. Песчанка 2, 3, 32 – укр. пос. Устье, 33 – мог. Система-I, к. 7, 34 – мог. Ак-мулла I, 35 – укр. пос. Каменный Амбар (Ольгино), 36 – мог. Каменный Амбар-5, к. 7, 37 – пос. Елизаветпольское-7, 38 – пос. Кулевчи III, 39 – мог. Кулевчи VI, 40 – курганы у пос. Мирного, 41 – пос. Конезавод III, 42 – пос. Семиозерное, 43 – мог. Степное II, 44 – мог. Кривое Озеро, 45 – мог. Троицк-7, 46 – пос. Камышное II, 47 – мог. Раскатиха, 48 – мог. Верхняя Алабуга, 49 – пос. Шибаетов I

турных напластований, свидетельствует об относительной кратковременности этого этапа в истории алакульской и срубной культур (Зданович Г. Б., 1983, с. 50).

Картографирование памятников начала эпохи поздней бронзы с раннеалакульским и раннесрубным культурным компонентом показало, что территория контактной зоны первого этапа совпадает с границами зоны «классического» периода существования срубной и алакульской культуры и размещается в Оренбуржье, на Южное Зауралье приходится ее северная периферия (рис. 7). С востока, контактная зона ограничивается верховьями притоков р. Тобол, северная граница ее проходит по линии памятников – Устье, Кулевчи III. По этой линии и к северу от нее, раннесрубное присутствие минимально, а в большинстве случаев и не фиксируется. На западе естественной границей служат Уральские горы, и хотя черты петровской культуры выявлены на ряде памятников Башкирии (Горбунов В.С., 1992), собственно комплексов петровской культуры там не выявлено.

Если обратиться к рассмотрению вопроса о характере и интенсивности присутствия раннесрубного компонента на памятниках Южного Зауралья, то можно отметить что, несмотря на присутствие раннесрубных признаков во многих раннеалакульских комплексах, «чистых» поселений срубной культуры раннего периода на территории Южного Зауралья не отмечено, более того, отсутствуют поселения, в культурном слое которых срубный компонент был бы преобладающим.

Наиболее ярко раннесрубные характеристики проявляются в погребальных комплексах, представленных отдельными погребениями, курганами в могильниках, где, практически всегда присутствуют и раннеалакульские традиции.

В качестве заключения, можно отметить, что территория Южного Зауралья является периферийным участком срубно-алакульской контактной зоны первого этапа, где представлены не только памятники, иллюстрирующие процесс взаимодействия, смешения традиций, но и памятники пограничных территорий раннеалакульской культуры, где раннесрубное присутствие не отмечено (мог. Троицк-7, пос. Кулевчи III).

Источники

1. Костюков В. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Кизильском районах Челябинской области в 1992 г. – Челябинск, 1993 // Архив ИА РАН.
2. Тарасов Ю. В. Отчет об археологической разведке в Карталинском районе Челябинской области в 1982 г. – Челябинск, 1983 // Архив ИА РАН.

Библиографический список

1. Батанина И. М., Иванова Н. О. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск, 1995.
2. Велитченко В. В. Поселение Каменный Брод — спутник укрепленного центра Аркаим // Археология, Этнология, Палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVII региональной (III Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–7 апреля 2007 г.). — Новосибирск, 2007.
3. Виноградов Н. Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. — М., 1982. — Вып. 169.
4. Виноградов Н. Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретация // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: сб. ст. памяти В.В. Волкова. — М., 2004.
5. Горбунов В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. — Уфа, 1992.
6. Гутков А. И. Была ли сельскохозяйственная округа в бронзовом веке? // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): тезисы докладов. — Челябинск, 1999.
7. Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1983.
8. Корочкова О. Н., Корякова Л. Н. Курганы срубной культуры у поселка Мирный // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005.
9. Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конференции. — Челябинск, 1995. — Ч. V, кн. 1.
10. Нелин Д. В. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания. — Самара, 1996. — Вып. 1.
11. Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. — Самара, 1992.
12. Седова М. С. Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000.
13. Ткачев В. В. Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье (западноалакульская группа) // Культурное наследие степей Северной Евразии. — Оренбург, 2000. — Вып. 1.

КЕРАМИКА ПАМЯТНИКОВ ПЕТРОВСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ И СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Непосредственно со времени открытия памятников петровского типа в Северном Казахстане исследователи приступили и к систематизации представлений о петровской керамике и гончарстве.

Первооткрыватель памятников петровского типа в Северном Казахстане Г.Б. Зданович в специальной статье (Зданович Г. Б., 1973. С. 21–43) охарактеризовал петровскую керамику практически по материалам *лишь* эпонимного могильника у с. Петровка (курсив мой – Н. В.), оставив без внимания петровские керамические коллекции из петровских поселений Северного Казахстана.

В комплексе керамики из могильника Петровка исследователь выделил три разновидности сосудов: «с остросереберной профилировкой, оттянутым верхним, плоско срезанным краем; сосуды с более сглаженным ребром; банки с прямыми или выпуклыми стенками» (Зданович Г. Б., 1973. С. 26). Наружная поверхность около половины из 28 обнаруженных при раскопках могильника у с. Петровка сосудов полностью орнаментирована. Остальные орнаментированы на 2/3 высоты от венчика до верхней части тулова включительно. Широко распространено орнаментирование днищ. Выполненный в прочерчивании орнамент представлен преимущественно зигзагами, заштрихованными наклонно равнобедренными треугольниками, горизонтальными желобками и ямочными вдавлениями. Единичны меандры, свастические символы (Зданович Г. Б., 1973. С. 26–27. Табл. III).

В редакции описания петровской керамики 1988 г. Г.Б. Зданович выделяет три группы петровской керамики: остросереберные горшки горизонтальных пропорций с широкими горловинами и небольшим дном, составляющие «специфику петровской посуды»; подобные же горшки, но со сглаженным ребром при переходе от плеча к тулову; баночные формы (Зданович Г. Б., 1988. С. 110). Исследователь вновь подчеркнул немногочисленность орнаментальных элементов ранней и поздней петровской керамики и подразделил специфику их нанесения в соответствии с логикой выделенной им петровской культуры.

По итогам исследования серии ярких петровских комплексов в пределах Кустанайской области современной Республики Казахстан В. В. Ев-

докимов подразделил петровский керамический комплекс на четыре разновидности сосудов: «горшковидные сосуды с плавной линией профилировки; горшковидные с ребром; горшечно-баночные и банковидные» (Евдокимов В.В., 1983. С. 35). Исследователь отмечает, что для большой выборки петровских сосудов характерна полная орнаментированность наружной поверхности и использование относительно небольшого набора орнаментальных элементов.

Т. М. Потемкина, в соответствии с авторской концепцией автохтонного происхождения алакульской культуры в Среднем Притоболье, при классификации керамики из исследованных ею алакульских памятников выделяет большую группу острореберных сосудов «часто с воротничком на шейке» и трехзональным членением орнаментации (наклонно заштрихованные треугольники, горизонтальные линии, зигзаги) (Потемкина Т. М., 1983. С. 23–24). Именно эту группу керамики она связывает как с памятниками новокумакского хронологического горизонта (Потемкина Т. М., 1983. С. 22. Рис. 3), так и с петровскими комплексами Северного Казахстана. Характеризуя керамику из выделенной ею второй группы погребений могильника Верхняя Алабуга, исследователь отмечает, что та представлена исключительно (кроме единственного баночного сосуда) острореберными сосудами с «воротничком» по шейке, орнаментированным по двум-трем зонам тремя основными элементами (Потемкина Т. М., 1983а. С. 15–17. Рис. 2). И вновь Т. М. Потемкина подчеркивает связь этой группы керамики могильника Верхняя Алабуга с петровскими памятниками Северного Казахстана (Потемкина, 1983а. С. 18). Ею же была разработана типология керамики бронзового века Среднего Притоболья из трех групп. В подгруппе I Г находим интересующую нас керамику (Потемкина Т.М., 1985. С. 193. Рис. 83; С. 268).

Характеризуя петровскую керамику, ведущий исследователь памятников петровского типа в Степном Приуралье В. В. Ткачев приводит свое видение ее эволюции от синташтинской к петровской, когда «наряду с острореберными горшками, у которых исчезает внутреннее ребро, появляются сосуды с уступчатым плечом и посуда промежуточных форм. На подобной керамике шейка иногда оформлена каннелюрами и имеет неорнаментированную зону в нижней части» (Ткачев В.В., 1998. С. 41). Полемизируя с А.В. Матвеевым об особенностях керамики «кулевчинского» (по А. В. Матвееву) этапа, В. В. Ткачев, не приводя системы поддерживающих аргументов, скептически оценивает тезис о доминанте в петровском керамическом комплексе сосудов с «воротничком» по шейке, указывая, что в петровских памятниках керамика с утолщением-воротничком под венчиком имеет региональное распространение, поскольку зафиксирована лишь в Зауралье и Притоболье (Ткачев В.В., 2003. С. 119). Полагаем,

что для столь решительного заключения нет оснований. Посуда «кулевчинского» типа с утолщением-воротничком под венчиком, ребром или ребром-уступом при переходе к усеченно-коническому или слегка выпуклому тулову, двух-трехзональным размещением орнаментации, где набор элементов достаточно невелик, широко распространена практически во всех районах петровских (раннеалакульских) памятников, включая Центральный Казахстан (памятники нуртайского типа) (Ткачев А. А., 2002), за исключением окраинного в петровском ареале Степного Приуралья, которое на протяжении позднего бронзового века постоянно было частью срубно-алакульской контактной зоны (Ткачев В. В., 1998. С. 45) с достаточно нестабильным в культурном отношении населением и археологически не фиксируемой его периодической сменой. Это достаточно хорошо отражает облик керамики из исследованных В.В. Ткачевым могильников Степного Приуралья (Ткачев В. В., 1998. С. 51. Рис. 3; С. 52. Рис. 4). Технология лепки самого «воротничка» сосудов из могильников Степного Приуралья, слегка изогнутого в профиле, насколько возможно судить по публикации, указывает на относительно поздний, в пределах истории рассматриваемого типа, возраст. Авторские наблюдения над подобными формами позволяют отнести их скорее к этапу развитой алакульской культуры Южного Зауралья. Мы не считаем возможным, вслед за Г.Б. Здановичем и В.В. Ткачевым, говорить о «реминисцентном» сосуществовании в пределах одного и того же погребального комплекса керамических форм, которые в поселенческой жизни никогда уже вместе не использовались. Известные нам материалы не подтверждают этот тезис. Если в пределах одной погребальной площадки центральные и периферийные погребения содержат разновременную керамику, то подобные факты не обязательно должны интерпретироваться как сохранение архаичных традиций в погребальной обрядности. Вполне уместно и предположение о хронологической последовательности совершения центральных и периферийных погребений.

В то же время, нет оснований считать ясной и однозначно решаемой проблему смены синташтинского керамического стиля и погребального обряда петровским (раннеалакульским). Несомненно, что по мере введения в научный оборот всех полученных за последние десятилетия XX в. комплексов выяснятся и порайонные особенности этого процесса. Так, в частности, уже сейчас возможно говорить о том, что в ряде петровских, по сути, погребальных памятников в Костанайской области Республики Казахстан (Бестамак, Токанай I) и в Центральном Казахстане вместе с достаточно поздними формами керамики и металлических изделий (ножи-кинжалы, головные венчики и т.д.) устойчиво встречаются комплексы наконечников украшений, модель которых, впервые найденная при

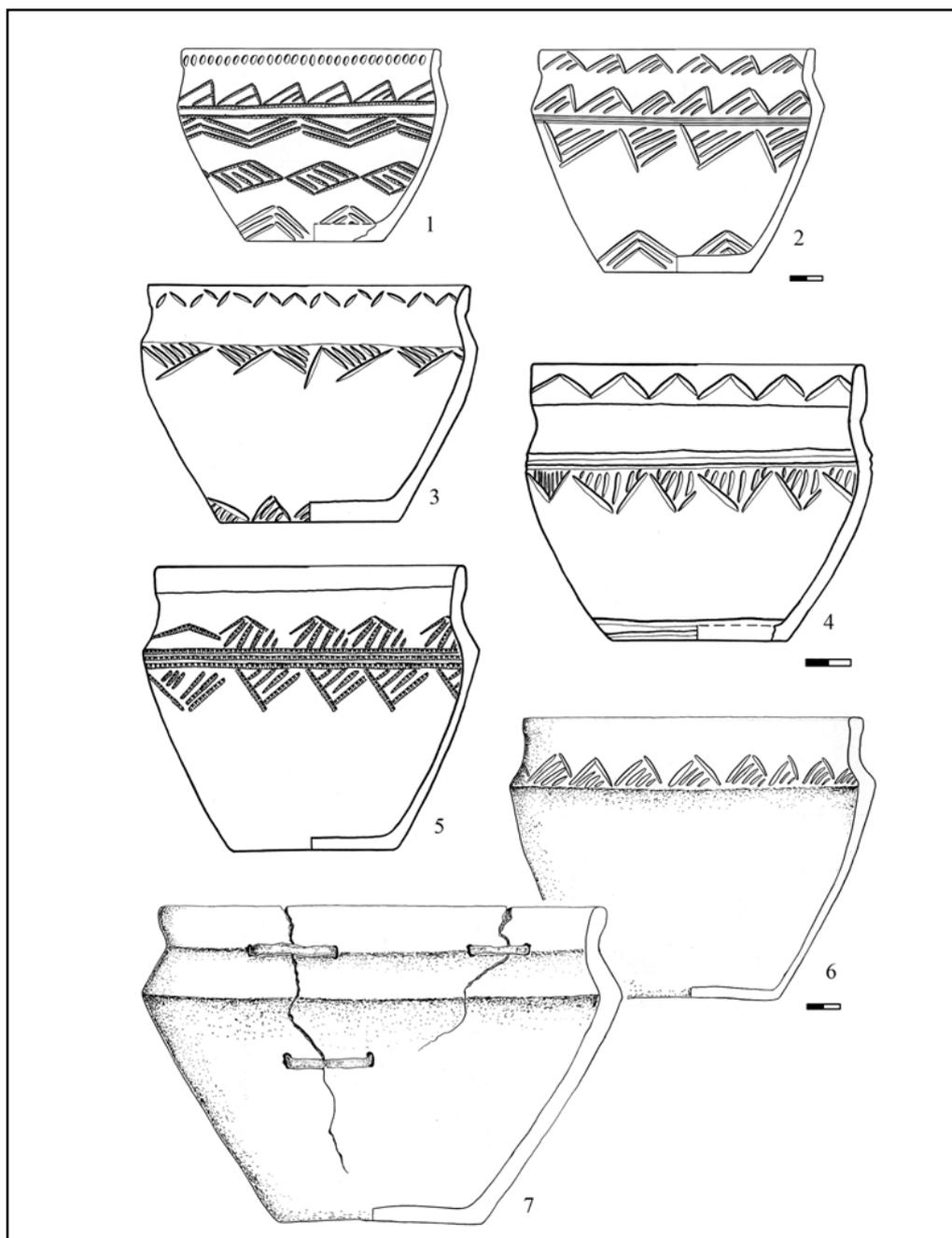

Рис. 1. Керамика памятников петровского типа
1-2 – Алексеевское поселение; 3-5 – могильник Степное 1;
6-7 – могильник Грызаново

Рис. 2. Керамика памятников петровского типа
1-3 – поселение Владимировка I; 4 – поселение «У моста»;
5 – поселение Кинзерское I; 6 – поселение Городищенское III;
7-8 – поселение Старо-Кумлякское; 9-10 – поселение Архангельский прииск;
11 – поселение Кулевицы «Д»; 12 – поселение Чернореченское III;
13 – поселение Селезян I

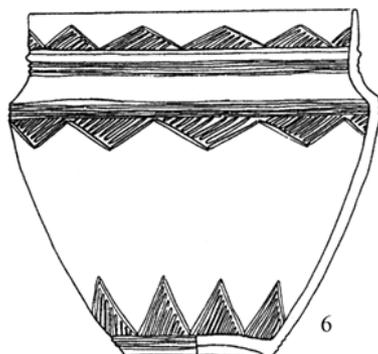
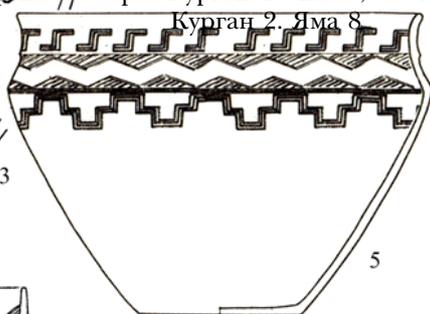
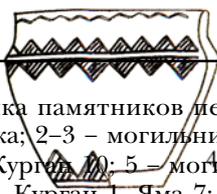
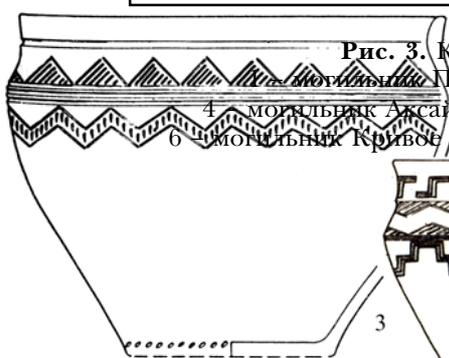
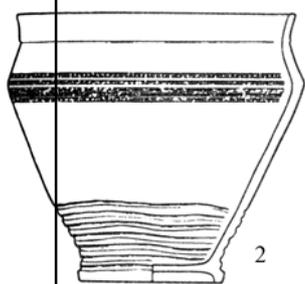
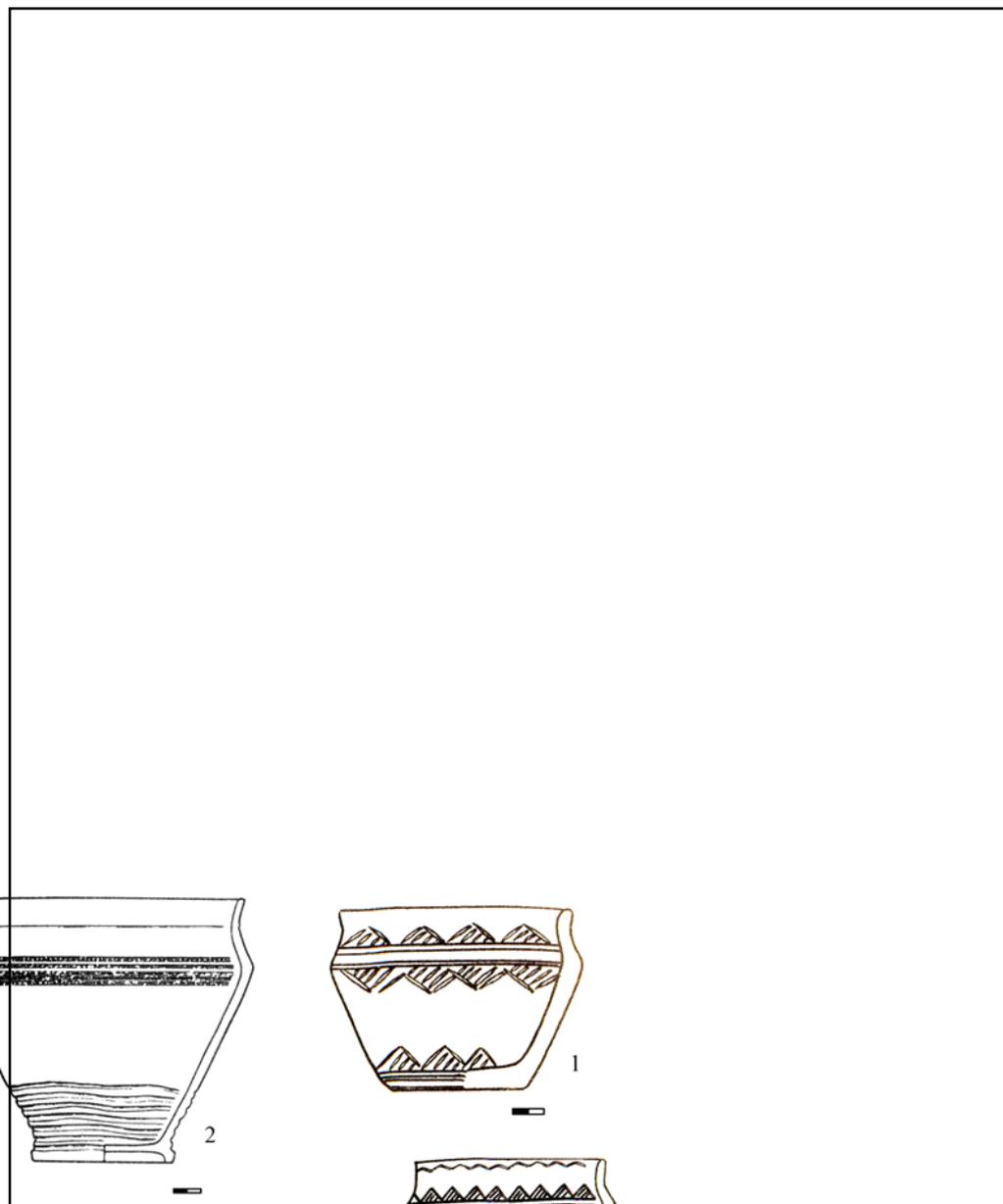

Рис. 3. Керамика памятников петровского типа
1 – могильник Петровка; 2-3 – могильник Берлик II. Курган 10;
4 – могильник Аксайман. Курган 10; 5 – могильник Аксайман. Курган 9;
6 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 7; 7 – могильник Кривое Озеро.
Курган 2. Яма 8.

Рис. 4. Керамика памятников петровского типа
1-2 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Из насыпи; 3-4 – Курган 1. Яма 5; 5-6 –
Курган 2. Яма 3; 7 – Курган 1. Яма 3

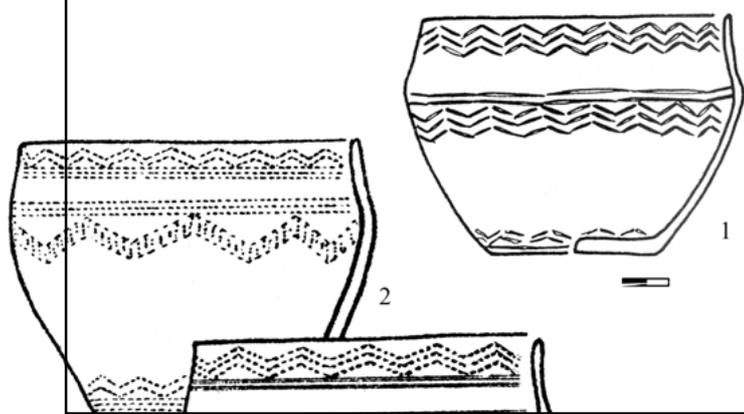
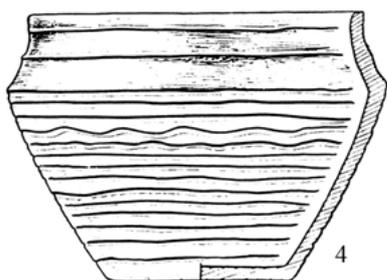
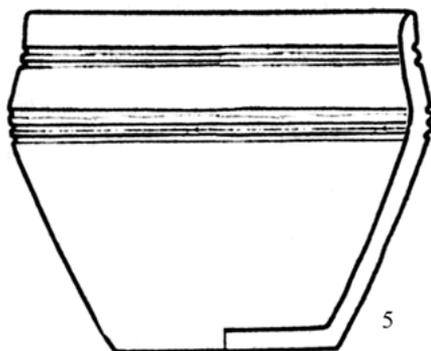

Рис. 9. Керамика памятников петровского типа
1-3 - могильник Тис-Голубяжский. Курган 10; 4 - могильник Верхняя Алабуга.
Яма 6; 5 - могильник Аксайман. Курган 4. Яма 9

3

4

5

Рис. 6. Керамика памятников петровского типа
1 – поселение Шибаво I. Подъемные сборы; 2 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Из насыпи; 3–4 – могильник Кулевичи VI. Курган 4. Яма 1

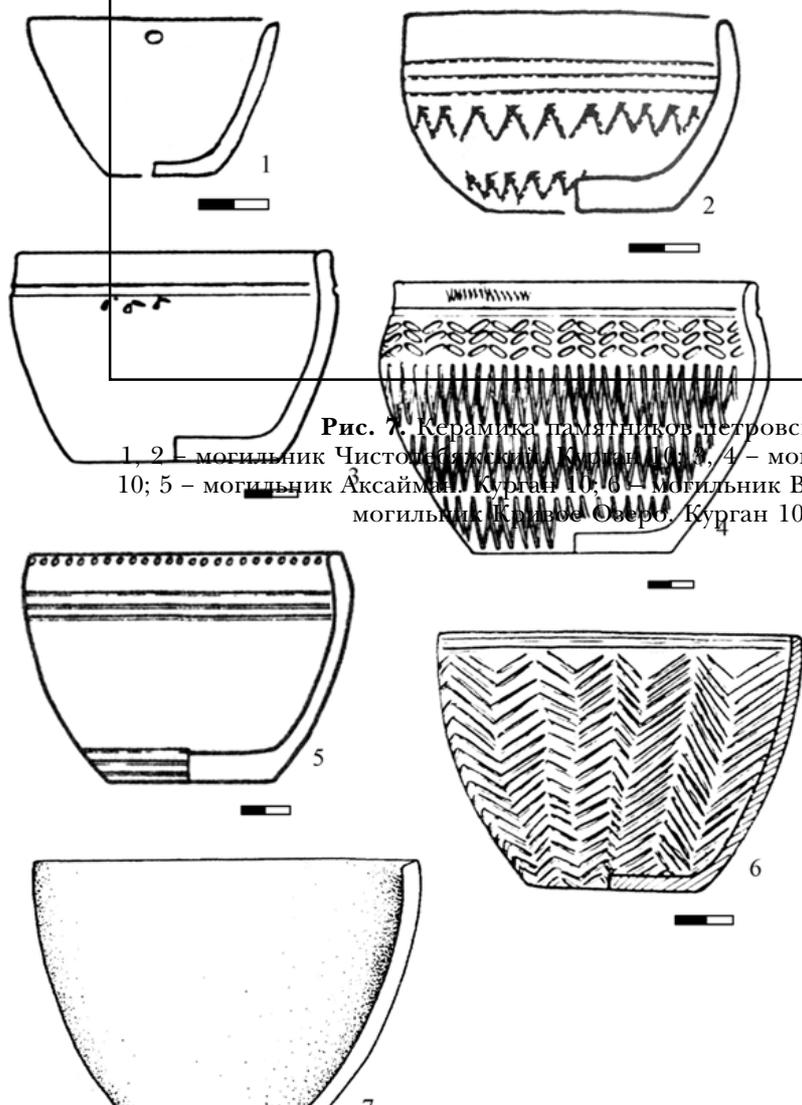

Рис. 7. Керамика памятников петровского типа
1, 2 – могильник Чистое Сяккыя, Курган 10; 3, 4 – могильник Берлик II, Курган 10; 5 – могильник Аксайман, Курган 10; 6 – могильник Верхняя Алабуга, Яма 2; 7 – могильник Кривое Озеро, Курган 10, Яма 3

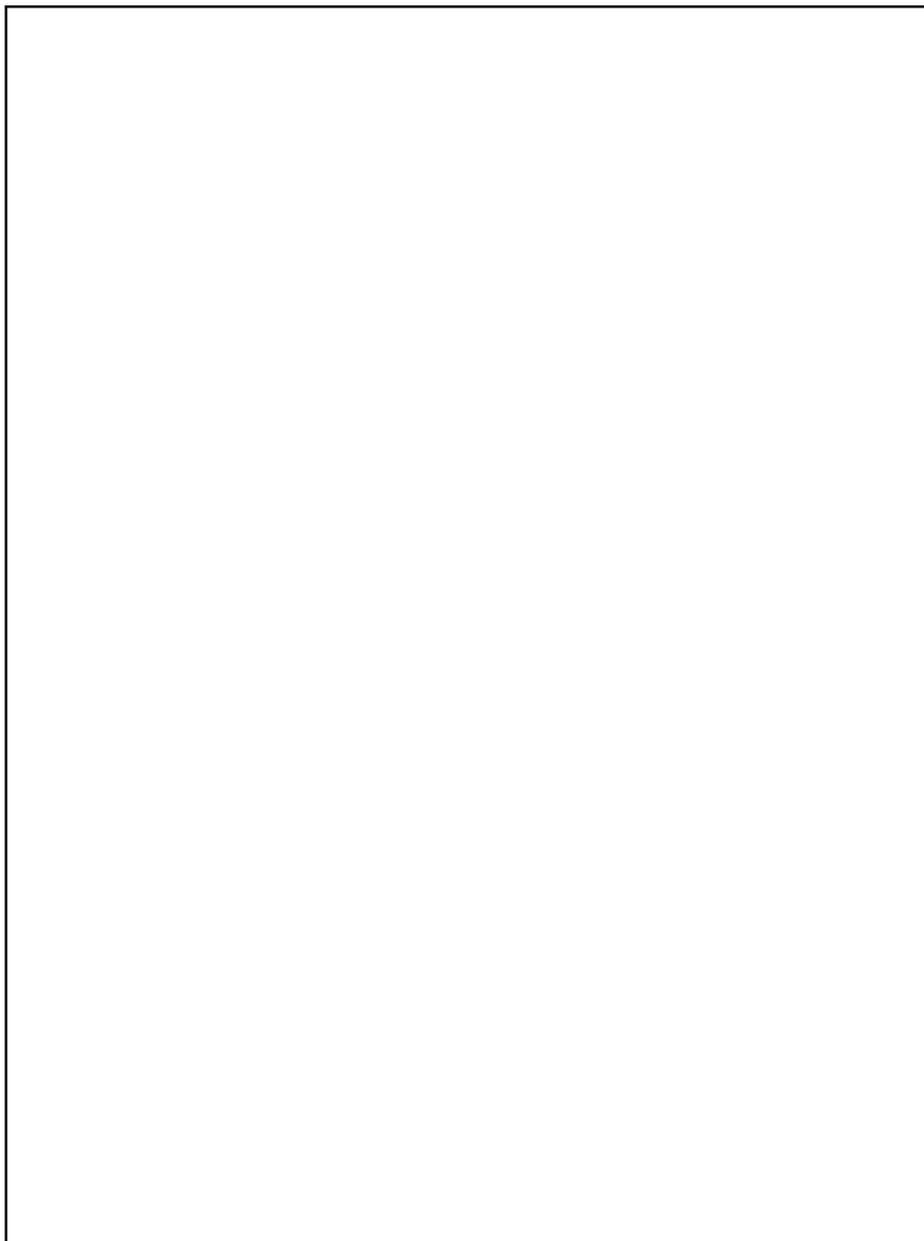

Рис. 8. Керамика памятников петровского типа
1-2 – могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 7

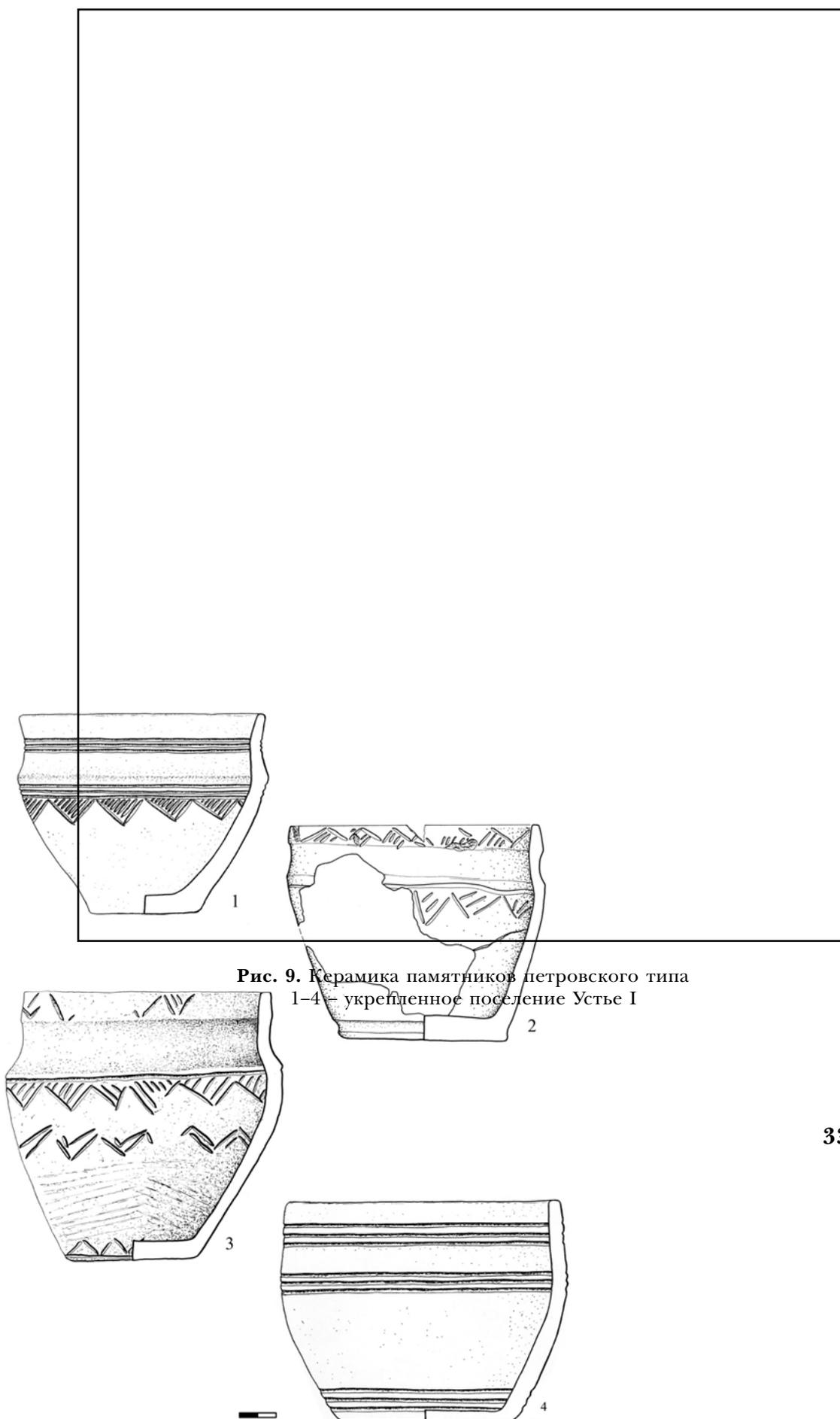

Рис. 9. Керамика памятников петровского типа
1-4 - укрепленное поселение Устье I

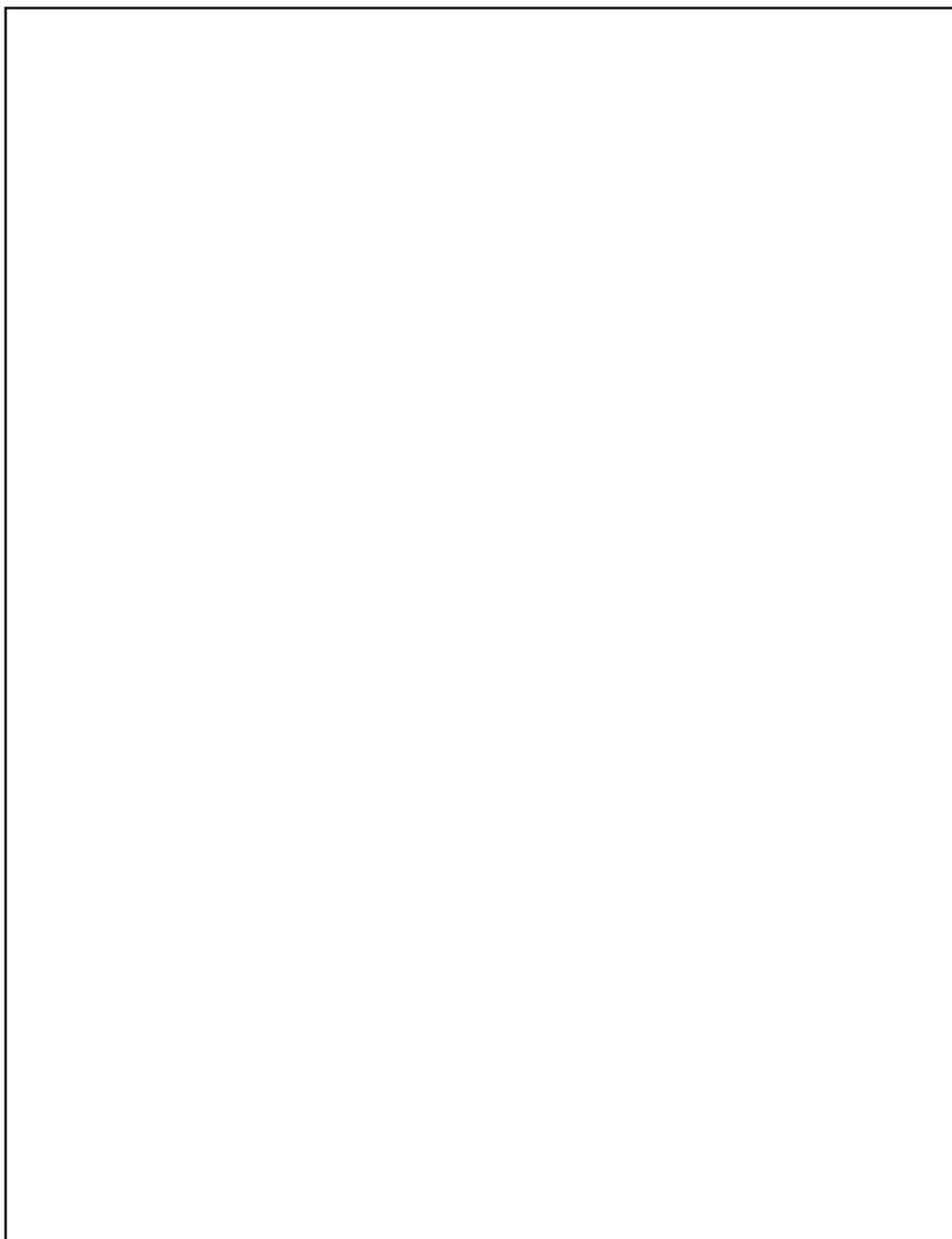

Рис. 10. Керамика памятников петровского типа
1-8 – укрепленное поселение Устье I

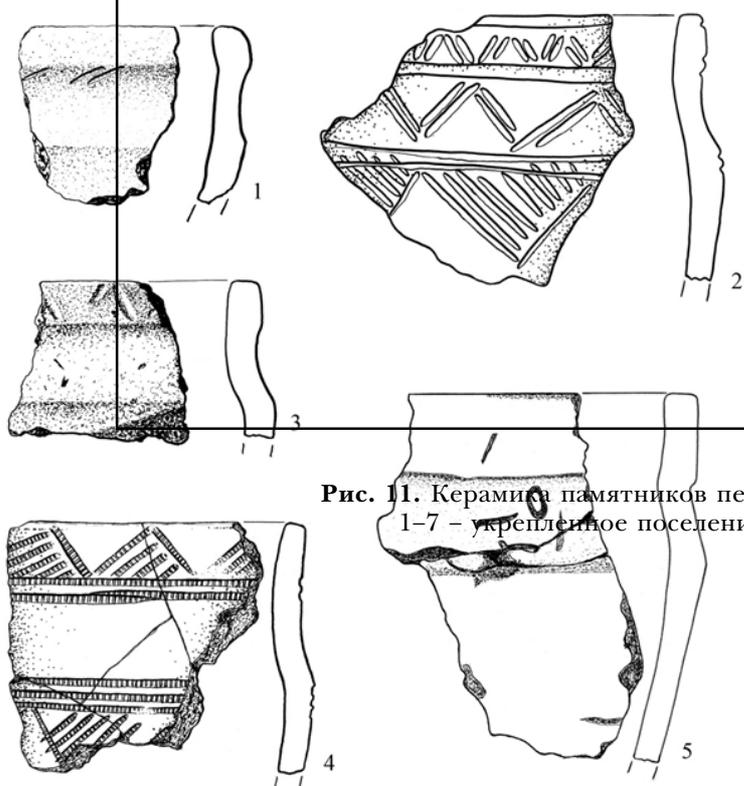

Рис. 11. Керамика памятников петровского типа
1-7 – укрепленное поселение Устье I

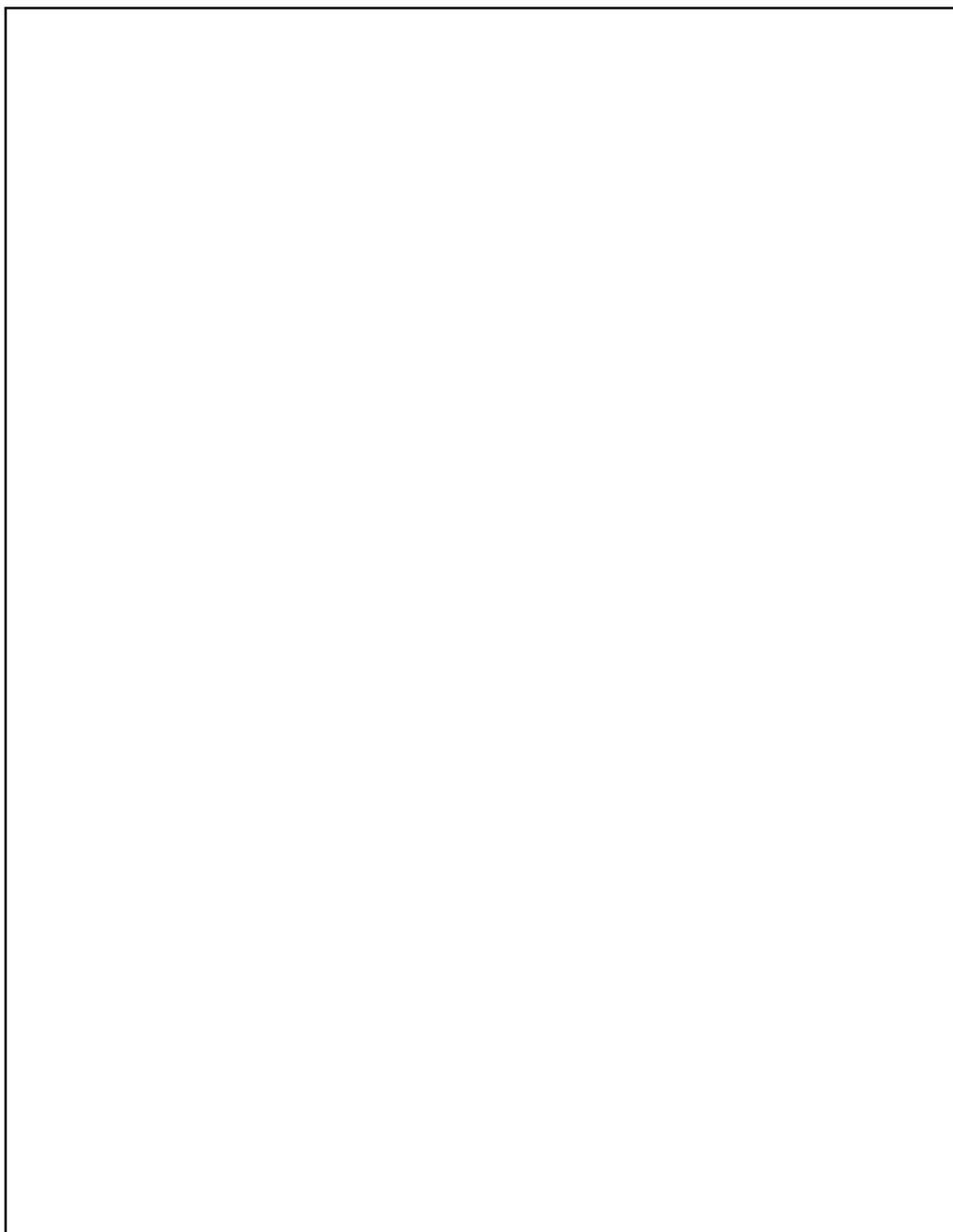

Рис. 12. Керамика памятников петровского типа
1-5 – укрепленное поселение Устье I

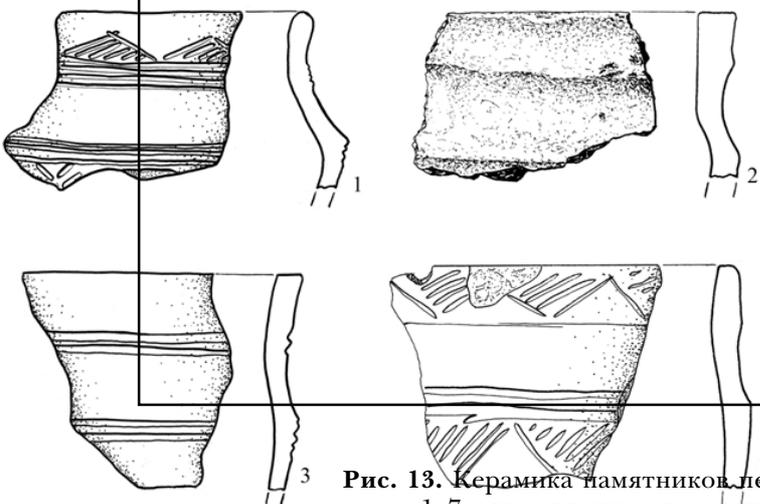
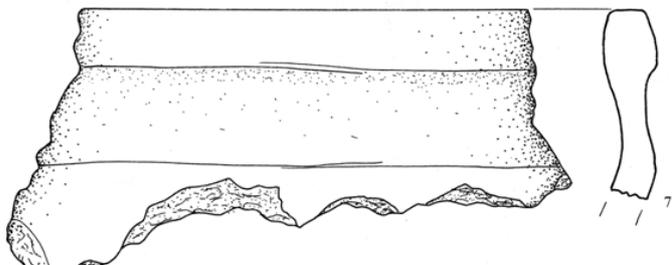
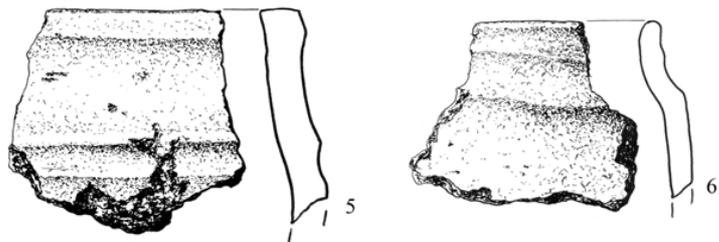

Рис. 13. Керамика памятников петровского типа
1-7 – укрепленное поселение Устье I

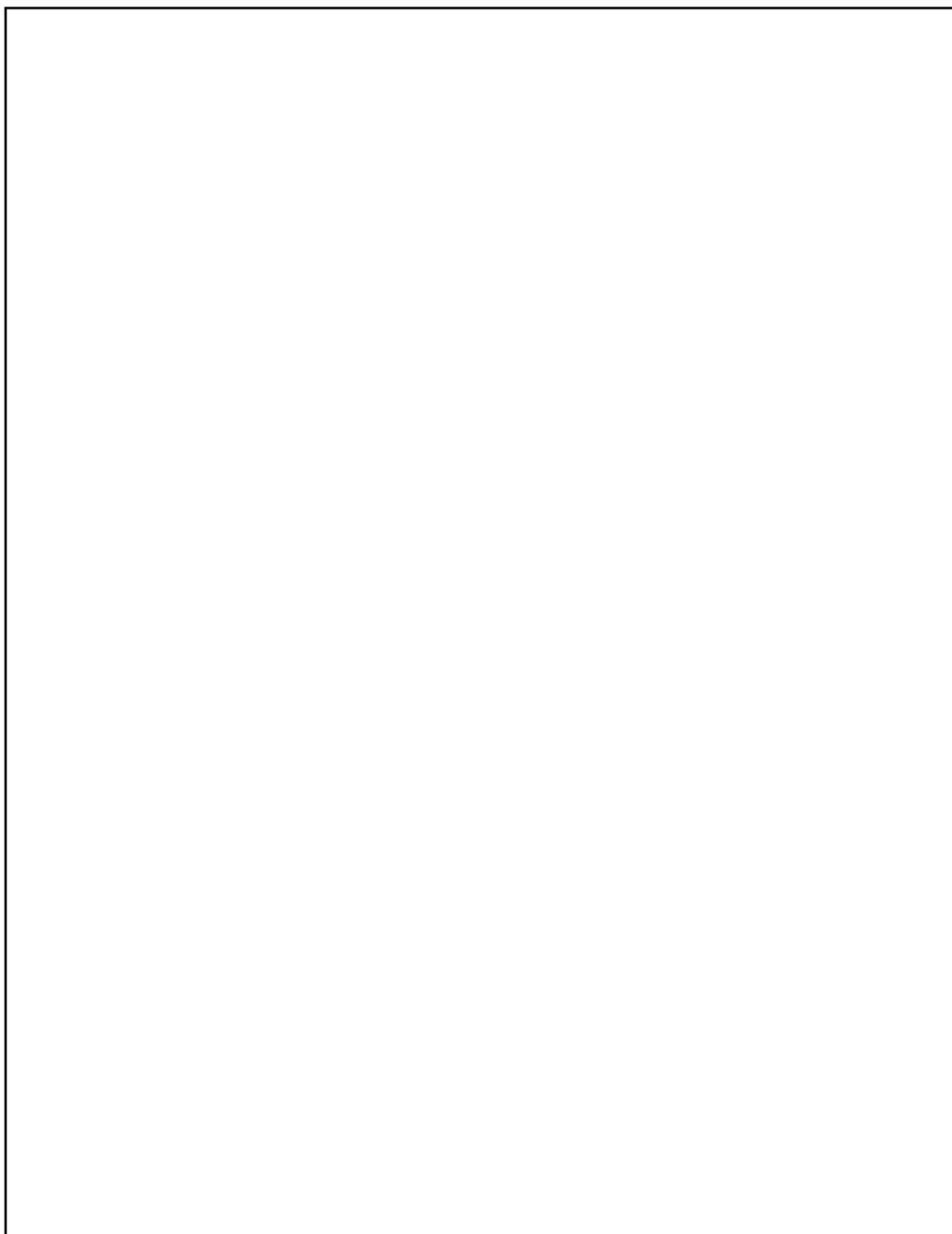

Рис. 14. Керамика памятников петровского типа
1-6 – укрепленное поселение Кулевчи III

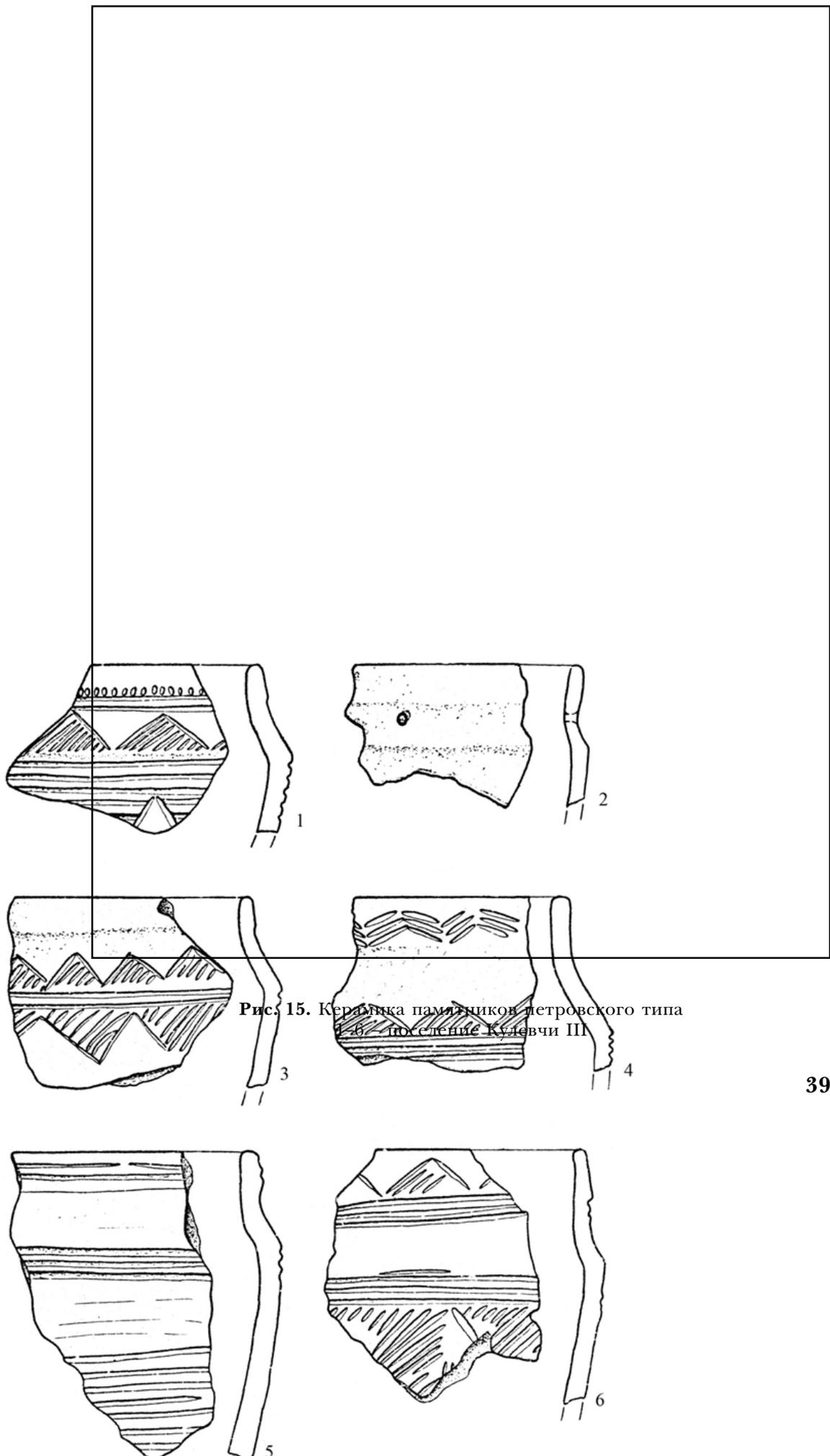

Рис. 15. Керамика памятников петровского типа
6 - поселение Кулевчи III

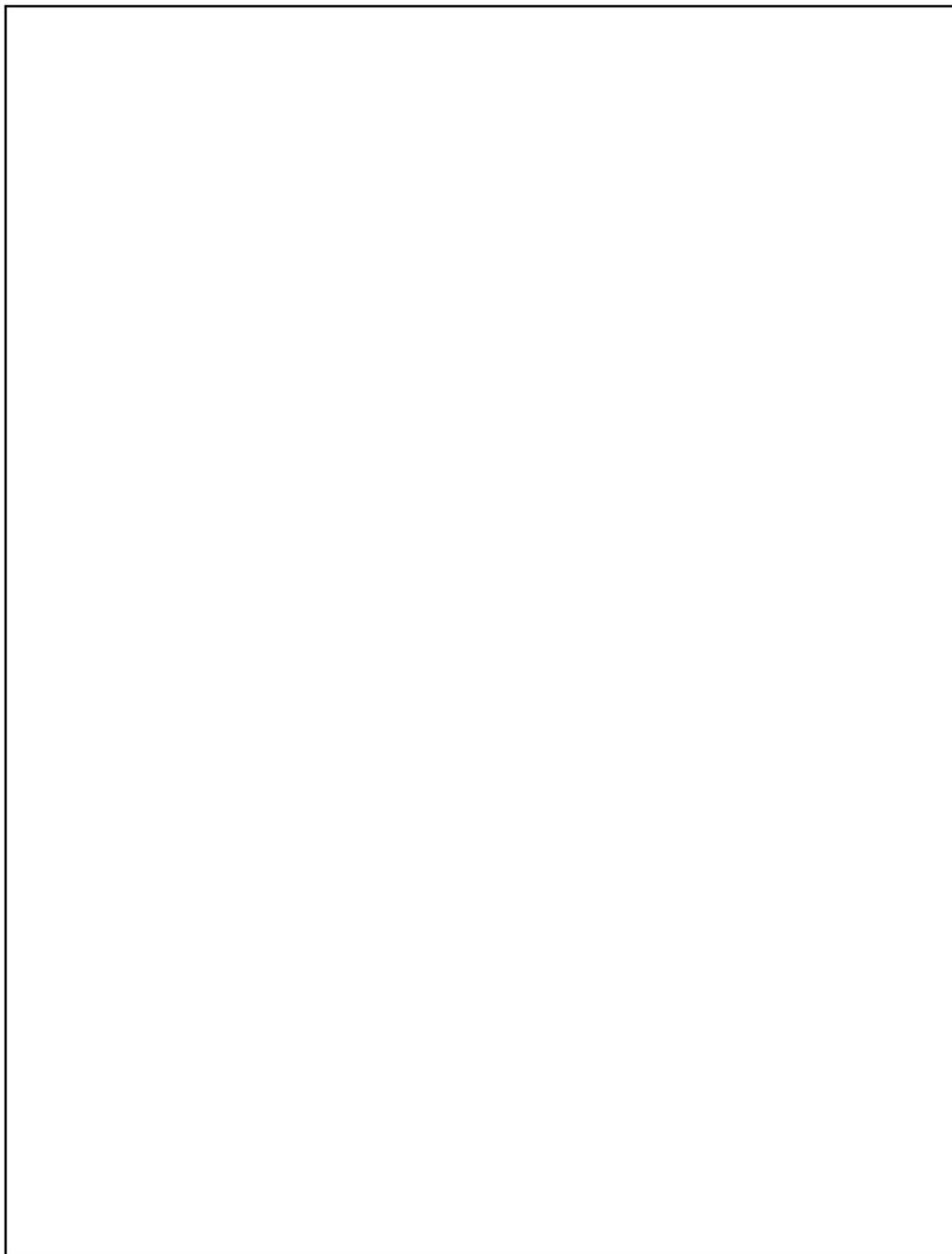

Рис. 16. Керамика памятников петровского типа
1-5 – поселение Кулевчи III

исследовании Синташтинского I могильника, выглядит для данного времени достаточно архаично. Кроме этого, симптоматично сохранение некоторых архаических деталей формы петровской керамики в Северном и Центральном Казахстане, как, например, наклонных внутренних срезов венчика (см. И.А. Кукушкин, 2007). Пока нет достаточных аргументов однозначно объяснить эти факты. Соблазнительно, конечно, объяснить их синхронным развитием синташтинских памятников Южного Урала и петровских памятников Казахстана. Однако отсутствие в этих районах синташтинских поселений и могильников, убедительные стратиграфические наблюдения за чередованием синташтинских и петровских культурных слоев на памятниках Южного Зауралья, новейшие серии дат по С¹⁴, более поздние типологические серии роговых псалиев из петровских памятников Казахстана, в сравнении с синташтинскими Южного Зауралья, — все эти аргументы свидетельствуют скорее о пережиточных, палеоэтнографических маркерах, характерных для периферийных районов влияния синташтинского культурогенетического импульса.

По-прежнему, как и в синташтинском гончарстве, петровские мастера используют технологию формовки новых сосудов на старых, обтянутых тканью (Виноградов Н.Б., Мухина М.А., 1985. С. 81). О технологической преемственности синташтинского и петровского гончарства свидетельствует и А.И. Гутков (Гутков А.И., 1995. С. 134).

Петровская керамика, как и синташтинская, характеризуется преимущественным применением в качестве примесей к тесту измельченного талька и шамота.

Керамика из петровских памятников, по авторской классификации, подразделена на несколько подгрупп.

Наиболее многочисленна подгруппа горшечно-баночных сосудов. Ведущим типом здесь являются сосуды преимущественно остросереберной формы (с ребром или ребром-уступом в верхней трети высоты корпуса), с характерным утолщением — валиком под венчиком с внешней стороны (Виноградов Н.Б., 2004. С. 266. Рис. 3; С. 271. Рис. 7) (рис.1, 1–7; 2, 1–13). Однако в сравнении с синташтинской керамикой для петровской существенно увеличивается доля сосудов со слабо выпуклым туловом. Отличает ее и отсутствие «внутреннего ребра» при переходе от шейки к плечу.

Необходимо заметить, что ведущий тип петровской посуды ни на одном петровском памятнике не является единственным. Как правило, он сочетается с остросереберными горшечно-баночными сосудами с усеченно-коническим или слабо выпуклым туловом, прямой или отогнутой наружу, редко «сдвоенной» шейкой (рис. 3, 1–7; 4, 1–7) или с биконическими формами (рис. 5, 1–5). Мы полагаем, что А.В. Матвеев совершенно справедливо указывает, что при обсуждении хронологической пози-

ции того или иного петровского памятника процентная доля ведущего типа петровской посуды выступает в качестве хронологического индикатора (Матвеев А. В., 1998. С. 282–283). Чем больше в керамическом комплексе памятника сосудов упомянутого типа, тем более ранним в пределах петровских он должен считаться. Упомянутая прогрессия отражает эволюционное в целом движение, маркированное постепенным увеличением доли сосудов с уступчатым плечом.

Подгруппа петровских баночных сосудов представлена преимущественно крупными сосудами-корчагами с утолщением-валиком под венчиком с внешней стороны (рис. 6, 1–4). Однако присутствуют и баночные сосуды небольшого объема (рис. 7, 1–7).

Орнаментация петровской керамики, как правило, устойчиво распределяется по двум-трем орнаментальным зонам. Сплошь орнаментированные по внешней поверхности сосуды крайне редки, как и орнаментирование донной части. Для петровских сосудов применялось от двух до семи элементов орнамента. Главным образом это наклонно заштрихованные равнобедренные треугольники, горизонтальные зигзаги в сочетании с горизонтальными линиями. И симптоматично, в этом контексте, выделение Ф. Н. Петровым в керамической коллекции из раскопок укрепленного поселения Аркаим типа 2 (Петров Ф.Н., 1996. С. 59. Рис. 1), сосуды которого, по мнению автора типологии, «близки петровским». Близость срубного «мира» обусловила в Южном Зауралье формирование срубно-петровской контактной зоны с неустойчивой типологией керамики. Материалы ряда могильников, в частности Большекараганского, – убедительное тому подтверждение (Боталов С. Г., Григорьев С. В., Зданович Г. Б., 1996. С. 74–77. Рис. 12; 13). Отмечены также единичные случаи импортов раннесрубной (покровской) керамики в петровских погребениях, где они находились в одном комплексе с собственно петровскими сосудами (рис. 8). Можно с полным основанием утверждать об эволюционной трансформации петровских комплексов в комплексы развитого (среднего) этапа истории алакульских культур Южного Зауралья и Казахстана. Об этом, в частности, свидетельствуют коллекции из раскопок петровского культурного слоя укрепленного поселения Устье I (рис. 9–13), и петровских построек поселения Кулевчи III (рис. 14–16).

В целом, обсуждая петровскую керамику, возможно говорить о формировании именно в петровской гончарной традиции, а не на развитой стадии истории алакульских культур, как считает В.В. Ткачев, большинства алакульских признаков. Петровское гончарство, по нашему мнению, отражает устойчивые, канонические традиции и может быть определено как раннеалакульское.

Заключая рассмотрение петровского гончарства необходимо подчеркнуть еще раз авторское видение памятников петровского типа. Таковыми могут считаться только поселенческие и погребальные памятники с керамикой хорошо известной по раскопкам укрепленного поселения Устье I, поселения Кулевчи III, Большекараганского могильника (курган 22), могильника Кривое Озеро (курганы 1, 2, частично, курган 10).

Что касается погребальных петровских памятников Северного Казахстана с синташтоидной (по нашему определению) керамикой, то эти памятники, скорее всего, отражают кратковременный период сосуществования петровских и синташтинских комплексов, зафиксированный, кстати, и радиоуглеродным датированием (Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005). Первое, что бросается в глаза, это поразительная немногочисленность подобных памятников в сравнении с поселениями и могильниками петровского типа, основу керамического комплекса которых составляют остросереберные сосуды с воротничком-утолщением под венчиком. Второе. На наш взгляд, синташтоидные сосуды в петровской среде возможно трактовать и как существовавший в течение непродолжительного времени маркер социальной идентификации петровской элиты. Примечательно то, что в петровской керамике Северного Казахстана синташтоидность проявляется, прежде всего, в технологии и форме сосудов. Орнаментальная абашоидная «вуаль», столь привычная для ряда синташтинских памятников Южного Зауралья, в керамике синташтоидных петровских памятников Северного Казахстана практически не проявляется. Это касается даже миниатюрных остросереберных сосудов («свещильников») (Логвин А.В., Шевнина И. В., Колбина А. В., Нетета А. В., 2007. С. 125. Рис. 1, 4). С другой стороны, симптоматично нахождение в петровских синташтоидных комплексах Северного Казахстана плавнопрофилированных сосудов с вертикальной организацией орнамента (Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А. В., 2007. С. 125. Рис. 1,1), которая близка энеолитической терсекской (Калиева, Логвин, 1997. С. 75. Рис. 18; С. 79. Рис. 20; С. 81. Рис. 21; Калиева, 2005. С. 176. Рис. 1).

Библиографический список

1. Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: тр. Музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1996. – С. 64–88.
2. Виноградов Н. Б., Мухина М. А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвузовский сб. – Куйбышев, 1985. – С. 79–84.

3. *Виноградов Н. Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: сб. ст. памяти В. В. Волкова. — М., 2004. — С. 261–284.
4. *Гутков А. И.* Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия / под ред. Г.Б. Здановича. Челябинск, 1995. С. 135–147.
5. *Евдокимов В. В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало–Иртышского междуречья. — Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. — С. 35–47.
6. *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — № 4. — С. 92–102.
7. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. — Вып 12. — С. 21–43.
8. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. — 177 с.
9. *Калиева С. С., Логвин В. Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. — Кустанай : Кустанайский печатный двор, 1997. — 176 с.
10. *Калиева С. С.* О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. — С. 173–177.
11. *Логвин А. В., Шевнина И. В., Колбина А. В., Нетета А. В.* Исследования могильника Бестамак в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. — Алматы : Ин-т археологии АН РК, 2007. — С. 123–126.
12. *Матвеев А. В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. — Новосибирск : Наука, 1998. — 416 с.
13. *Петров Ф. Н.* Опыт создания типологии керамика городища Аркаим // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной конф. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 57–59.
14. *Потемкина Т. М.* Алакульская культура // СА. — 1983. — № 2. — С. 13–33.
15. *Потемкина Т. М.* О происхождении алакульской культуры в Притоболье // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : ЧелГУ, 1983а. — С. 8–21.
16. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М. : Наука, 1985. — 375 с.
17. *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. — Ч. 1. — 289 с.
18. *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. — Ч. 2. — 243 с.

19. *Ткачев В. В.* К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 1998. – Вып. II. – С. 38–56.
20. *Ткачев В. В.* Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1 : Древние эпохи. – Астана : Kultegin, 2003. – С. 109–124.

СВЯТИЛИЩЕ «ЛЫСАЯ ГОРА» РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ОЗ. БОЛЬШОЙ ТЕРЕНКУЛЬ В ЧЕБАРКУЛЬСКОМ РАЙОНЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Описание памятника

В 1999 году отрядом лаборатории археологических исследований ЧГПУ были проведены аварийно-спасательные раскопки святилища «Лысая гора» на южном берегу оз. Большой Теренкуль. Результаты этих работ и отражены в данной статье.

Озеро Большой Теренкуль расположено в предгорьях восточного склона Южного Урала к востоку от Ильменского хребта и входит в Чебаркульскую группу озер. Оно лежит недалеко от восточной границы сосново-березовых горных лесов с предгорной лесостепью, в 15 км к северу от г. Чебаркуля и в 6 км к северо-западу от села Непряхино. Координаты озера – 55° 07' 20" N и 60° 21' E. Западный его берег и значительная часть водосборного бассейна расположена в Ильменском заповеднике. Ближайшими соседями являются: на севере озера Барус и Малое Миассово, на северо-востоке – оз. Колгусты, на западе и северо-западе Савелькуль и Большое Миассово, на юге – озера Черные (в одноименных болотах), Большой и Малый Кисегач, Большой и Малый Сунукуль (рис. 1).

Исследуемая территория расположена на юго-западном берегу оз. Большой Теренкуль, в районе выхода границы Ильменского государственного заповедника (просека) на берег озера. Просека проходит по верховому болоту у горы Лысой.

Гора располагается на узком перешейке, отделяющем озеро от приозерного болота. Ее координаты 55° 07' N и 60° 19' E. Она имеет рельеф, типичный для скал-останцов: с трех сторон относительно пологи склоны, с четвертой – крутой обрыв. Очертания горы плавные к вершине завершающие скалистыми выходами высотой до 15 метров от современного уреза воды, что составляет 325,4 м в современной Балтийской системе высот. С юга к горе примыкает Черное озеро – верховое болото, в древности – часть озера Большой Теренкуль.

Верхняя часть скалы оформлена двумя площадками, с разницей по высоте не более 1,0 м, общей площадью 150 кв. м. Поверхность памятника представляет собой скальные выходы с огромными валунами порос-

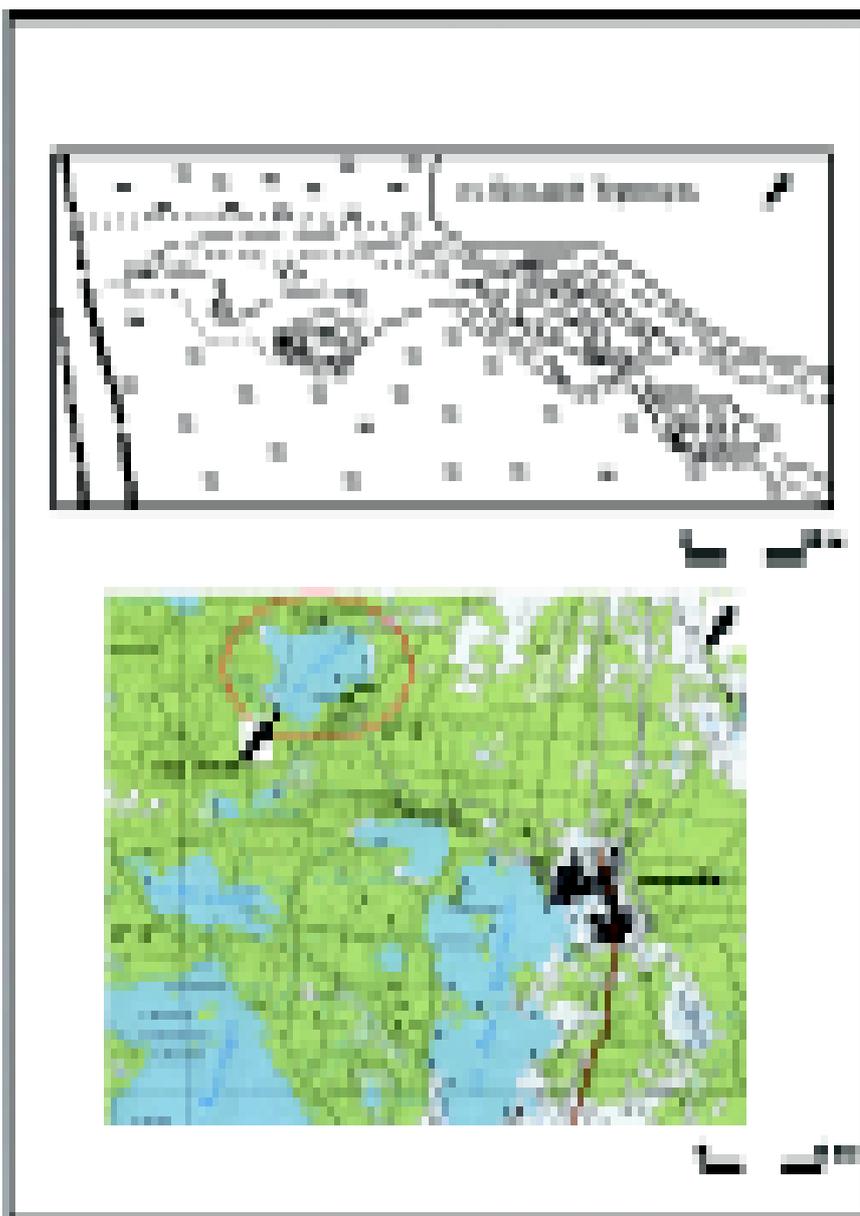

Рис. 1

шие мхом. На площади памятника растет мелкий кустарник, небольшие деревья (сосна, береза).

Первые сведения разрушения обсуждаемого памятника были получены в сентябре 1999 г. от заведующего комплексом столовых Челябинского государственного педагогического университета А.Н. Баймакова, отдыхавшего на протяжении нескольких лет у Лысой горы. Прибывшая туда той же осенью группа археологов ЧГПУ установила, что поверхность верхней площадки скалы сплошь покрыта следами грабительских раскопок. Тогда же было принято решение о немедленном доследовании гибнущего археологического памятника.

В 1999 г. в процессе аварийных раскопок отрядом экспедиции ЧГПУ на верхней площадке было вскрыто 48 кв. м площади (рис. 2). Исследования велись по поселенческой методике квадратами 2×2 м. с оставлением перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. За «0» была принята отметка высоты поверхности у юго-восточного угла раскопа. Для раскопа была принята следующая нумерация участков: с севера на юг – буквами русского алфавита, с запада на восток – арабскими цифрами. Слои снимались вертикальными срезами, с последующей зачисткой поверхности участков раскопа через каждые 10 см. Регулярно осуществлялась графическая фиксация и фотофиксация. Все находки фиксировались на плане и по глубине залегания. В результате удалось составить представление о структуре залегания находок. Производилась и фиксация разрезов культурного слоя (северные и восточные профили бровок). Мощность сильно потревоженного вкопами культурного слоя составляла до 0,3 м. Его стратиграфия выглядела следующим образом: дерн (2–3 см), гумус (3–4 см мощностью), коричневая гумусированная супесь (10–20 см), черный сажистый грунт (4–7 см), супесь с дресвой и прокалом (до 10 см). Культурный слой подстилала скала в виде плит размерами $6,0 \times 3,0$ м. Помимо плит на площади раскопа выявлены каменные глыбы различных размеров – от 10 до 50 см в поперечнике. На исследовавшейся площадке не выявлены углубленные в скалу объекты. В южной части раскопа были обнаружены 3 объекта: два участка прокаленного грунта и комплекс из выложенных в ряд камней. Комплекс представлял собой округлую по форме конструкцию из глыб средних размеров, выложенных в один слой. Внутренний диаметр конструкции составлял 0,5 м, внешний – 0,7 м. Разброс камней вокруг конструкции составлял 2 м. Следов огня в пределах округлой конструкции не выявлено. В 20 см с западной стороны от выкладки обнаружено округлое пятно дресвы рыжего цвета. Диаметр пятна – 20 см.

В юго-западной части раскопа выявлен комплекс из двух участков прокаленного грунта. Они округлые в плане, диаметром 0,6 м и 0,4 м соот-

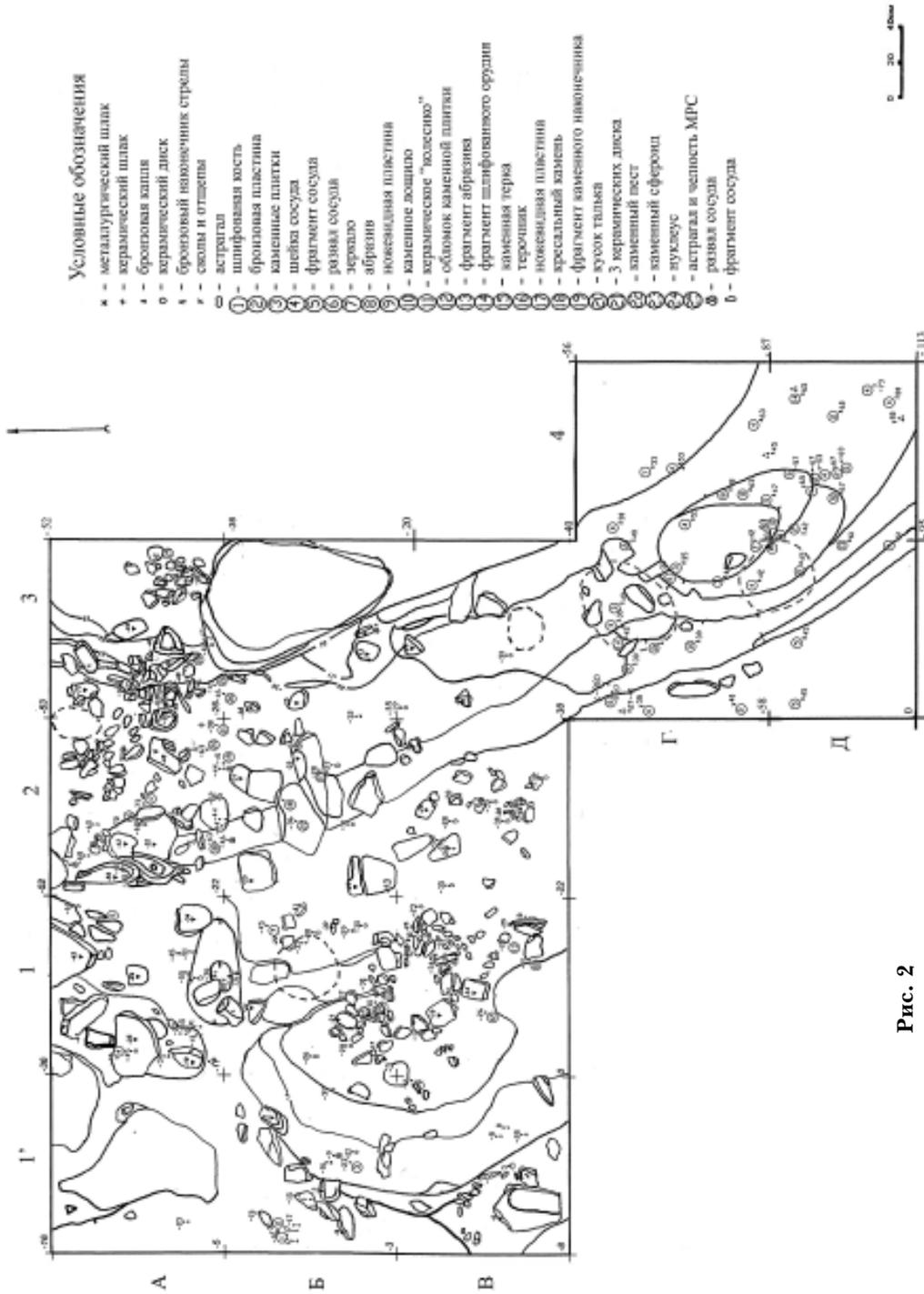

Рис. 2

ответственно. Расстояние между очагами — 0,5 м. Границы комплекса и прокаленных участков обозначены каменными выкладками из каменных глыб средних размеров. Часть камней имеют на своей поверхности следы огня. Мощность прокаленного грунта составила 10 см (рис. 3).

Вещевой инвентарь, собранный с поверхности скалы и полученный из культурного слоя памятника, включает следующие категории: четыре археологически целых сосуда, около 3569 фрагментов керамики, 53 керамических диска. Металлические изделия (медь или бронза) — 9 экз. Кроме этого из слоя извлечены кусочки шлака, литейные формы (2 фрагмента); каменные орудия; каменные плитки; кристаллы горного хрусталя и кварцитника. Кроме того, из раскопок Лысой горы происходит и некоторое количество костей животных.

Анализ материалов памятника

Керамика

Из собранных фрагментов по верхним частям, венчикам, отчасти стенкам сосудов выделено 161 сосуд. В настоящей публикации анализу подверглись лишь орнаментированные фрагменты керамики.

Проведенный анализ выявил, что в абсолютном большинстве (за исключением небольшой серии фрагментов сосудов, отнесенных к межовской культуре заключительного этапа бронзового века) керамический комплекс Лысой горы может быть определен как относящийся к иткульской культуре раннего железного века.

Лепка иткульских сосудов из раскопок Лысой горы ручная; обжиг хороший; черепки плотные. В качестве примеси почти всегда использовали тальк. Наряду с тальком в качестве примесей зафиксированы: слюда, дресва, песок, шамот, изредка растительная примесь.

Для анализа керамического комплекса памятника была применена типология, разработанная Г.В. Бельтиковой, которая по ряду признаков (особенности набора элементов орнамента, форма венчика и шейки) разделила весь иткульский керамический комплекс на два типа с несколькими вариациями (Бельтикова Г.В. 1977. С. 120–125).

У сосудов из раскопок Лысой горы, отнесенных к типу I (102 экземпляра) венчик плоский, изредка округлый чуть утолщенный. Толщина венчиков, шеек, стенок 4–6, придонных частей 4–9 мм. Таким образом, сосуды I типа имеют почти одинаковую толщину во всех точках измерения, исключая днище. Зафиксированы следующие варианты оформления шеек: прямые вертикальные (38 экземпляров); прямые отогнутые (42 экземпляров); дугообразно отогнутые (12 экземпляров); дугообразно вогнутые (10 экземпляров). Среди иткульской керамики из раскопок Лысой горы встречены чашки с округлым туловом, иногда с чуть уплощенным или, напротив, конусовидным, днищем. Диаметр по венчику

варьирует от 10 до 40 см. По ряду других признаков их можно отнести к сосудам I типа.

У сосудов, отнесенных к типу II венчик скошен, имеет заостренную или округлую форму толщиной 1–5 мм. Равномерно утолщаясь, шейка на линии сгиба достигает толщины максимум 7–15 мм. На плечиках толщина сосудов резко уменьшается и не превышает 4–6 мм. Характерно значительное утолщение у горла в точке перегиба. У сосудов II типа встречаются: прямые вертикальные (22 экземпляра), прямые с отогнутым наружу венчиком (26 экземпляров), дугообразно отогнутые шейки (13 экземпляров). Тулово сосудов округло, иногда с чуть уплощенным или, напротив, конусовидным, днищем. Обычны диаметры 17–24 см, для II типа – 28–40 см. Высота шейки II типа, как правило, небольшая – 1–2 см.

Орнамент обычно размещен по наружной поверхности сосуда в верхней трети его высоты. Как правило, орнамент организован по двум зонам: по шейке и по плечикам; иногда имеется лишь одна орнаментальная зона – по горловине и плечикам.

У сосудов I типа орнамент на шейке завершается ломаной линией; цепочкой треугольных вдавлений, выполненных гладким (27 экземпляров) или гребенчатым штампом (75 экземпляров.). У сосудов II типа завершающим элементом являются два ряда ямок, расположенных в шахматном порядке. Между рядами ямок нередко проходит валик. Форма ямок круглой, треугольной, четырехугольной, овальной. Сдвоенные ряды ямок на сосудах II типа проходят по верху шейки.

Кроме указанных типов сосудов, обнаружено три миниатюрных сосуда. Три археологически целых сосуда и один фрагментами. Диаметр от 5–6 см. Тулово и дно округлое. Шейки вертикальные, слегка отогнуты. Орнамент отсутствует на всех представленных сосудах. Тесто с примесью талька и шамота. Хорошо обожжены. Данный сосуд мы отнесли к первому типу сосудов по классификации Бельтиковой (Бельтикова, 1977. С. 123).

Следует отметить, что керамика на святилище «Лысая гора» сильно фрагментирована. Около 80% сосудов представлено фрагментами, размеры которых не более 5–7 см в поперечнике (рис. 5 а; 6 а, в; 7 а, б; рис. 8–10).

Керамический инвентарь

Самыми распространенными изделиями из глины на святилище являются керамические диски, изготовленные из фрагментов стенок сосудов и вылепленные из глины. Целых керамических дисков в коллекции порядка 25 штук.

38 экземпляров изготовлены из фрагментов стенок сосудов (рис. 4 б). Диаметр дисков колеблется от 2,5 до 7 см. Диаметр отверстий 0,5 – 1 см. Толщина дисков колеблется от 4 до 10 мм.

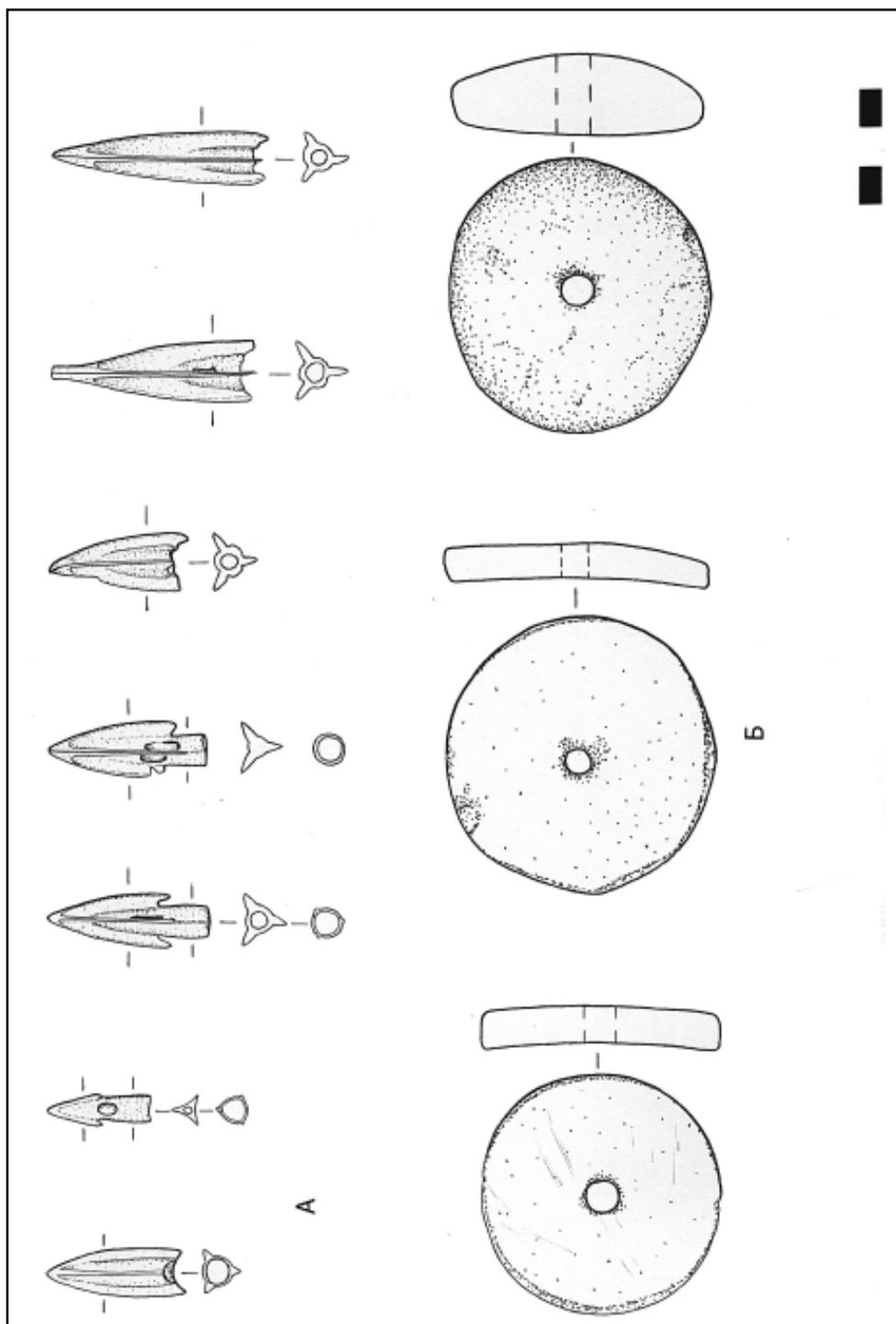

Рис. 4. Металлические наконечники стрел (а); керамические диски (б)

Из 38 экземпляров – 15 дисков представлены фрагментами. На 23 дисках отверстия проделаны сверлом путем одностороннего сверления, в 15 дисках путем встречного сверления. У 33 дисков края обработаны для предания правильной геометрической формы.

Керамические диски, сформованные из глины

Таких дисков в коллекции 14 экземпляров. Фрагментами представлены 9 дисков. Диаметр дисков от 2,8 до 6 см. Диаметр отверстий от 5 – 10 мм. Данные керамические диски представлены двумя типами: двояковогнутыми (4 экземпляра) и двояковыпуклыми (10 экземпляров). Толщина дисков в центре у отверстия равна 1,2 см, по краям толщина уменьшается до 0,7 – 0,5 мм. Все отверстия выдавлены по сырой глине. Тесто содержит в качестве отошителей шамот и тальк. Из двояковогнутых дисков орнамент нанесен на одном диске, с вогнутой стороны. Орнамент нанесен гребенчатым штампом в виде отходящих лучей от центра к краям.

Орнамент на двояковыпуклых дисков нанесен в четырех случаях. Везде он разнообразен.

На первом диске орнамент нанесен гребенчатым штампом с обеих сторон диска в виде радиальных лучей от центра и на боковых гранях в виде квадратных вдавлений.

На втором диске орнамент нанесен с одного края в виде горизонтальных и вертикальных непересекающихся насечек.

На третьем диске орнамент нанесен по всей поверхности диска в виде точек.

Четвертый орнаментированный диск представляет собой двояковыпуклый диск, приближающийся по своей форме к сфероиду. Орнамент нанесен по всей поверхности диска в виде лучей отходящих от отверстия в центре в разные стороны. На боковой грани нанесена одна сплошная линия.

В коллекции присутствует еще один керамический диск диаметром 5,8 см, толщиной 1 см. Сделан из фрагмента стенки сосуда, края обработаны небрежно. Отверстие отсутствует. Следов сверлины так же не обнаружено.

Любопытной находкой представляется керамический предмет «колесико». Предмет представляет собой округлую в плане форму, «грибовидный» в сечении со сквозным отверстием в центре.

Диаметр торцевых поверхностей 4,0 и 2,5 см соответственно. Толщина – 2,4 см. Отверстие выдавлено по сырой глине. Меньшая по диаметру поверхность интересна широким желобком вокруг центрального отверстия. В желобке – наклонные насечки, выполненные острым предметом. Данный предмет не похож на один предмет из представленных дисков. Аналогий данному предмету не встречено.

На памятнике найдены два фрагмента сопел размерами 2 × 1,5 см. Изготовлены из глины. Хорошо обожжены. В качестве отошителей используются тальк. Орнамент отсутствует (рис. 5 б).

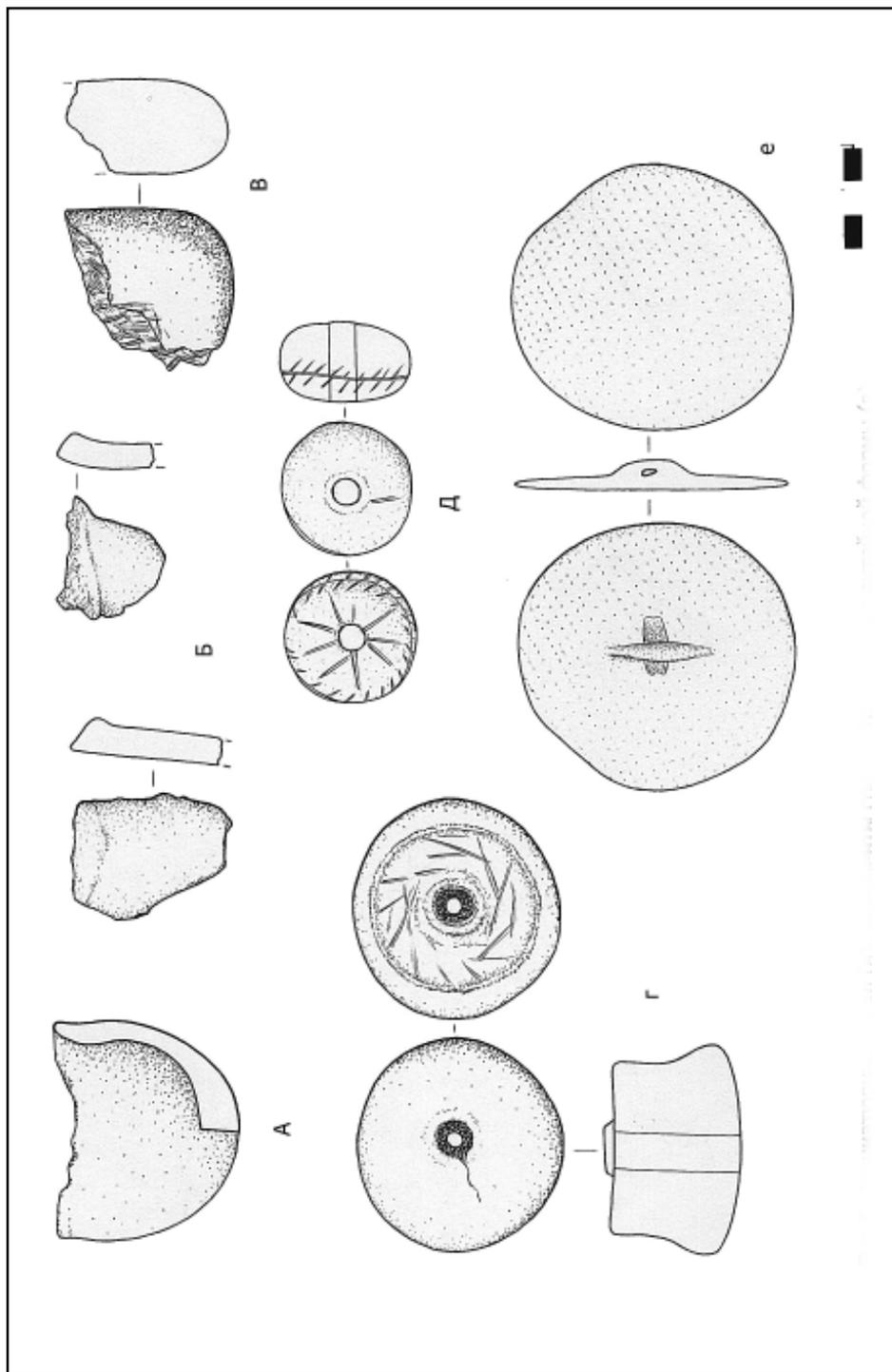

Рис. 5. Миниатюрный сосуд (а); фрагменты сосел (б); фрагмент линейной формы (в); керамическое «колесико» (г); орнаментированный керамический диск (д); зеркало (е)

Каменный инвентарь

Каменный комплекс составляют предметы и изделия каменного века. Значительную часть коллекции камня составляют отщепы. В коллекции их 15 штук. Отщепы различны по своей форме. Размеры варьируются от 5 до 1 см в длину.

Три отщепа из горного хрусталя (1 экземпляр) и 2 кварцитника.

Размеры отщепа из горного хрусталя $1,5 \times 1 \times 0,5$ см. Размеры кварцитовых отщепов составляет $2,1 \times 1,6$ и $2,4 \times 2,1$, толщина 0,4 см соответственно. Нуклевидный кусок (1 экземпляр). Кусок имеет неправильную форму размером $2,7 \times 2,6 \times 2,3$ см. Четыре его поверхности несут следы сколов. Имеет подтреугольную форму, широкий край несет следы скребковой ретуши.

Микропластина (1 экз.) изготовлена из серо-зеленоватого кремня. Длина 4 см, ширина 0,6 см, толщина 0,2 см. Пластина имеет трехгранную спинку.

На памятнике обнаружен один кремневый кресальный камень, нуклевидной формы. Оба края обработаны скребковой ретушью. Размеры кремня составляют $1,9 \times 2,2 \times 0,9$ см.

В коллекции 3 экземпляра скребков. Два изделия обработаны скребковой ретушью с двух сторон. Скребки имеют овальную форму размерами $2,3 \times 2$ см, толщина 1 см и $2,5 \times 1,8$ см, толщина 1 см. Изготовлены из темно-зеленоватого кремня. Третий скребок подпрямоугольной формы имеет одностороннюю скребковую ретушь размерами $3,2 \times 1,2$ см, толщина 1,2 см.

В комплекс включены три целых гальки, средних размеров от 5 до 9 см. Следов употребления на гальках не обнаружено. Найдены гальки в юго-восточном квадрате раскопа.

Нужно отметить, что среди находок имеются в коллекции кусочки разных пород камня. Среди них куски кварца, кристалл горного хрусталя. Самой многочисленной частью коллекции составляют куски талька (127 экземпляров). На двух тальковых кусках выявлены небольшие канавки сделанные металлическим предметом, вероятнее всего ножом. Глубина канавок составляет 2 мм и 1,2 см соответственно.

Каменный диск, найденный в центральной части раскопа, так же представляет интересную находку. Он изготовлен из мягкого талькового камня. Диаметр — 5,5 см и толщина — 1 см. Отверстие имеет коническую форму, просверлено с двух сторон каменным сверлом. Диаметр отверстия — 0,8 см.

Еще на одном куске талька, размеры которого составляют 4 см в длину, 2,5 см в ширину выявлены две несквозных сверлины с противоположных сторон куска. Углубление имеют конический профиль, диаметр отверстий составляет 5 мм. Сверлины при продолжении образуют единое отверстие.

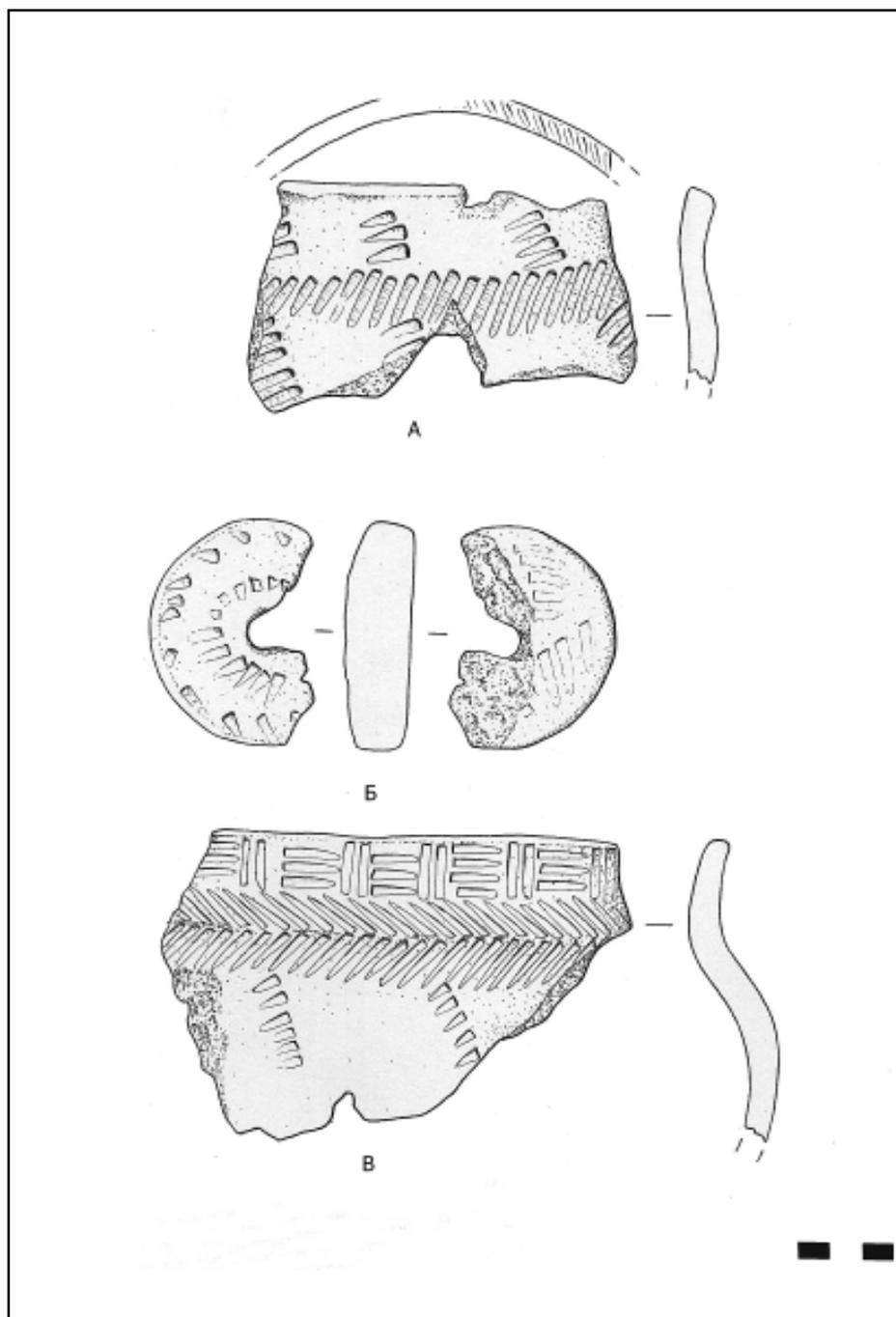

Рис. 6. Фрагменты керамики (а, в); фрагмент керамического диска (б)

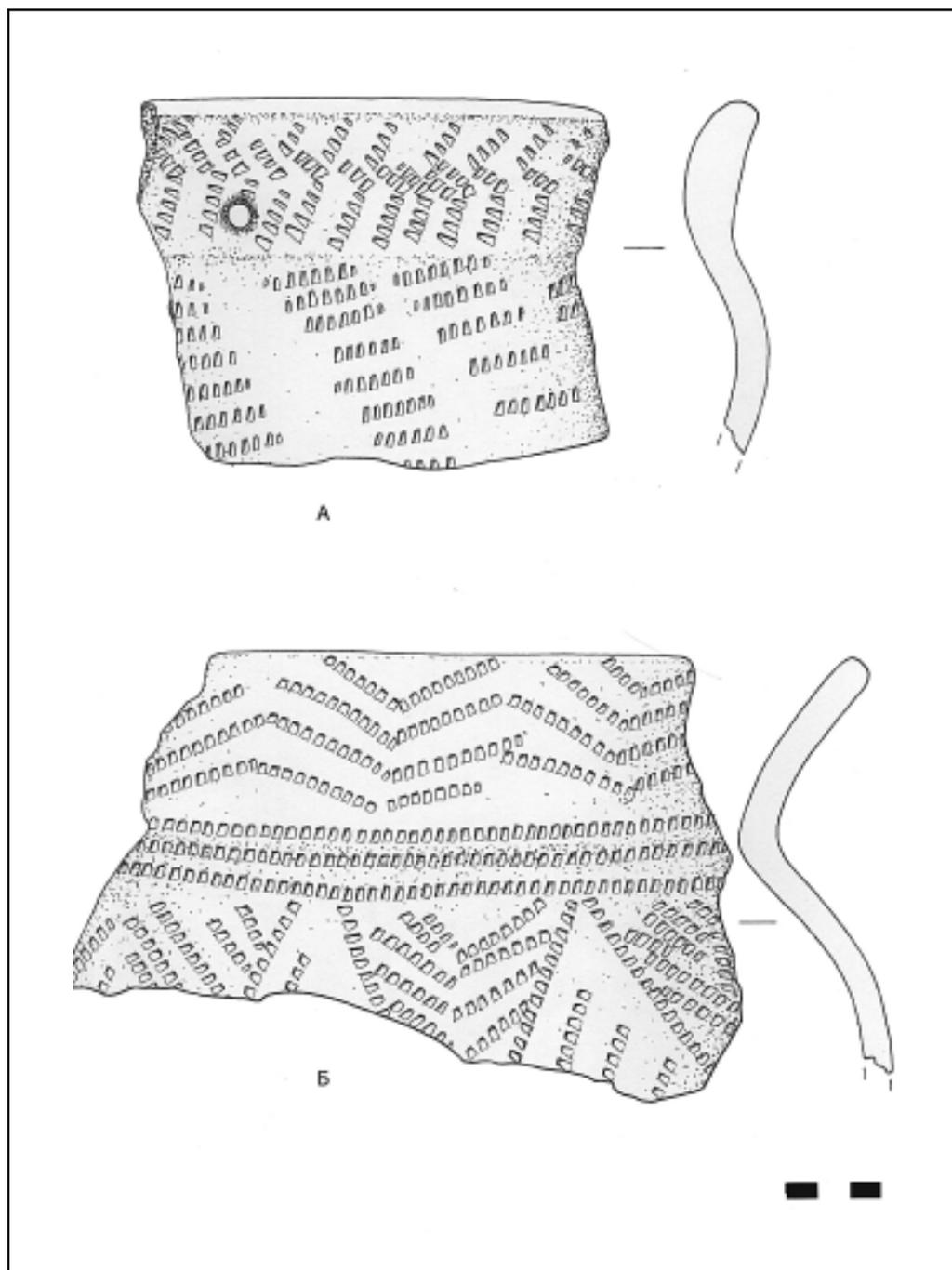

Рис. 7. Фрагменты керамики (а, б)

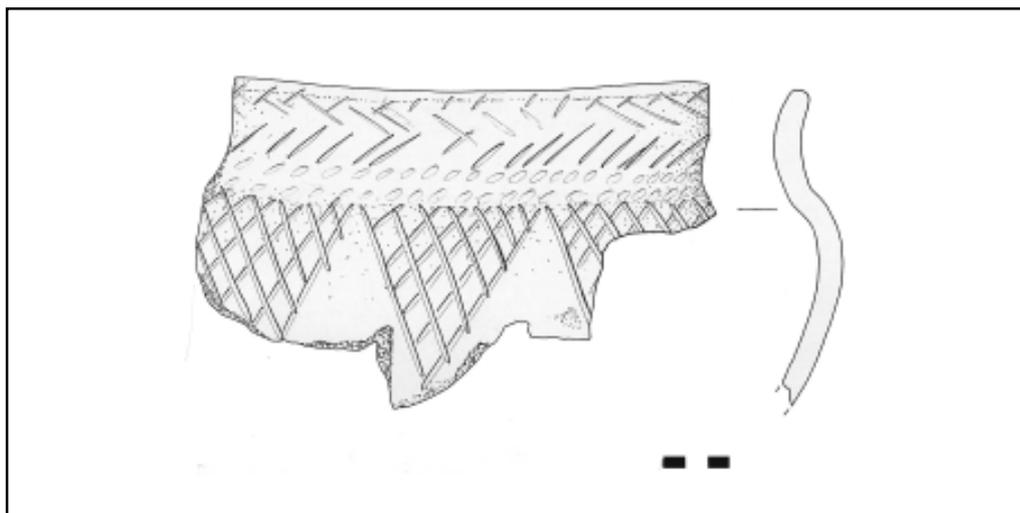

Рис. 8. Фрагмент керамического сосуда

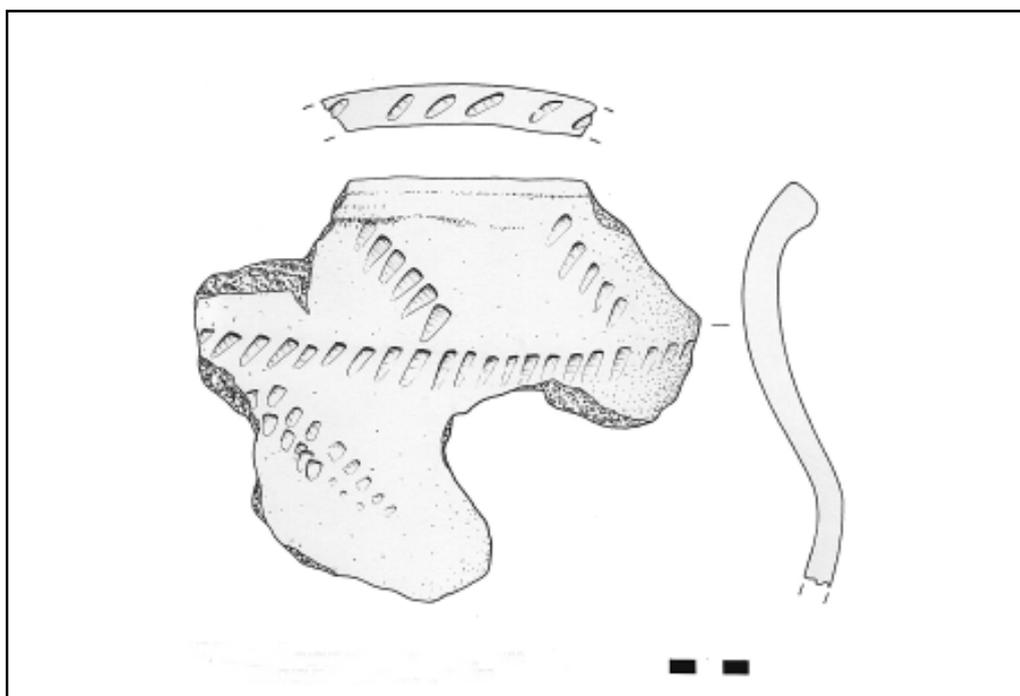

Рис. 9. Фрагмент керамического сосуда

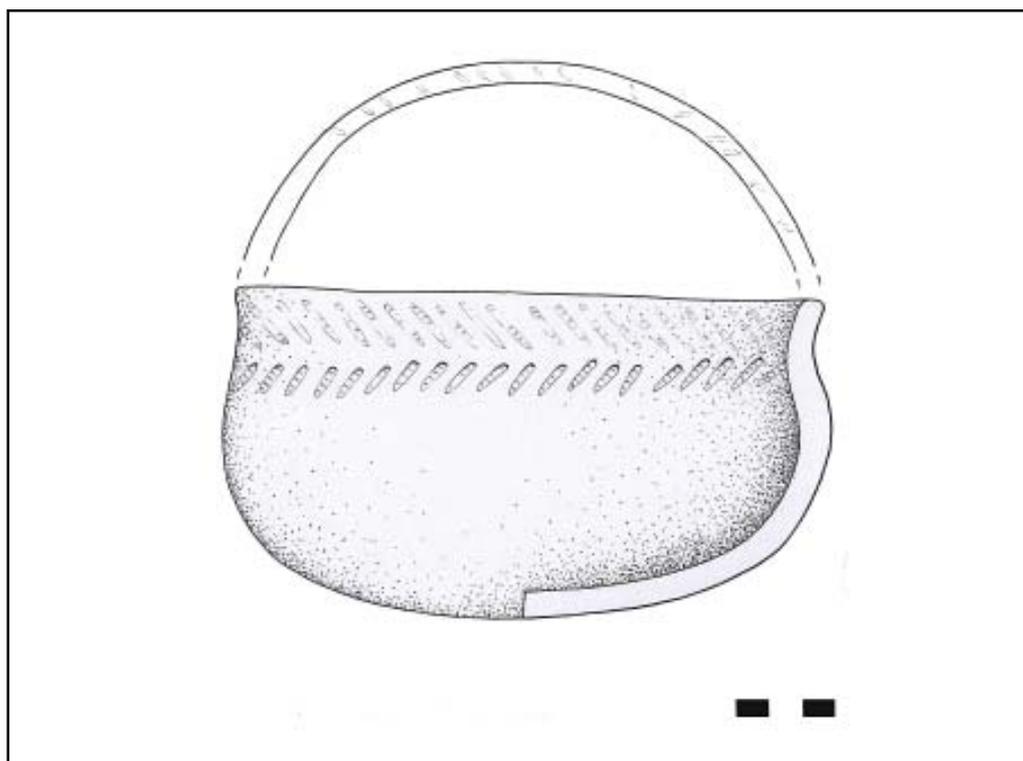

Рис. 10. Керамический сосуд

Грузило из песчаника. Размером $5,4 \times 4,5$ см диаметр отверстий составляет 7 мм. Отверстие сделано двухсторонним сверлением. Второе грузило изготовлено из гальки. Размеры $6,2 \times 4,6$ см. Отверстие сделано методом двухстороннего сверления. Диаметр 6 мм.

Следует отметить так же присутствие в коллекции двух ошлакованных кусочков камней. Их размеры составляют $3 \times 2,5$ см и $3,2 \times 2$ см в обоих случаях поверхность камня покрыта шариками стекловидного шлака.

На памятнике найден фрагмент литейной формы из талька. Фрагмент подпрямоугольной формы. Размеры $3,6 \times 3 \times 2$ см. По фрагменту не удалось установить для выплавки, какого вида изделия применялась данная литейная форма (рис. 5 в).

В коллекции Лысой горы присутствует значительная серия плиток камней, используемых в качестве точильных камней (5 экземпляров). Три камня имеют заглаженные поверхности и боковые края, две плитки имеют заглаженные поверхности. Размеры плиток варьируются от 6 до 15 см в длину, от 2,7 до 5 см в ширину. Из серии плиток помимо точильных камней выявлены

каменные ложила (3 экземпляра). Два ложила, одно из которых представлено фрагментом, изготовлены из сланца, имеют размеры $7,9 \times 3,8$ см и $3,3 \times 5,6$ см. Третье ложило изготовлено из тальковой пластинки $6,3 \times 2,7$ см. Рабочая поверхность у всех ложил односторонняя, хорошей заглаженности.

Инвентарь металлопроизводства

Эту группу составляет 2 песта — терочника и одна терка. Размеры пестов составляют 10 см в длину, 5,6 см в ширину, 3,6 см толщиной. Второй пест представлен фрагментарно. Размеры составляют $8,8 \times 5,8 \times 4$ см. Терка так же представлена фрагментом длиной 14 см, шириной 9,8 см, толщиной 1,2 см. Терка прямоугольной формы с естественными бортиками. По центру видны следы заглаженности.

В ходе раскопок найдено двенадцать кусочков шлака. Все они имеют пористую структуру, легкие по своему весу. Размеры всех кусочков менее 2 см.

Костяные изделия

В результате раскопок обнаружено около 500 фрагментов кости, большая часть из которых несет на себе следы воздействия огня. Кость сильно фрагментирована, и размеры варьируются от 0,9 до 13 см в длину и от 0,2 до 5 см в ширину.

Из всего комплекса выделено две кости, трубчатая кость и фрагмент зуба с отверстием. Необходимо отметить так же находку 45 астргалов, двадцать три из которых были сконцентрированы в юго-западной части раскопа.

Металлический инвентарь

Металлические изделия представлены предметами из цветного (медь, бронза) металла. Прежде всего, это наконечники стрел.

Коллекция «Лысой горы» включает в себя 8 бронзовых наконечников стрел. Найденные наконечники стрел представлены двумя типами: четыре трехлопастных со скрытой втулкой и четыре трехлопастных с выступающей и соотносятся с тремя разрядами по классификации, предложенной Г.В. Бельтиковой (Бельтикова Г.В., 1982. С. 65). Длина наконечников укладывается в размеры от 1,8 до 4 см. Их особенностью является то, что шесть из них имеют какие-либо повреждения: острое одно деформировано вследствие сильного удара; у другого наконечника смещена ось; у трех отбиты шипы; наличие литника у одного из наконечников также говорит о его нефункциональности; у трех имеется отверстие во втулке; лопасти двух наконечников имеют различную длину, причем у одного из них лопасть прерывается бронзовой каплей; четыре наконечника никогда не затачивались. Таким образом, осмотр наконечников показал, что лишь один из них не имеет изъянов. Отсутствие заточки говорит о том, что четыре из них, скорее всего, никогда не использовались по прямому назначению. Среди заточенных наконечников один вряд ли мог

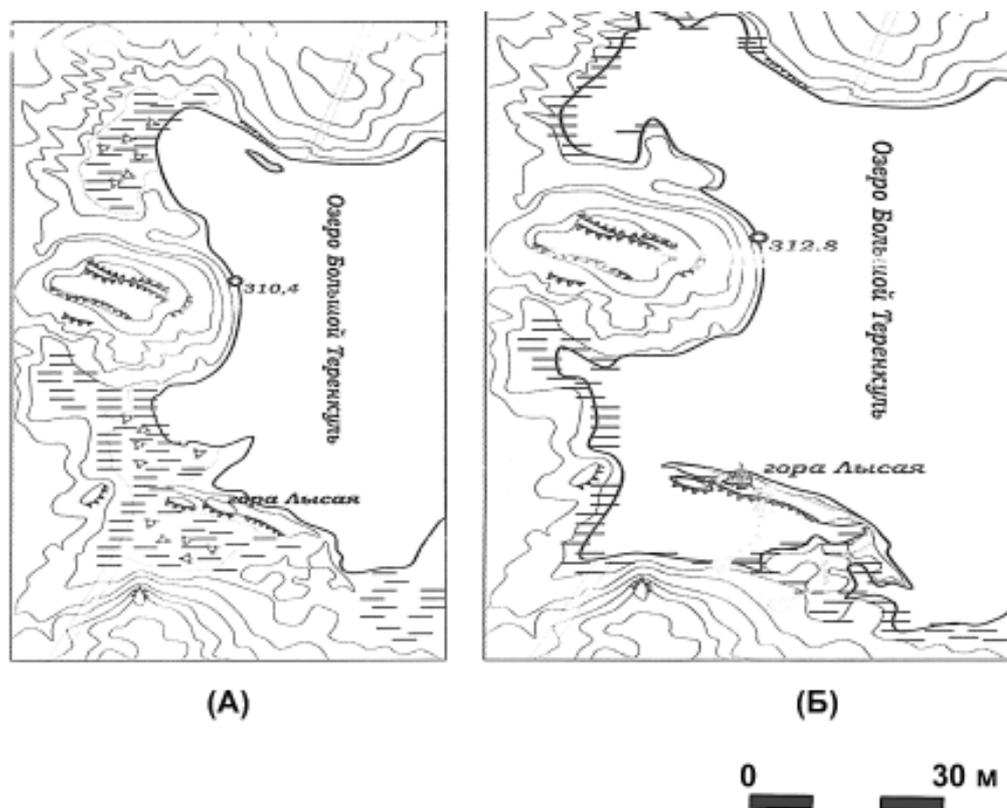

Рис. 11

Условные обозначения:

- (А) – состояние на сегодняшний день; (Б) – палеогеографическая реконструкция.
 310,4; 312,8 – высоты над уровнем моря; костер – место проведения ритуалов.
 Пунктирные линии – пути попадания на гору

применяться при стрельбе, так как лопасти его различной длины, а втулка имеет очень большое отверстие, что затрудняет крепление древка. Значит, пять наконечников из восьми изначально не функциональны. Наконечники датируются V–IV вв. до н.э. (рис.11).

Необходимо отметить, что бронзовыми данные наконечники мы называем по традиции. Спектральный анализ наконечников не проводился. Но, как показывают анализы подобных наконечников с других памятников, в подавляющем большинстве своем они изготовлены из меди (Бельтикова Г.В., 1982. С. 65).

Интересной находкой является бронзовое зеркало. Выпукло-вогнутое, диаметром 6 см с заостренными краями и петлей на обороте. Пра-

вильной округлой формы. Толщина не более 3 мм. Рабочая поверхность никогда не полировалась (рис. 5 е).

Аналогии встречены на Иткульском I городище (Бельтикова Г.В., 1986. С.74), в памятниках тагарской культуры VI–IV вв. до н.э. (Мартынов А.И., 1979. С. 127), карасукской культуры (Поляков А.В., 2000. С. 210), и во впускном погребении раннего железного века в курганом могильнике Болдырево I с территории Западного Оренбуржья (Краева Л.А., 1999. С. 176). Присутствие на памятнике зеркала объясняется их ролью в ритуалах, связанных с плавкой металла. Сакральное значение данного предмета связывается с солярными культами и с ритуалами металлопроизводства и выплавкой металла. Датируется оно также V–IV вв. до н.э.

Следы металлоплавки на памятнике так же присутствуют. Были обнаружены капли, металлические всплески, шлак и одна металлическая пластина.

На памятнике было обнаружено четыре капли разного диаметра и формы. Две каплевидной формы. *Первая капля.* Длина 10 мм, ширина варьируется от 5 мм до 3 мм. *Вторая капля.* Длина 12 мм, ширина от 7 до 3 мм. На капле выявлены следы ошлакованной керамики, которая покрывает около 65% поверхности капли. Остальные две капли сферической формы. Диаметр их различен и составляет 2–3 мм соответственно.

Металлические всплески были обнаружены в количестве пяти штук. Все бесформенные, со следами впекшихся частичек грунта. Длина всплесков различна и составляет от 20 мм до 8 мм. Ширина так же различна от 12 до 3 мм.

Металлический шлак обнаружен на памятнике в количестве семи штук различного диаметра.

В коллекции присутствует плоская металлическая пластина. Длина пластины составляет 2 см, ширина 6 мм, толщина составляет менее 1 мм.

Интерпретация материалов

Рассмотренные выше материалы из раскопок Лысой Горы свидетельствуют в пользу культового характера памятника. Наличие на памятнике каменных конструкций, по нашему мнению, вероятнее всего, это была модель печи находящейся под своеобразным навесом или шатром. Данное мнение подкрепляет каменная выкладка вокруг модели печи. Расположение на площадке двух пятен прокаленной почвы может свидетельствовать о наличии открытых плавильных очагов, а помещение в них жертвенных предметов, в одних случаях металлических, а в других керамических предметов, свидетельствует о недвусмысленных ритуалах, проводимых на памятнике. Жертвенные предметы (керамика, наконечники стрел, керамические пряслица), обожженные кости и ошлакованные камни местной породы, найденные в непосредственной близости от камен-

ной конструкции, могут свидетельствовать об использовании конструкции как некой модели печи, которая использовалась в ритуалах плавки металла.

Около 30 % сосудов представлены всего одним фрагментом. Среди керамики значительное количество фрагментов имеет размеры менее 4–6 см. Такому состоянию и распределению керамики может быть два объяснения.

Первое. Обряды на горе Лысой были связаны с ритуальными танцами, во время которых принесенные на святилище сосуды разбивались, а затем и растаптывались. *И второе.* На святилище приносились не только целые сосуды, но и крупные куски и даже отдельные фрагменты. Содержимое сосудов, сами сосуды и их части можно рассматривать как жертвы, приносимые во время обрядовых действий. Подобная картина фиксируется в пещерных святилищах реки Чусовой (Сериков Ю.Б., 2005. С. 36).

Наличие на памятнике значительной коллекции керамических и каменных дисков с отверстием в центре так же подтверждает мнение о проведении на горе неких ритуалов. По нашему мнению данные диски участвовали непосредственно в ритуале металлоплавки. Диски были частями приборов для добывания «чистого», священного огня, исполняя роль маховичков (Сериков Ю.Б., 2005. С. 37).

В комплекс каменных предметов включены один целый кресальный кремь, пять каменных плиток, 16 отщепов, три нуклевидных куска и микропластинка. Аналогичный комплекс на памятнике Голый Камень Сериков Ю.Б. интерпретирует как предметы необходимые для высекания огня (Сериков Ю.Б., 2005. С. 19).

В этом плане интересен вопрос о появлении скребков на скалистой Лысой горе. Невероятным выглядит предположение, что древние люди приходили на вершину, чтобы обрабатывать там шкуры животных или снимать чешую рыб. Но даже если бы такие следы и были, следует учитывать, что на святилище обычные бытовые вещи приобретали особое сакральное значение. Внимательное изучение скребков показало, что у них на стороне брюшка обычно присутствуют негативы сколов от довольно сильных ударов.

То же самое можно сказать и о группе нуклевидных кусков. Обработка камня на святилище не зафиксировано, а на нуклевидных кусках присутствуют следы забитости, характерные для классических кресальных кремней. Все вышеприведенные факты позволили интерпретировать все три группы выделенных кресальных кремней как орудия для высекания огня ударным способом (Сериков Ю.Б., 2005. С. 43). Что касается выделенных типологическим методом скребков и нуклевидных кусков, вполне возможно допустить, что местное население в качестве кресальных

кремней использовало подлинные артефакты, которые специально разыскивало на разрушаемых древних стоянках. Имеются неоднократные свидетельства этнографов о включении археологических находок в число ритуальных атрибутов манси и других сибирских народностей. По их мнению, чем более древней являлась вещь, тем большей сакральной силой она обладала (Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., 1986. С. 13–16, 109, 162, 175). На трех отщепках, нуклевидном куске и пластинке на выступающих ребрах присутствуют следы незначительной забитости. Особенно хорошо они фиксируются на одном из отщепов и нуклевидном куске. Это позволяет считать, что данные изделия были использованы для высекания огня и именно с этой целью принесены на святилище. Незначительную забитость можно объяснить двояко: либо по своим качествам изделия не подходили для высекания огня, либо на святилище кроме натурального добывания огня существовали обряды, связанные с имитацией высекания огня. Подобные обряды зафиксированы в слоях раннего железного века и средневековья нескольких пещерных святилищ р. Чусовой (Сериков Ю.Б., 2001, с. 50, 61).

Присутствие на памятнике каменных плиток так же остается непонятным. По признакам залащенности они были интерпретированы как абразивы, оселки и маленькие плиточки как ложила (скорее всего, одна плитка использовалась, как ложила, так как была изготовлена из мягкого талька). Аналогичные плитки были обнаружены в святилище на шихане Голый Камень под г. Нижним Тагилом Свердловской области. Сериков Ю.Б. интерпретировал данные плитки как огнива. Отличительный признак огнива — закругленные и заглаженные углы плиток. Сработанность эта появилась потому, что именно углом плитки наносился удар по кресальному кремню. Три точильных камня из коллекции Лысой горы имеют такой признак. На сильно сработанных огнивах заглаженность наблюдается по всей длине бокового края. По своей форме и толщине они являются готовыми инструментами для высекания огня (Сериков Ю.Б., 2005. С. 41).

В археологической литературе термины «огниво» и «кресало» часто обозначают одно и то же изделие. Например, в томе «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (М., 1987) двадцатитомной «Археологии СССР» Л. А. Голубева, описывая орудия для добывания огня, называет их «огнивами» (пластинчатые, калачевидные, с языком, овальные, шестиугольные, с бронзовыми рукоятками) (Финно-угры и балты..., 1987, с. 113; табл. LIV, 1–16). Р. Л. Розенфельд такие же орудия называет «кресалами» — «кресала овальной и калачевидной форм» (Финно-угры и балты..., 1987, с. 128; табл. LVIII, 40, 41). Также «кресалами» орудия для высекания огня называет и В. А. Могильников (Финно-угры и балты..., 1987, с. 172; табл. LXX, 19, 20, 25; с. 197; табл. LXXXI, 1–5; с. 211; табл. XC, 16, 20, 21).

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова указано: «огниво — кусок камня или металла для высекания огня из кремня». Далее: «кремень — очень твердый камень, первоначально употреблявшийся для высекания огня (одно из значений)». В «Советском энциклопедическом словаре» огниво определяется как железная или стальная пластина для добывания огня путем удара о кремень. Употреблялась с начала железного века до XX в. Термин «кресало» в обоих словарях отсутствует. В словаре В. И. Даля мы находим «кресать или кресить огонь — высекать, рубить огнивом из кремня». Отсюда вытекает, что предмет, которым ударяют по кремню, следует называть огнивом, а сам кремень — кресальным кремнем или кресалом.

Пять наконечников из восьми изначально нефункциональны. По нашему мнению, шесть наконечников были принесены на памятник. Оставшиеся два наконечника оказались здесь другим способом. Наконечник с деформированным острием, скорее всего, был выпущен из лука со стороны озера, в результате сильного удара о скалу деформировался. О традиции пускания стрелы по ритуальному месту свидетельствуют как этнографические источники, так и наличие археологического подтверждения подобному ритуалу на других памятниках ритуального типа (Камень Дыроватый, Думная гора, Большие Аллаки и др.) (Сериков Ю.Б., 2005. С. 45). Присутствие литника у второго наконечника может свидетельствовать о выплавке наконечника на самом памятнике. На нем было обнаружено два фрагмента литейной формы, по которым не представляется возможным установить какую-либо форму, в данном случае, наконечника стрелы.

Стрелы, обнаруженные на памятнике, типологически имеют заостренную форму, функционально служили для ударного колющего действия. Семантически все острые предметы рассматриваются, с одной стороны, как обереги, а с другой, как символ мужского оплодотворяющего начала. Наличие стрел на подобных памятниках на Среднем Урале является неотъемлемой частью ритуалов.

Незначительно количество предметов и следов, связанных с металлопроизводством: фрагмент литейной формы, 8 кусочков шлака, 12 фрагментов ошлакованной керамики, 15 кусочков обожженной и ошлакованной глины, два ошлакованных куска камня, одна металлическая пластина, три всплеска, шесть металлических капель. Это свидетельствует, скорее, об использовании площадки для проведения ритуалов, отражающих сферу металлопроизводства у населения иткульской культуры горно-лесного Зауралья.

Плавка металла, происходила в тиглях, а также на фрагментах керамики, к которым из глины прилепливались бортики, в результате чего они превращались в своеобразные тигли. На самом памятнике «Лысая гора» подобных тиглей не обнаружено, однако они известны в культовом

центре, расположенном на Шайтанском озере (Свердловской области), где также датируются иткульским временем. (Сериков Ю. Б., 2005. С. 43).

Результаты проведенной к.г.н. В.В. Дерягиным палеогеографической реконструкции в районе локализации памятника, свидетельствуют о том, что в раннем железном веке, по мнению лимнологов, Лысая гора имела совершенно иной, отличный от современного, облик. Уровень зеркала озера был повышен на 2,4 метра от современного уровня. В частности, Лысая гора являлась высшей точкой острова, отделенного от «материка» с юга нешироким проливом. Абразионные ниши на скалах Лысой горы, на северных и южных останцах в ее окрестностях свидетельствуют о том, что современное верховое болото также являлось частью озерной системы. Соответственно, Лысая гора была высшей точкой длинного узкого острова, вытянутого с северо-запада на юго-восток (Дерягин В. В., 2005, с. 11).

Мысль об использовании площадки на святилище «Лысая гора» в целях проведения ритуала, связанного с отражением сферы металлопроизводства, на наш взгляд, подтверждают полевые исследования по изучению развития ландшафта на побережье озера Большой Теренкуль и палеогеографическая реконструкция условий жизни металлургов в период раннего железного века в прибрежной зоне оз. Большой Теренкуль (Чебаркульский район).

Исходя из реконструкционной обработки природной обстановки, существовало несколько вариантов маршрутов древних металлургов на Лысую гору.

Во-первых, есть значительная вероятность перехода на остров по дну относительно узкого неглубокого пролива до 15 м шириной и до 1,6–2,1 м глубиной.

Во-вторых, переправа на остров на лодках-долбленках от западного горла узкого пролива к самому подножью горы. Этот вариант предпочтительнее, т. к. позволял древним металлургам практически до места назначения доставить руду и уголь с наименьшими трудозатратами (рис.11).

Таким образом, все материалы металлургического комплекса свидетельствуют о том, что на святилище металлургического производства не было, а происходила ритуальная плавка цветного металла в тиглях. При помощи добытого сверлением «чистого», «небесного» огня на святилище зажигался очаг (или очаги), на котором и происходило чудодейственное превращение бесформенного слиточка металла в изделие заданной формы.

Плавкой заведовали «духовные главы», и отливка происходила исключительно на «священных местах», на что указывают находки (идолы, литейные формы), открытые на вершинах гор Урала (Сериков Ю. Б., 2005. С. 44).

Из других находок следует отметить наличие на святилище осколка кристалла горного хрусталя, кристаллы кварца. Возможно, в белом цвете

перечисленных находок скрывается особый сакральный смысл даров, предназначенных «небесному огню», т. е. Солнцу (Михайлов Ю.И., 1999. С. 23).

Чтобы попытаться понять сущность и значение проводимых на Лысой горе культовых действий, нужно помнить, что в мифологии и религии древних народов гора выступала в качестве одного из вариантов мирового древа. На вершине мировой горы обитают боги (духи) верхнего мира, которым поклоняются обитатели среднего (реального) мира (Топоров В.Н., 1994. С. 311–315). Образ горы хорошо известен в финно-угорской мифологии. Именно поэтому горы и скалы часто являлись местом поклонения местных жителей. Почитание гор и скал у местного населения Урала и Сибири зарождается в каменном веке и сохраняется вплоть до XX в., о чем свидетельствуют многочисленные исследования этнографов и археологов (Кызласов И.Л., 1988. С. 144–154; Тиваненко В.Н., 1989. С. 16,167; Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н., 1997. С. 40–49). Об этом же свидетельствуют и десятки святилищ, выявленных на вершинах гор Среднего Урала (Мищенко О.П., 2001. С. 43).

Учитывая количество, характер и место залегания находок на Лысой горе, можно предположить, что все они выступали, прежде всего, в качестве жертвенных даров. Керамические сосуды с жертвенной пищей, сами сосуды и их фрагменты, кости животных, соляные знаки в виде пряслиц, дисков, кресала и огнива для высекания огня, костяные, бронзовые наконечники стрел, бронзовые украшения, остатки культового литья и другие находки – все они являются жертвенными дарами духам (богам) верхнего мира.

Некоторые из перечисленных находок обожжены. Это еще раз подтверждает, что они были принесены в жертву огню, зажженному на вершине горы.

При анализе всех находок, проведенном выше, видно, что они отражают разные стороны культа Солнца, в котором соединились основные проявления поклонения Солнцу в виде «небесного огня», как символа защиты и плодородия. Большая часть семантически значимых находок (пряслица, кресала, наконечники) обнаружена на северо-восточном склоне горы. А именно северо-восточная часть святилища является одной из наиболее значимых ориентационных точек, связанных с восходом Солнца в период летнего солнцестояния (Гусаков М.Г., 1994. С. 40).

Солнце – это небесный костер, который согревает землю и служит всеобщим источником жизни и божественной энергии. «Небесный огонь» на Земле получали путем сверления при помощи пряслица, где оно выступало как символ вращения, дающего тепло и огонь; то есть само Солнце «спускается» на Землю. Для получения священного огня использовались кресала и огнива. При помощи священного огня на святилище

производилось чудодейственное превращение бесформенных слитков металла в готовые изделия. Кстати, у индейцев Северной Америки возникновение Солнца происходит в связи с погружением горячей меди в огонь костра. Стрелы же и другие острые предметы являлись оберегами для предохранения от чрезмерной силы «небесного огня» и в то же время служили медиаторами, по которым на землю спускалась оплодотворяющая сила Солнца. «Небесный огонь» играл главную роль в магии воспроизводства таких животных, как лось, олень, косуля, которые по своей сущности также являлись сакрализованным отождествлением Солнца.

Данная работа представляет подробную характеристику нового памятника иткульской культуры раннего железного века. Проведен полный анализ 4-тысячной коллекции, полученной в результате раскопок 1999 г.

Проведенная работа позволила приблизиться к разрешению проблемы древних святилищ. Рассмотрения материалов раскопок через призму солярных культов позволяет по-новому взглянуть на проблему идеологического аспекта древних металлургов Южного Зауралья.

Анализ находок металлургического комплекса позволил установить, что памятник, расположенный на площадке, на горе Лысой, был связан с ритуальной плавкой металла.

Применение палеогеографических методов в изучении памятника позволило доказать то, что памятник имел несколько иной облик в древности, являясь островом со скалистым останцем.

В результате проведенного исследования установили следующие, Лысая гора, являясь в раннем железном веке островом, имела особое значение для местных жителей. Это мнение подтверждают анализы археологической коллекции, а также палеогеографическая реконструкция.

Проблема святилищ раннего железного века данной работой не решается, требуется дальнейшее изучение памятников подобного типа для понимания идеологического аспекта древних металлургов.

Библиографический список

1. Бельтикова Г. В. Иткульское поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск, 1977.
2. Бельтикова Г. В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Проблемы Урало-Сибирской археологии. — Свердловск, 1982
3. Бельтикова Г. В. Горodiще Думной горы — место специализированного металлургического производства (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1984.

4. *Бельтикова Г. В.* Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии. — Свердловск, 1986.
5. *Бельтикова Г. В.* Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1988.
6. *Бельтикова Г. В.* Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1993.
7. *Бельтикова Г. В.* Среда формирования и памятника Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005.
8. *Беспфозванный Е. М., Зданович Г. Б.* Археологические исследования в Чебаркульском районе Челябинской области // Отчет полевых археологических исследований Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1979 году. — Архив ЛАИ ЧГПУ. Челябинск, 1980.
9. *Викторова В. Д., Чацкина Н. М., Широков В. Н.* Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. — Екатеринбург, 1997.
10. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Религия народа манси. Культурные места (XIX — начало XX в.) — Новосибирск, 1986.
11. *Гусаков М. Г.* Святилище как объект археологического изучения (к постановке проблемы) // Проблемы изучения духовной культуры древних обществ: научный семинар: тезисы докладов. — Екатеринбург, 1994.
12. *Дерягин В. В.* Палеогеографическая реконструкция природных условий деятельности древних металлургов: отчет экспедиции ЧГПУ о работе по освещению особенностей развития природы восточном склоне Южного Урала. — Челябинск, 2005.
13. *Краева Л. А.* Памятники раннего железного века из Западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. — Оренбург, 1999.
14. *Крижевская Л. Я.* Отчет о работе Южно-Уральского отряда в 1966 году // Архив ЛАИ ЧГПУ. — Челябинск, 1967.
15. *Крижевская Л. Я.* Отчет о работе ЛОИА в 1967 // Архив ЛАИ ЧГПУ. — Челябинск, 1968.
16. *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. — Л., 1968.
17. *Кызласов И. Л.* Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. — М., 1988.
18. *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979.
19. *Мосин В. С., Григорьев С. А.* Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск, 2000. — Т. I.

20. Михайлов Ю. И. Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – Т. V.
21. Миценко О. П. К вопросу о реконструкции культов и культовых обрядов (по материалам святилища на вершине г. Голый Камень) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1998.
22. Полякова А. В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древность и средневековье. – СПб., 2002.
23. Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 2005.
24. Сериков Ю. Б. Серикова Л. В. Святилище на вершине горы Голый камень (Нижний Тагил). – Нижний Тагил, 2005.
25. Таиров А. Д., Боталов С. Г. Древняя история Южного Зауралья // Том II: Ранний железный век и средневековье. – Челябинск, 2000.
26. Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск, 1989.
27. Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: энциклопедия. – М., 1994. – Т. 1.
28. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР / под ред. Б. А. Рыбакова. – М., 1987.

А. В. Епимахов
(Южно-Уральский филиал
ИИиА УрО РАН, Челябинск)

ЗАВЕРШАЮЩИЕ ВЕКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ¹

Несмотря на очевидные достижения уральской археологии в изучении бронзового века, некоторые его периоды остаются освещенными крайне слабо. Разнообразие субъективных и объективных причин не должно служить поводом к отказу от их рассмотрения. Тем более, что в данном случае речь идет о весьма продолжительном временном отрезке, предшествующем началу эпохи ранних кочевников. По самым осторожным оценкам, в системе калиброванных дат его длительность составляет 500–600 лет – XIV–IX вв. до н.э. (Епимахов А. В., Хэнкс Б., Рэнфрю К., 2005; Епимахов А. В., Епимахова М. Г., 2005). Более того, намечены контуры разделения этой фазы позднего бронзового века (в системе восточно-европейской периодизации) на две части – ПБВ III и IV (Кузьминых С. В., 1995; Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., 2006; Епимахов А. В., 2008).

Препятствием к существенному прогрессу в изучении завершающей фазы зауральского бронзового века является острейший дефицит материалов. Те, что имеются, за редким исключением (Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В., 1996; Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Петрова Л. Ю., 2006), не становятся предметом специального разбора. Не добавляют ясности и общие обзоры (Григорьев С. А., 2000), построенные в значительной степени на экстраполяции данных сопредельных территорий. В реальности фактических данных действительно не слишком много, к тому же, часто речь идет о типологическом вычленении керамических серий из коллекций поселений (Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992; Нелин Д. В., 2004; Стоколос В. С., 2004; Григорьев С. А., Тидеман Е. В., Петрова Л. Ю., 2007) и очень редко – о монокультурных памятниках (Vinogradov N. V., Yerimachov A. V., 2000).

Неоспоримые преимущества погребальных объектов, как единовременно формируемых, с лихвой перекрываются их крайней невыразитель-

¹ Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН, при финансовой поддержке РФФИ (проект 08-06-00380-а) и РГНФ (проект 08-01-85118а/У).

ностью и единичностью (Костюков В. П., Епимахов А. В., 2005 и др.). Это, впрочем, никак не избавляет от работы с ними, включая развернутую публикацию результатов раскопок. В данном случае нами представлен уже вошедший в сводные работы (Таиров А.Д., 2006; Епимахов А. В., 2009) одиночный курган Соколок, исследованный в 1984 г. А.Д. Таировым².

Результаты раскопок

Курган округлой формы (6,5–7 м диаметром и высотой около 0,4 м) был обнаружен на левом берегу р. Аят (Варненский район Челябинской области, 6 км юго-западнее с. Николаевка). Объект было локализован на одном из возвышений холмистой гряды, близ слияния рек Арчаглы-Аят и Караталы-Аят, образующих русло р. Аят. Высота площадки, имеющей некоторый уклон к юго-востоку, превышала 20 м от уреза воды. Это соответствует ранее сделанному наблюдению об изменении системы размещения погребальных памятников в конце бронзового века (Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В., 1996; Костюков В. П., Ражев Д. И., 2004).

Насыпь бала снабжена каменным панцирем, при этом наиболее крупные плиты (до 30–35 см) были сосредоточены в центральной части. Впоследствии выяснилось, что они приурочены к забутовке впускного погребения, не исключено, что и остальные камни на поверхности насыпи имели отношение к этой фазе функционирования памятника. По периферии (за вычетом восточного сектора) прослежены элементы каменной крепиды (?) основания насыпи. Тело насыпи было сложено темно-серым гумусированным суглинком, по периферии ям (главным образом, к северу) фиксировались прослойки выкида (переотложенная погребенная почва и материк). Последний был представлен тяжелым суглинком с включением щебня, а в восточной части раскопа – скальным основанием. Мощность погребенной почвы варьировала в разных частях от 0,2 до 0,3 м. При разборке насыпи, в ее центральной части обнаружены шесть фрагментов керамики, включая три орнаментированных. Их связь с конкретным комплексом осталась неясна.

Общий профиль кургана позволил четко установить, что погребение 4 было впущено с поверхности насыпи и частично повредило заполнение более ранних могильных ям (рис. 1). Поскольку оно в той или иной степени оказалось в площади всех трех более ранних захоронений, установить их стратиграфическое соотношение не удалось. Четкие очертания основных погребальных конструкций были выявлены на уровне материка (–50 – –55), когда обрисовался сложный контур трех,

² Автор глубоко признателен А. Д. Таирову (ЮУрГУ) за плодотворное обсуждение проблем и возможность публикации материалов раскопок.

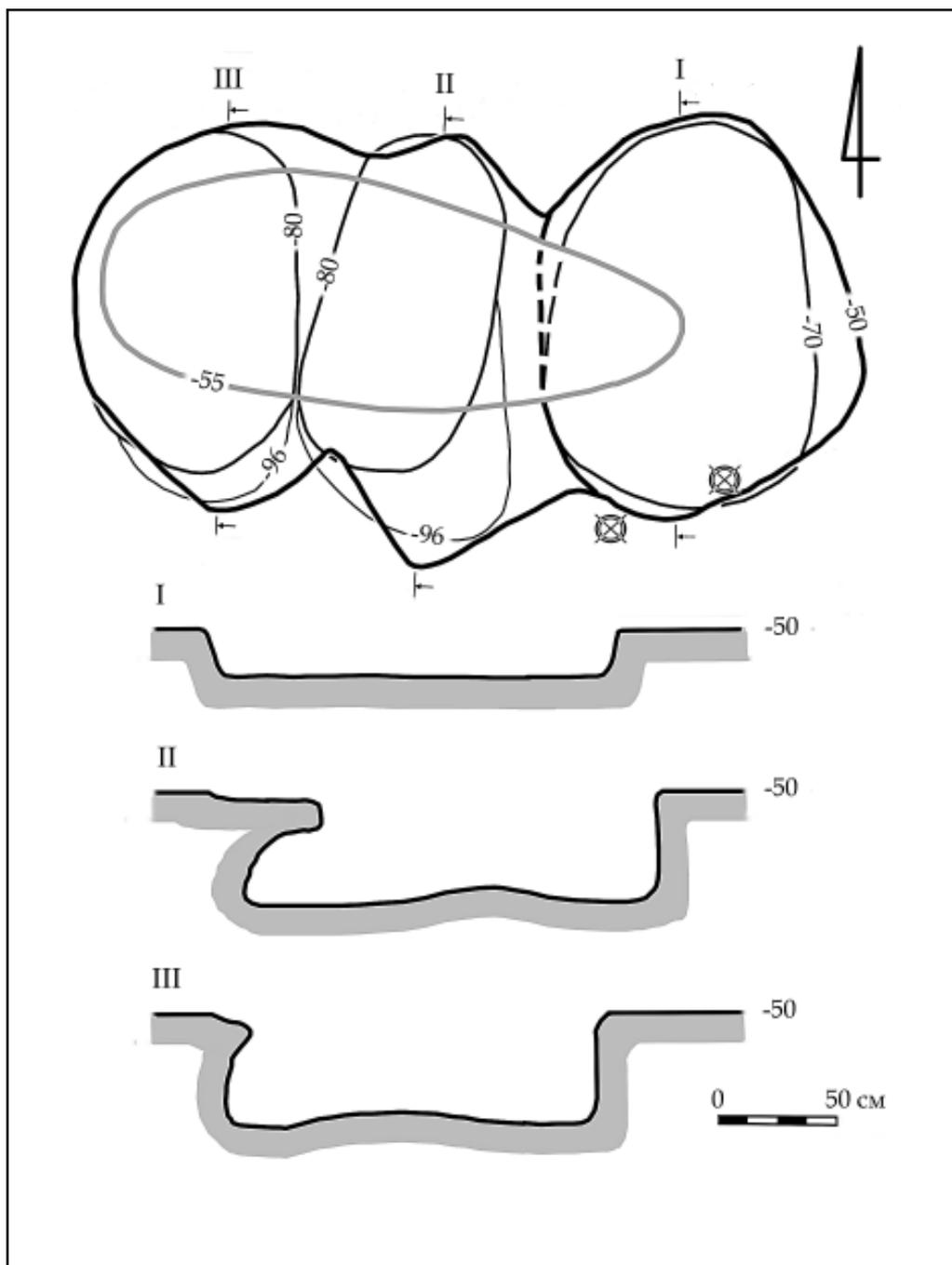

Рис. 1. Одиночный курган Соколок. I–III – могильные ямы 1–3

слившихся могильных ям округлой формы, в границах которых по разнице заполнения отчетливо прослеживались овално вытянутые очертания упомянутого погребения 4. Вся эта группа была смещена к югу относительно центра площадки, а наиболее высокая точка насыпи оказалась ССЗ всех могильных ям. Ранний этап функционирования памятника связан с сооружением трех захоронений (м.я. 1, 2 и 3), расположенных почти строго по линии запад-восток в непосредственной близости, параллельно друг другу. Длинные оси ям ориентированы меридианально.

Могильная яма 1 (замыкавшая ряд с востока и наименее затронутая впускным захоронением) имела размеры $1,7 \times 1,3$ м на зачистке по матерiku и незначительно сузилась в придонной части ($1,6 \times 1,15$ м) за счет пологой восточной стенки (рис. 2). На дне, выявленном на уровне -70 , были расчищены останки двух погребенных плохой сохранности, расположенных лицом друг к другу. *Погребенный 1* (лежавший вплотную к восточной стенке) сохранился лишь отчасти (череп, шейные позвонки,

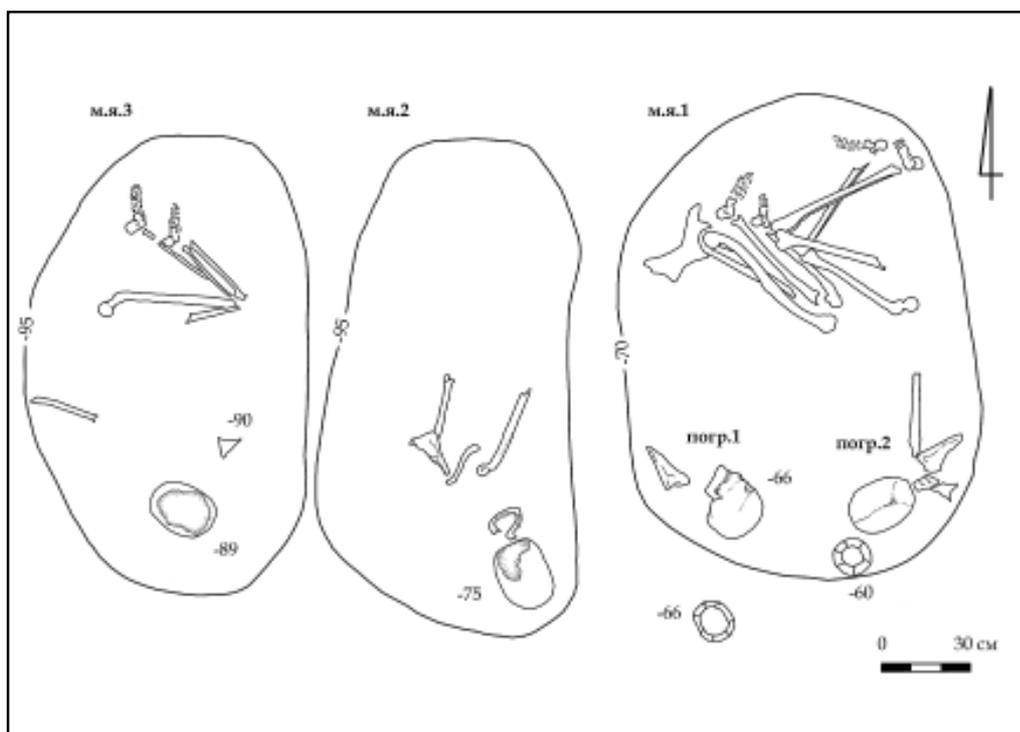

Рис. 2. Одиночный курган Соколок. Могильные ямы 1–3. Дно

лопатки, правая плечевая и кости ног³), что, видимо, обусловлено его размещением на покатой скальной поверхности восточной стенки ямы. Тем не менее значительная часть останков находилась *in situ*, что позволило установить, что покойный был уложен скорченно (средняя степень) на левом боку и ориентирован головой в южном секторе. Положение рук точно не устанавливается, ясно лишь, что плечевая кость правой руки располагалась вдоль тела. В узком пространстве между стеной могильной ямы и черепом умершего был помещен сосуд (№ 1). *Погребенный 2* (у западной стенки м.я. 1) больше пострадал от позднего захоронения – не потревоженными остались только череп, лопатка, таз и крупные кости ног. Судя по ним, покойный первоначально находился в положении сильно скорчено на правом боку, головой на ЮЮВ, лицом к ССВ. Сосуд (№ 2) был установлен к югу от затылочных костей за пределами ямы – для его помещения было сделано специальное углубление в материке (15 см). Бедренная и берцовая кости левой ноги располагались практически параллельно, пяточные кости расчищены в непосредственной близости от таза. Такое положение явно обусловлено посмертной фиксацией конечностей.

Создается впечатление, что могила была предназначена для одного индивида, но в ней были размещены двое таким образом, что колени покойного 2 оказались размещены непосредственно на костях голени первого, а средняя часть тела погребенного 1 пришлось на покатую стенку ямы. Это очевидным образом подтверждает одновременность совершения обряда.

Могильная яма 2 была отделена материковой перемычкой (15–35 см) от первой и располагалась к западу. Центральная часть вплоть до глубины – 80 (30 см ниже уровня материка) была занята впускным погребением. Описываемый погребальный комплекс заметно отличался за счет размеров, формы, конструкции и, отчасти, ориентировки (ССВ–ЮЮЗ). Удлиненные очертания (1,45 × 0,7 м) на уровне -80 с параллельными стенками, ниже существенно изменились за счет подбоя в южной стенке (глубиной 0,4 и высотой 0,35 м). В придонной части (максимальная глубина – 98) размеры могилы были 1,7 × 0,7–0,9 м. Погребение сильно потревожено: череп, рядом с которым находилась нижняя челюсть, выявлен в юго-восточном углу на 20 см выше уровня дна; плечевые кости располагались параллельно друг другу (на расстоянии немногим более 20 см) и длинной

³ К глубокому сожалению мы не располагаем профессиональными антропологическими определениями. Можно лишь констатировать, что во всех случаях, речь, видимо, идет о захоронениях взрослых.

оси ямы; здесь же найдены ключица и лопатка. Если хотя бы некоторые из описанных антропологических материалов пребывали *in situ*, можно предполагать, что покойный был ориентирован головой в южном направлении, а вот о приданной ему позе судить затруднительно. Параметры сооружения не исключают положения вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Могильная яма 3 замыкала группу с запада и по своим параметрам была ближе первой: ориентировка С–Ю, овальная форма, размеры на уровне материка (1,4 × 0,95 м). Впрочем, неровное дно обнаружено на –96, что совпадает с ямой 2 и не 1. Сближает соседние конструкции и наличие небольшого подбоя (глубиной 0,15 м), за счет чего изменяется длина могилы. Северная половина сохранила в первоначальном положении кости ног покойного, что позволяет говорить о его размещении скорчено на правом боку и ориентировке головой в южном секторе. Это подтверждается находкой черепной крышки у южной стенки ямы, близ которой обнаружен фрагмент придонной части керамического сосуда. В центре ямы, у западной стенки выявлена часть плечевой кости.

Могильная яма 4, как уже отмечено была стратиграфически наиболее поздней в рассматриваемом кургане. Ее заполнение составили темно-серый гумусированный суглинок и камни разного размера, включая достаточно крупные. На уровне –55 яма представляла собой удлинённый овал с расширенной западной частью (2,5 × 1,0–0,7 м). Дно обнаружено на уровне –80 (30 см ниже материка). В ходе выборки заполнения встречались отдельные человеческие кости, на дне часть скелета сохранилась *in situ*: правая нога целиком и часть левой (ниже коленного сустава), крупные кости левой руки. Череп располагался на основании у западной стенки, в этой же части дна найдена и нижняя челюсть. Инвентарь отсутствовал.

Инвентарь – едва ли не единственное, что позволяет уточнить культурно-хронологическую позицию погребального комплекса. Однако в некоторых случаях возможность разных вариантов истолкования остается. В нашем распоряжении лишь серия керамики, не отличающаяся выразительностью и слишком хорошей сохранностью. Небольшой плавно профилированный *сосуд № 1* (высота 16 см; диаметры устья – 11,5 см, плеча – 16,7 см, дна – 10,7 см) – горшечной формы, плоскодонный, характеризуется округлым, слабо отогнутым венчиком, зауженным горлом, хорошо выраженным плечом (рис. 3, б). В придонной части фиксируется слабо сформованная закраина. Сосуд вылеплен из глинистого теста с визуальными фиксируемыми примесями шамота, дресвы (?) и органики. Неровный костровой обжиг привел к ее выгоранию, в результате заглаженная поверхность приобрела шероховатость. Цвет внешней поверхности светло-коричневый, внутренней – черный, в изломе черепок черный.

Сосуд имеет следы пригаров снаружи в верхней части и внутри. Не орнаментирован.

Сосуд № 2, как и первый реконструирован графически (рис. 3, 3). Представляет собой плоскодонный неорнаментированный горшок высотой 17,5 см, диаметром устья 13,7 см, тулова – 18,7 см, дна – 11 см. Горло плавно переходит в раздутые плечики. В тесте визуально фиксируется только примесь песка. Внутренняя и внешняя поверхности тщательно заглажены и имеют светло-коричневый оттенок, черепок в изломе черный. *Сосуд № 3* представлен крупным фрагментом плоскодонной емкости. Диаметр

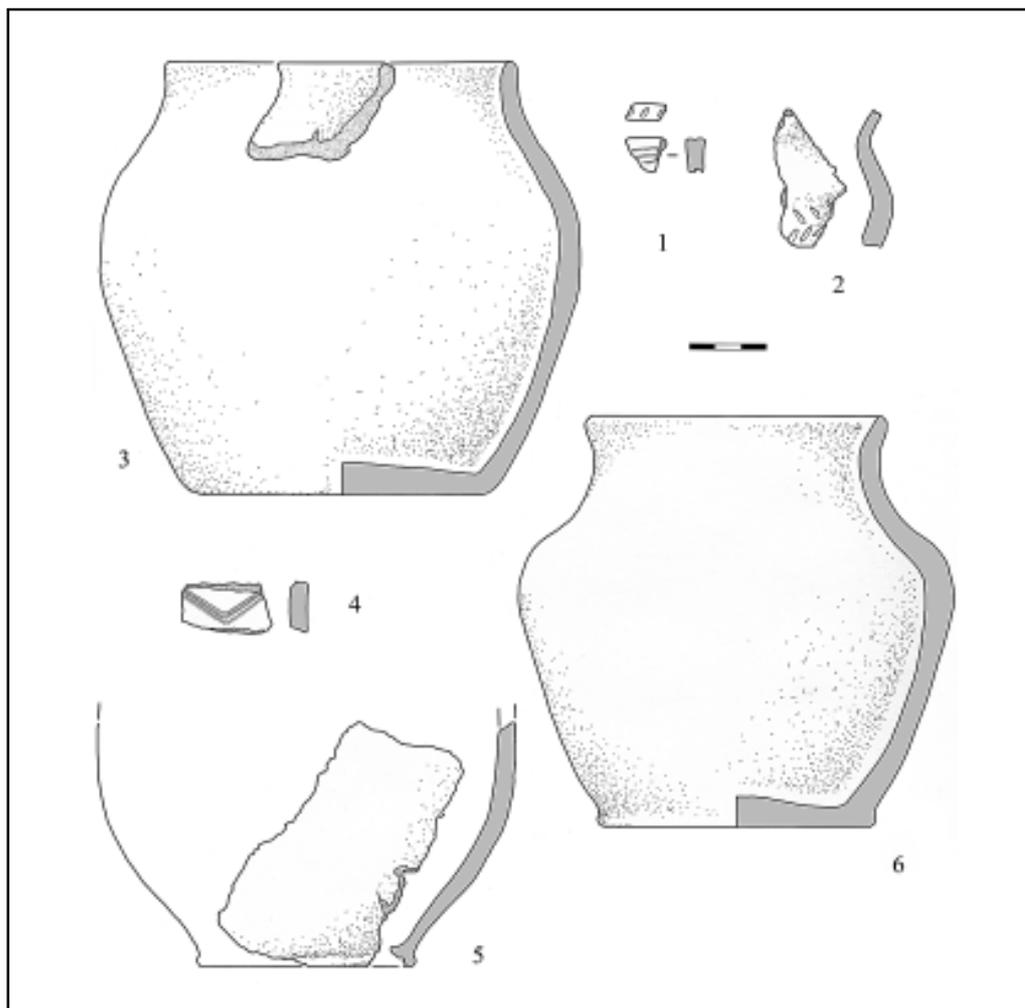

Рис. 3. Одиночный курган Соколок. Посуда. 1, 2, 4 – насыпь; 1, 6 – м.я. 1; 5 – м.я. 5

дна, оформленного закраиной, составляет 8,5 см, максимальный диаметр сохранившейся части — 16,2 см, ее высота — 9,9 см. Судя по этим показателям, сосуд 3 отличался от вышеописанных несущественно. Добавки в тесте — песок, небольшое количество дресвы и шамота. Поверхности тщательно обработаны заглаживанием, их цветовая гамма светло-серая. На внутренней поверхности выявлены следы пригара. Черепок в изломе черный, плотный.

Среди оставшихся артефактов маленький фрагмент уплощенного венчика, орнаментированного по верхнему срезу косыми оттисками тонкого штампа, а по внешней поверхности — прочерченными горизонтальными линиями (рис. 3, 1). В тесте обнаруживается только примесь песка. Черепок плотный, в изломе черный, у поверхностей — светло-коричневый. Еще один фрагмент (рис. 3, 2) из насыпи более информативен и позволяет судить о форме сосуда. Он принадлежит плавно профилированному горшку с выпуклым плечом, вылепленному из глиняного теста с добавлением шамота дресвы и песка. Ниже плеча сосуд был украшен горизонтальной елочкой, нанесенной с помощью овальных вдавлений. Кроме того, найден фрагмент стенки (рис. 3, 4), орнаментированный зигзагом (проташенная гребенка). Поверхности серо-коричневого цвета хорошо заглажены, черепок в изломе черный. При изготовлении в тесто добавлялись дресва, мелкий песок и шамот.

Возможности интерпретации

Скромность, если не сказать скупость полученных материалов с лихвой искупается их крайней редкостью — для Южного Зауралья наша сводка не дотягивает до 30 погребений, из коих минимум два происходят из описываемого комплекса. Среди первичных вопросов, всегда возникающих в случае анализа многомогильных курганов, одно- либо разновременность упокоения индивидов. В нашем примере ответ на него осложнен наличием заведомо впускного погребения (м.я. 4), деформировавшего первоначальную картину. Тем не менее и без этого ситуация далека от однозначности.

С одной стороны, обрядовые черты (совпадение ориентировок, основных размеров, способов обращения с покойными, локализация посуды), в меньшей степени керамический комплекс, сближают ямы 1 и 3. Явно различны лишь глубина и конструкция могилы (небольшой подбой в м.я. 3). Различия в глубине, скорее всего, объясняются вполне обыденными причинами. Восточная половина подкурганной площадки в качестве материка имела скальное основание, что не позволило увеличить глубину могильной ямы 1. С другой стороны, погребения 2 и 3 объединяют близкие нивелировочные отметки дна, наличие тех же подбоев.

Не выпадает из этого списка и ориентировка покойного на юг. Наибольшие сомнения вызывает некоторое отличие ориентировки м.я. 2 и возможное вытянутое положение покойного, в котором, правда, полной уверенности нет. Отсутствие сосуда вряд ли может быть признано аргументом в свете плохой сохранности могилы⁴.

Если признать погребения 1–3 одновременными, то Соколок является для данного хронологического отрезка единственным примером кургана с тремя могильными ямами. Примеры двумогильных курганов более многочисленны (Белоключевка-7, Шатрово-1, «У поворота...», Сарбулат-2). Расстояние между парными могилами варьирует от 0,3 до 1,0 м, что соответствует промежутку между м.я. 1 и 3 кургана Соколок. Если придерживаться противоположной точки зрения о более позднем характере захоронения 2 в сравнении с 1 и 3, возникают не менее основательные сомнения. Трудно объяснить «привязанность» к одному, не слишком примечательному месту, к кургану более чем скромного размера носителей *трех разных традиций*. Конечно, полностью исключить такую случайность мы не можем, но более вероятным нам представляется, что мы имеем дело с довольно кратким периодом функционирования тафокомплекса. При таком подходе более понятно, каким образом устроители погребения 2 сумели четко вписать его между несколько более ранними ямами 1 и 3. Переход же к вытянутому (или слабо скорченному положению покойных) может быть признаком последней фазы позднего бронзового века, которую некоторые авторы предлагают определять как ПБВ IV (Кузьминых С. В., 1995; Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., 2006). Если мы признаем преднамеренность сосредоточение погребений в малом объеме, то м.я. 2 занимает «промежуточное» положение между традицией сильно либо средне скорченных погребений с южной ориентировкой и традицией слабо скорченных погребений с широтной ориентировкой (Верблюжьи Горки).

Оставив в стороне заключения, не лишённые умозрительности, подчеркнем, что памятник (в его ранней части) хорошо вписывается в канон погребальной практики завершающего периода бронзового века. Во-первых, следует подчеркнуть, что мы имеем дело с одиночным курганом, расположенным на заметном удалении от русла и значительной высоте, что абсолютно нетипично для большей части бронзового века, зато хорошо согласуется с информацией о других подобных погребальных комплексах финала бронзового века. Во-вторых, само количество надмогильных сооружений, могил и похороненных также весьма показательно. Среди известных нам к настоящему моменту комплексов нет ни одного,

⁴ К тому же, среди погребений рассматриваемого периода есть и безынвентарные.

содержащего более двух курганов и трех-четырёх погребенных. В-третьих, курган Соколок четко соответствует ранее сформулированным представлениям о ядре погребальных традиций финальной части бронзового века Зауралья и в части способов обращения с покойным. Не противоречит высказанным суждениям о хронологии комплекса и облик керамики.

Последний аспект, которого необходимо коснуться, находится вне непосредственной связи с описанным памятником, который, однако, наглядно иллюстрирует неоднократно озвученный тезис о селективном способе формирования курганных некрополей (Епимахов, Ражев, 2003а; 2003б и др.). В этой связи следует сосредоточить внимание не только на расширении источниковой базы, но также на уяснении принципов посмертного отбора индивидов и круге идей, наглядным выражением которых является погребальный памятник — результат ритуальных действий. Сама редкость совершения обряда курганной ингумации в финале эпохи бронзы (что резко контрастирует с предшествующим срубно-алакульским периодом) наводит на мысль о неординарном характере таких захоронений.

Библиографический список

1. *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск, 1992. — Т. 1.
2. *Григорьев С. А.* Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. — Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. — Челябинск, 2000.
3. *Григорьев С. А., Тидеман Е. В., Петрова Л. Ю.* Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Известия ЧНЦ. 2007. — Вып. 2 (36).
4. *Епимахов А. В.* Финал бронзового века в Южном Зауралье // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. — Т. I. — М., 2008.
5. *Епимахов А. В.* «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2009. — В печати.
6. *Епимахов А. В., Епимахова М. Г.* Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестник ЧГПУ. — Сер. 1: Исторические науки. — Челябинск, 2005. — № 2.
7. *Епимахов А. В., Ражев Д. И.* Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). — Кемерово, 2003а.
8. *Епимахов А. В., Ражев Д. И.* Тафокомплекс и социальная реальность (по материалам синташтинских памятников) // Вестник ЮУрГУ. — Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Челябинск, 2003б. — Вып. 2.
9. *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Рэнфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — № 4.

10. Костюков В. П., Епимахов А. В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Актюбинск, 2005. – Вып. 2.
11. Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск, 1996.
12. Костюков В. П., Ражев Д. И. Погребения из курганной группы Верблюжьей Горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. – Сер. 1: Исторические науки. – Челябинск, 2004. – Вып. 2.
13. Кузьминых С. В. Евразийская металлургическая провинция (лесные и лесостепные производящие центры): рукопись. – М., 1995.
14. Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Поздний бронзовый век // Археология: учебник. – М., 2006.
15. Малюткина Т. С., Зданович Г. Б., Петрова Л. Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006.
16. Нелин Д. В. Шибяево I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. – Сер. 1: Исторические науки. – Вып. 2. – Челябинск, 2004.
17. Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. – Челябинск, 2004. – Вып. 2.
18. Таифов А. Д. К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006.
19. Vinogradov N. B., Yepimachov A. V. From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age / BAR International Series 890, 2000.

Список сокращений

ГИМ – Государственный исторический музей.
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
РА – Российская археология.
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет.
ЧНЦ – Челябинский научный центр.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
BAR – British Archaeological Reports (Oxford).

В. П. Костюков
(ЧГПУ, Челябинск)

КУРГАНЫ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОЗЕРЕ КАСАРГИ (ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА КАСАРГИ-1)

Публикуемые материалы были получены в результате раскопок на могильнике Касарги-1, проведенных отрядом археологической экспедиции ЧГПУ под руководством автора в 1999 году¹. Могильник находится примерно в 30 км С–СЗ г. Челябинска на юго-восточном берегу озера Касарги (в 2,0 км к В–СВ от д. Касарги и в 7,0 км к З–СЗ от административного центра Сосновского района – с. Долгодеревенского). Для рельефа микрорайона, локализующегося на границе Зауральского пенеплена и Западно-Сибирской низменности, характерны обширные выровненные пространства с многочисленными озерами и болотами. Средняя высота водораздельных площадей 10–15 м, изредка встречаются увалы с пологими склонами и плоскими вершинами, возвышающиеся над окружающей местностью на 20–30 м. В ландшафтном отношении микрорайон маркирует рубеж зоны преобладания лесов и зоны преобладания степи. В ленточных борах и колках доминируют лиственные породы – береза и, в меньшей степени, осина. Озеро Касарги имеет размеры, средние для этого изобилующего водоемами района. В настоящее время оно простирается на 6,5 км с ЮЗ на СВ и, расширяясь к СВ берегу, – на 2,0–3,5 км с ЮВ на СЗ². Берега очень пологие (особенно СЗ) или средней крутизны, открытые, во многих местах застроены базами отдыха, дачами и т.п.

¹ Памятник открыт В.И. Юриным в 1997 г. во время обследования возвышенного южного берега озера на предмет наличия здесь пещер. Автор считает своим долгом выразить сердечную благодарность первооткрывателю, а также всем, кто содействовал исследованию памятника. Раскопки проводились силами школьных археологических кружков г. Челябинска и с. Есаулка под руководством Л.В. Туфленкова и С.В. Маркова. Полевые чертежные работы выполнены Д.В. Нелиным, камеральные – Н.Н. Пашковой. Палеозоологические определения сделаны П.А. Косинцевым, антропологические – Д.И. Ражевым.

² Озеро, как следует из справочной литературы, периодически претерпевает значительные колебания горизонта воды. Так, с 1936 г. по 1953 г площадь зеркала увеличилась почти вдвое – с 11,9 км² до 20,7 км². Современный уровень воды – на абсолютной отметке 217 м. Средняя глубина – 1,5 м, наибольшая – 9,0 м.

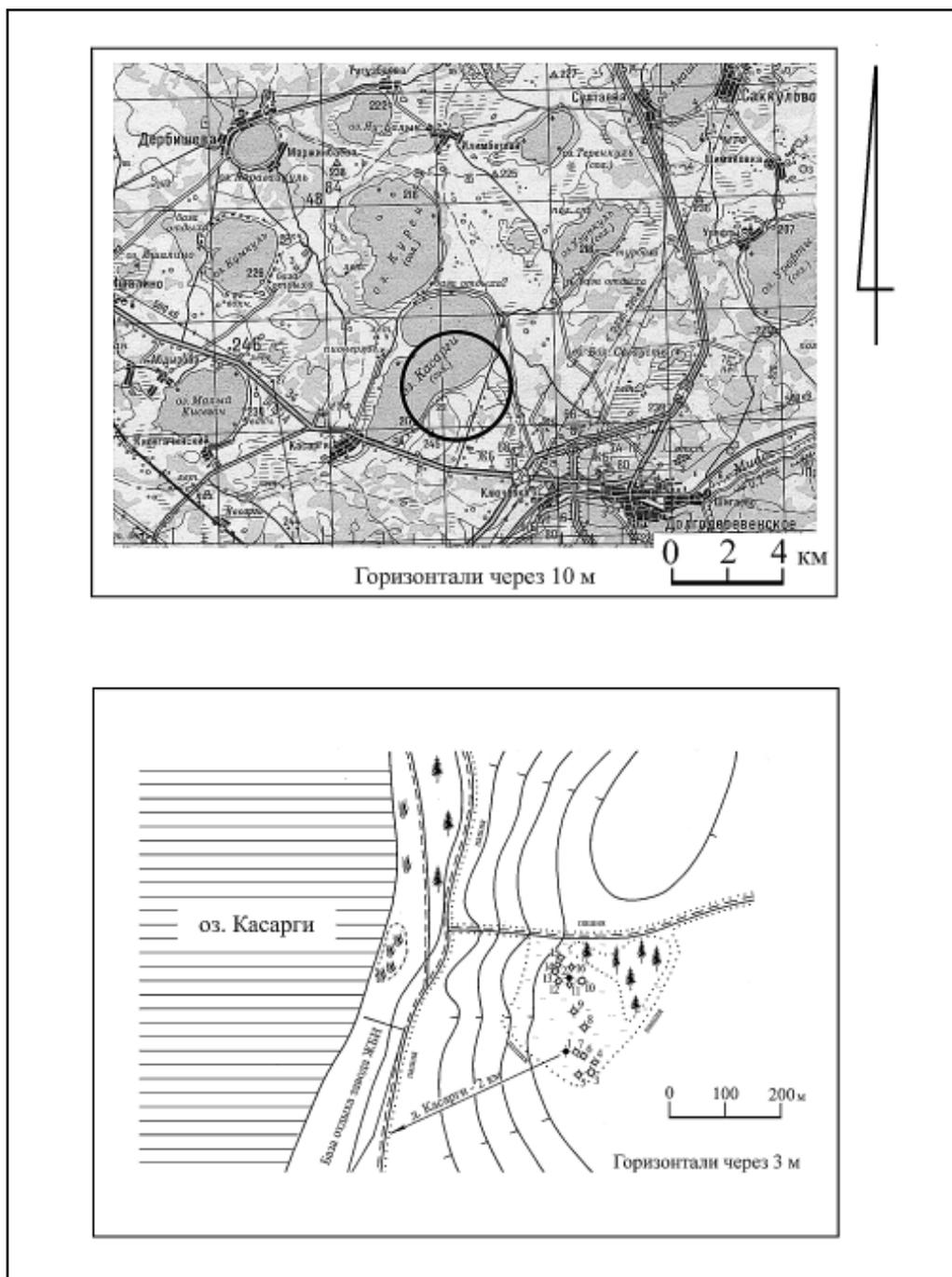

Рис. 1. План расположения могильника Касарги-1

Площадка, занимаемая могильником, располагается в 0,3–0,4 км восточнее кромки озера на береговом склоне у края водораздельного плато (высота от современного уровня водного зеркала – 15–17 м). Поверхность площадки, заметно покатая в сторону озера, покрыта луговой растительностью, со всех сторон окружена пашней. В центральной ее части заметны следы нивелировки бульдозером, очевидно, имевшей целью последующую распашку.

В могильнике зафиксировано 16 земляных и каменно-земляных курганов, впрочем, не исключено, что в действительности их здесь больше: значительная часть насыпей слабо проявлена в рельефе, и несколько, на первый взгляд, естественных складок вполне могут быть сильно расплывшимися земляными курганами. Курганы образуют две компактные группы, в которых дистанция между соседними насыпями составляет от 5 до 10 м. Группы находятся примерно в 100 м одна от другой по линии С–Ю. Южная группа включает 6 насыпей (1, 3–7), северная – 8 (2, 10–16); на участке между ними располагаются насыпи курганов 8 и 9 (рис. 1). Расстояние между крайним южным курганом в первой группе и крайним северным во второй – около 250 м. Все насыпи округлой в плане формы, края пол, как правило, сильно сглажены. Наименьшие насыпи имеют диаметр 7,0–8,0 м при высоте 0,1–0,2 м, наибольшие – диаметр 14,0–15,0 м при высоте от 0,25 до 0,5 м. Поверхность всех насыпей хорошо задернована, на 10 насыпях зафиксированы выступающие из дерна грани камней.

Раскопками были исследованы 2 объекта – курган 1 из южной группы и курган 2, располагавшийся в центре северной группы – в 130 м к северу от кургана 1.

Курган 1 (рис. 2–5) размещался на полого понижающемся в сторону озера склоне (перепад высот от возвышенного окончания восточной половины к окончанию западной половины составлял более 1,0 м). До раскопок представлял собой сравнительно крупное возвышение с уплощенной, не имеющей заметных нарушений поверхностью. Очертания в плане округлые, правда, с весьма нечетко выраженными границами (диаметр 12,0–13,0 м); высота над окружающей местностью – 0,3–0,4 м. В нескольких местах в центральной зоне насыпи, ограниченной радиусом 3,0 м, из дерна выступали грани каменных плит.

В ходе исследования была обнаружена одна могильная яма, располагавшаяся в центре подкурганной площадки. Перекрывавшее могилу сооружение состояло из трех элементов – каменной ограды, земляной насыпи и каменного «панциря». Первоначально на отведенном для погребального комплекса участке, по всей видимости, вслед за устройством могилы, была возведена каменная ограда. Эта конструкция, насколько позволяют судить ее остатки, имела в плане форму овала с радиусами

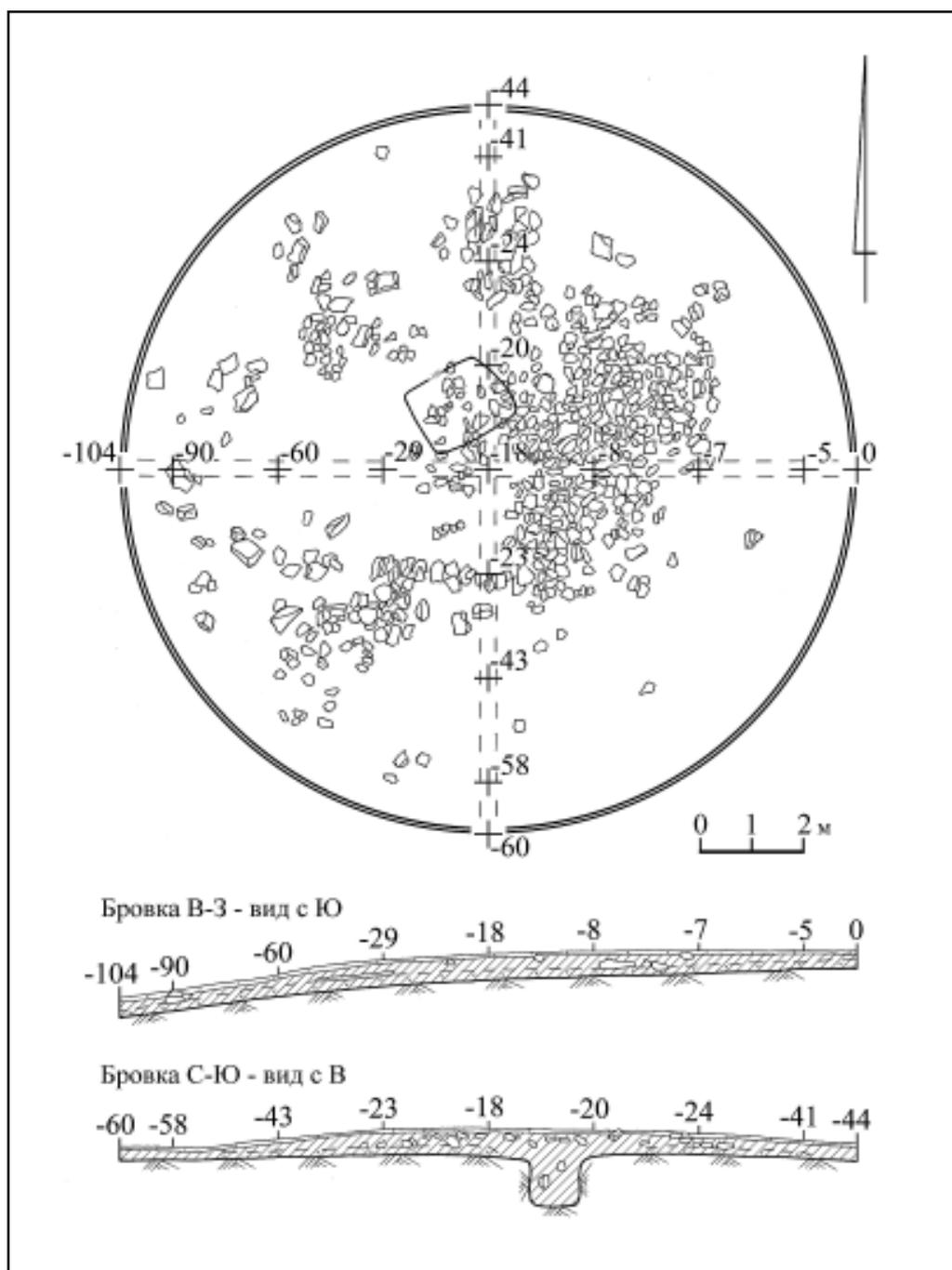

Рис. 2. Могильник Касарги-1. Курган 1. План и профили бровок

3,0 и 3,5 м, вытянутого вдоль линии ЮЗ—СВ, т.е. в согласии с ориентировкой могильной ямы. Материал для строительства ограды — сравнительно крупные глыбы серпентинита и диабаз. Средний размер большинства камней 0,5—0,6 м, отдельные глыбы имели длину до 0,8—0,9 м. Глыбы были положены непосредственно на древний почвенный слой, лишь к З и ЮЗ от ямы они, по всей видимости, укладывались на могильный выкид — материковую пестроцветную супесь с галечником, глинистыми и гумусными включениями. Выкид зафиксирован только в этой части подкурганной площадки — в виде площадки линзовидной в плане формы (~4 × 2 м, толщина слоя до 0,2 м), простирающейся от края ямы до линии ограды. Сосредоточение выкида именно в этой части подкурганного пространства, по всей видимости, преследовало цель выровнять сильно понижающийся к западу от могилы склон.

Конструктивно ограда представляла собой один ряд камней, уложенных вплотную друг к другу радиально, то есть так, что длинная ось каждого из них была ориентирована на находящуюся в центре могильную яму (рис. 3). К моменту исследования ограда сохранилась чуть меньше, чем наполовину — в виде полукружия, расположенного в восточной и южной

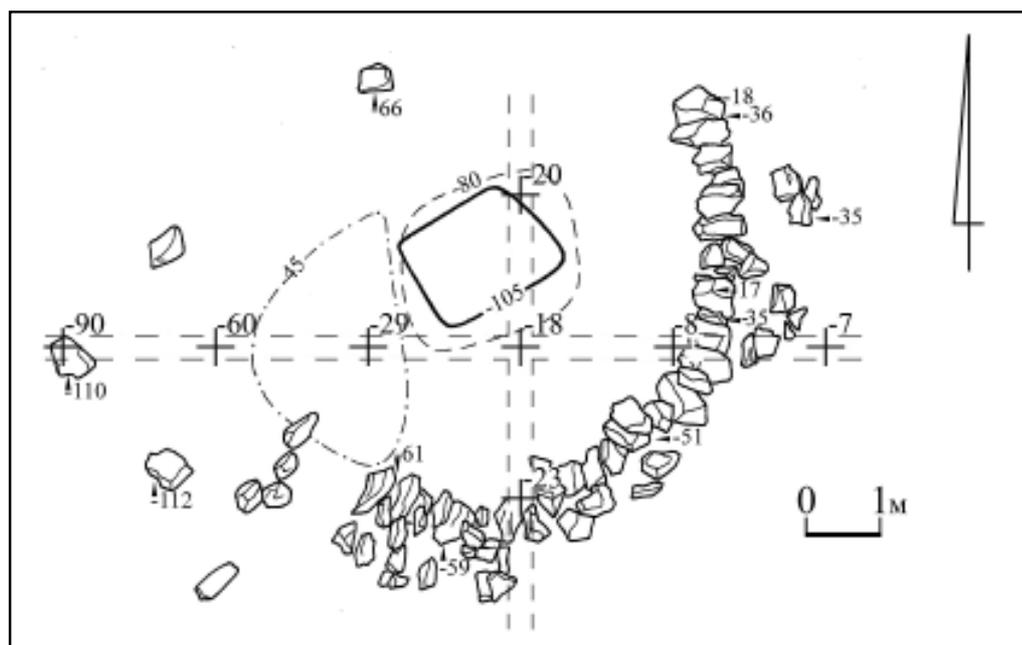

Рис. 3. Могильник Касарги-1. Курган 1. Фрагмент плана подкурганной площадки. Взаиморасположение могильной ямы, материкового выкида и остатков каменной ограды

зонах подкурганной площадки (длина дуги 9,0 м). О том, что изначально ограда имела завершённую кольцевую форму и впоследствии была разрушена, позволяют думать уже упоминавшаяся подсыпка из могильного выкида западнее ямы (одна каменная глыба в ЮЗ секторе, располагавшаяся в 1,0 м от окончания дуги ограды, лежала на самом крае площадки выкида), а также около десятка сравнительно крупных камней, зафиксированных на погребенной почве западнее вероятного абриса ограды.

Собственно насыпь была сложена темно-серой гумусной супесью с включениями мелкого галечника. Как позволяют судить остатки покрывавшего ее «панциря», она имела диаметр не менее 10 м, так что край насыпи выступал за линию ограды примерно на 1,5 м. Впрочем, учитывая предполагаемую овальную форму ограды, можно предположить, что такой же была и форма земляной насыпи; в таком случае ее размеры по основным осям должны были равняться приблизительно 10 × 11 м. Наибольшая мощность насыпи зафиксирована в центральной части подкурганной площадки — около 0,2 м. Большая часть поверхности насыпи была укреплена сплошной каменной обкладкой. Материалом для нее послужили по преимуществу уплощенные глыбы ломаного камня средним размером в поперечнике 0,3–0,4 м.

Первые очертания могильной ямы, существенно деформированной в верхней части случившимся еще в древности ограблением, были зарегистрированы при зачистке верхнего уровня материка. Здесь яма, заполненная серой гумусированной супесью, имела форму четырехугольника, условно близкого квадрату (~2,2 × 2,2 м) с сильно округленными углами и искривленной З–ЮЗ стороной. Однако уже на 0,1–0,2 м ниже обнаружались существенные изменения формы, размеров и, отчасти, ориентировки могилы. Помещаясь в пределах прежнего контура, она приобрела форму неправильного (подтрапециевидного) прямоугольника со значительно менее скругленными углами, ориентированного длинными сторонами ЮЗ–СВ. Ширина ямы равнялась 1,45 м, длина — 1,6–1,8 м. (СЗ стенка на 0,2 м короче ЮВ). Указанные параметры оставались практически неизменными до дна, несколько понижавшегося от стенок к центру. Глубина ямы в материке 0,8–0,9 м (рис. 4).

От верхнего уровня и до дна могила была заполнена перемешанным грунтом, основу которого составляла серая гумусированная супесь с мелким галечником, причем заполнение верхней трети полости было представлено почти исключительно названной супесью. Ниже постепенно нарастала доля пестроцветных песчанистых и глинистых включений, так что у дна грунт заполнения и вмещающий материковый грунт едва различались. В придонной зоне заполнения были встречены около десятка камней разной величины, большинство из которых локализовались у продольных стенок близ В и З углов.

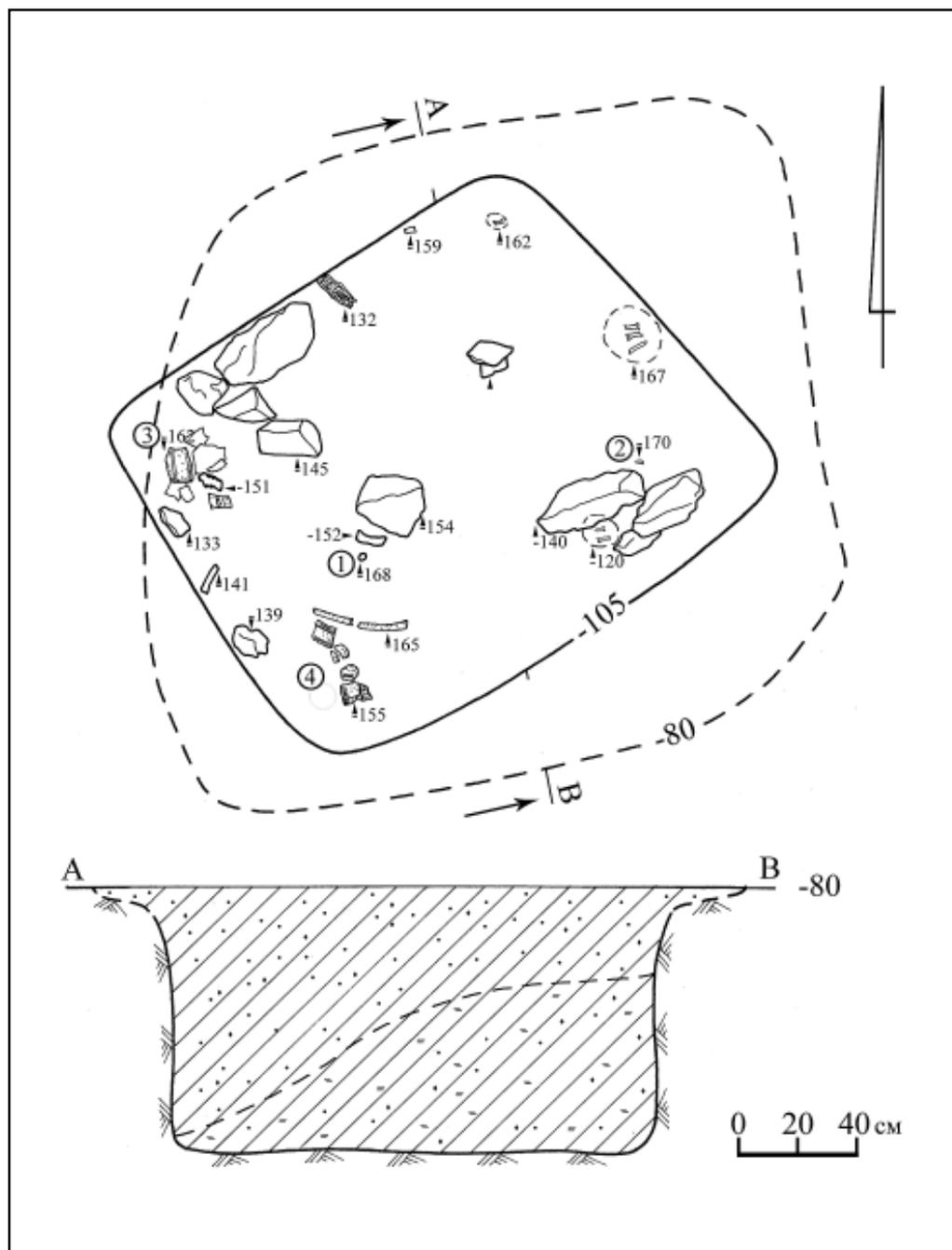

Рис. 4. Могильник Касарги-1. Курган 1. План и разрез могильной ямы.
1 – кольцо; 2 – проволока; 3, 4 – сосуд

В средней части глубины ямы у продольной СЗ стенки зафиксирован обломок жерди длиной 12 см и диаметром около 4 см, ориентированный ЮВ–СЗ. По всей видимости, это единственный уцелевший фрагмент поперечного перекрытия могилы, устроенного на уровне древней дневной поверхности.

Все находки – кости человека и кости лошади, 2 разрушенных лепных сосуда и 2 медных изделия – были сделаны в придонном слое заполнения и на дне могилы.

Большая часть останков кремированного человека в виде тонкого слоя (~2–4 см) мелких обломков пережженных костей локализовалась на дне у середины СВ стенки на площади 0,3 × 0,15 м. В 0,5 м к югу, близ ЮВ стенки располагалось еще одно, значительно менее насыщенное скопление фрагментов кальцинированных костей, имевшее диаметр около 0,1 м. Отдельные кальцинированные косточки были встречены также на дне непосредственно в северном углу ямы и вблизи этого же угла у СВ стенки. Останки принадлежат 12–18-летнему индивиду.

Кости лошади в могиле представлены фрагментами трех ребер и трансверзальными отростками поясничных позвонков – все без следов обжига. Почти все они лежали на дне – близ южного и западного углов, а также рядом с остатками трупосожжения у СВ стенки ямы.

Развал одного сосуда, археологически целого, обнаружен в западном углу на дне (рис. 4, 3; 5, 1). Сосуд горшечный, с плоским дном, умеренно раздутым туловом, пологим плечом, высокой, чуть отогнутой наружу шейкой и округлым, местами уплощенным венчиком. Диаметр дна 9,2 см, диаметр тулова 17,2 см, диаметр устья 16,6 см; высота 15,0 см, толщина стенок 0,6 см. В тесте заметны включения песка. Обжиг плотный, глубокий. Цвет хорошо заглаженных поверхностей серо-коричневый, в изломе – темно-серый. Орнамент, выполненный оттисками гладкого штампа, распределен по трем зонам – шейке, верхней и придонной части тулова. Все три зоны украшены одинаково – несколькими рядами сравнительно широких горизонтальных линий. На шейке выведены пять таких линий, в верхней части тулова – семь и в придонной части – три.

Второй сосуд, найденный в южном углу (рис. 4, 4; 5, 2), представлен крупными фрагментами, происходящими, в основном, от его верхней части. Сосуд является уменьшенной копией вышеописанного сосуда, обнаруженного в западном углу ямы. Его форму характеризуют плоское дно, умеренно раздутое тулово, плавно переходящее в почти прямую шейку, округлый венчик. Диаметр дна 6,7 см, диаметр тулова 11,0 см, диаметр устья 9,9 см; высота 9,8 см; толщина стенок 0,6–0,7 см. Состав теста, обжиг, цвет поверхностей и другие качественные параметры аналогичны параметрам более крупного сосуда. Декор нанесен в той же технике и, по

всей видимости, тем же штампом. Аналогична и композиция, с той лишь разницей, что меньшие размеры сосуда обусловили меньшее количество линий: на шейке и на верхней части тулова их по четыре, а у дна две.

Оба изделия из меди обнаружены на дне могилы. Примерно в 0,7 м к северу от южного угла лежало полностью корродированное колечко диаметром 2,0 см, изготовленное из проволоки, по всей видимости, округлой в сечении, диаметром не более 1,5 мм (рис. 4, 1; 5, 3). В 0,45 м к западу от восточного угла был найден смятый кусок медной проволоки длиной чуть более 4,0 см. Ширина уплощенной в сечении проволоки около 2 мм, толщина – 1 мм (рис. 4, 2; 5, 4).

Курган 2 (рис. 6–9) располагался на ровном, слегка покато к западу участке могильника (перепад высот от края восточной полы к краю западной составлял 0,5–0,6 м). До начала раскопок фиксировался как довольно крупное, хорошо выраженное в рельефе возвышение с уплощенной вершиной. Широтная ось равнялась примерно 11,0 м, меридиональная – 12,0 м, высота над окружающей поверхностью – 0,25–0,35 м. По всей окружности насыпи, на расстоянии около 4,0 м от центра, фиксировалась прерывистая полоса выступающих из дерна камней, достигающая местами ширины до 1,0 м.

Надмогильное сооружение кургана состояло из двух элементов – земляной насыпи, перекрывавшей устроенную в центре подкурганной площади одиночную яму, и кольцевой вымостки, выложенной по периметру насыпи. Грунт насыпи (однородная темно-серая гумусная супесь, насыщенная мелким галечником) был уложен на распланированный могильный выкид и, отчасти, на древнюю почву слоем средней мощностью 0,25–0,3 м. В центральной части кургана мощность земляной насыпи достигала 0,5 м (рис. 6). Выкид – материковая супесь светло-коричневого цвета, насыщенная мелким галечником, содержащая многочисленные гумусные и отдельные глинистые включения – распределен на подкурганной площадке неравномерно. Практически весь его объем был распланирован в северном и южном направлениях от могильной ямы, к западу и востоку от нее на погребенной почве встречались лишь отдельные мелкие комочки материкового грунта. Большая часть выкида размещалась севернее могилы, начинаясь непосредственно у ее края и простираясь к северу на расстояние до 4,0 м, а к северо-востоку и северо-западу – на расстояние около 2,0–2,5 м. Средняя мощность слоя – 0,15 м. На противоположной стороне могилы слой выкида мощностью до 0,15 м простирался на 3,0 м к югу и 2,5 м к юго-западу и юго-востоку (рис. 7).

Вымостка из глыб ломаного камня (серпентинит и диабаз) со средними линейными размерами в пределах 0,2–0,4 м, уложенных в 1–2 слоя, сохранилась довольно хорошо. Она имела вид кольца овальной формы,

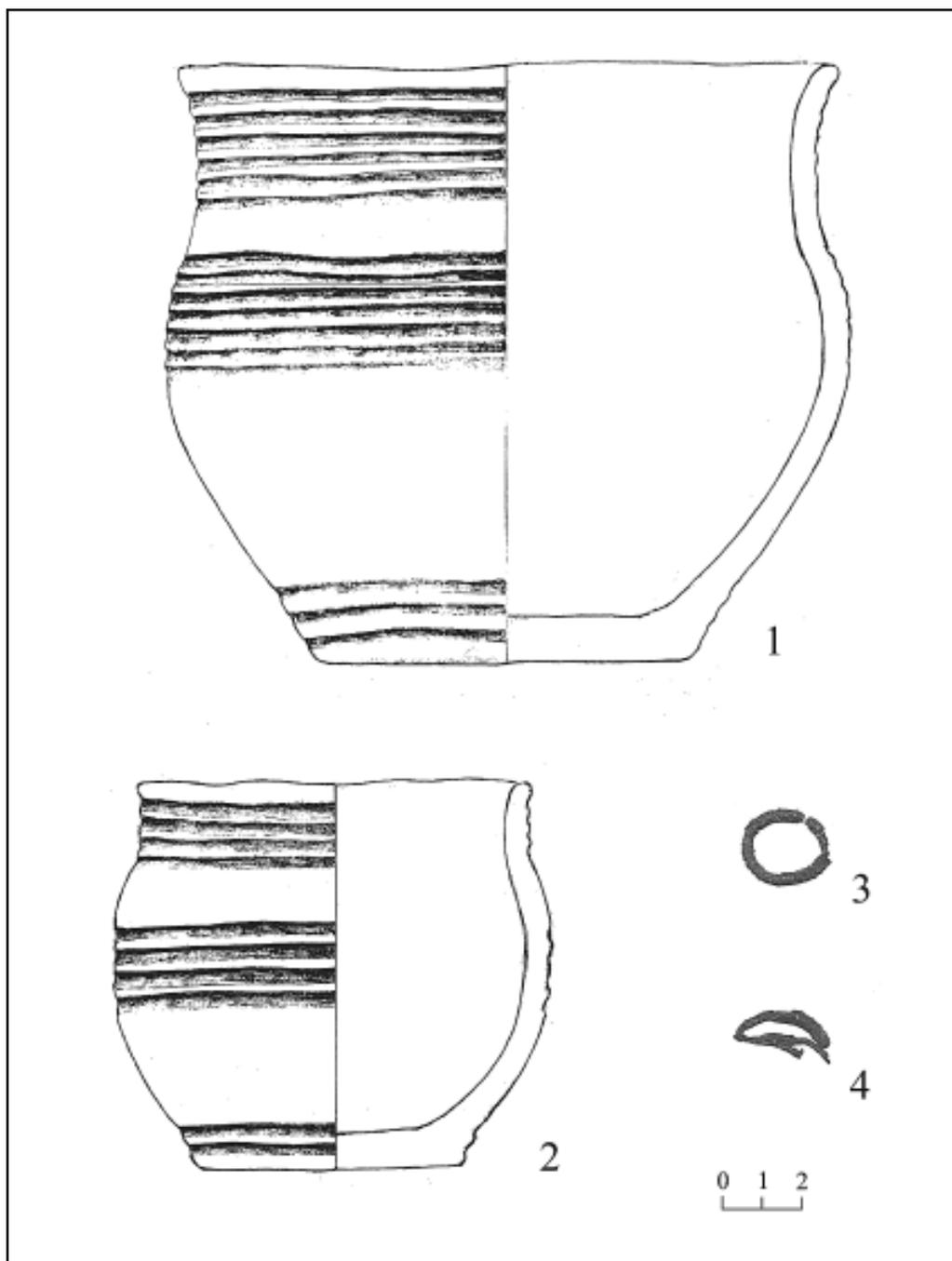

Рис. 5. Могильник Касарги-1. Курган 1. Погребальный инвентарь. 1, 2 – сосуд; 3 – кольцо; 4 – проволока. 1, 2 – глина; 3, 4 – медь

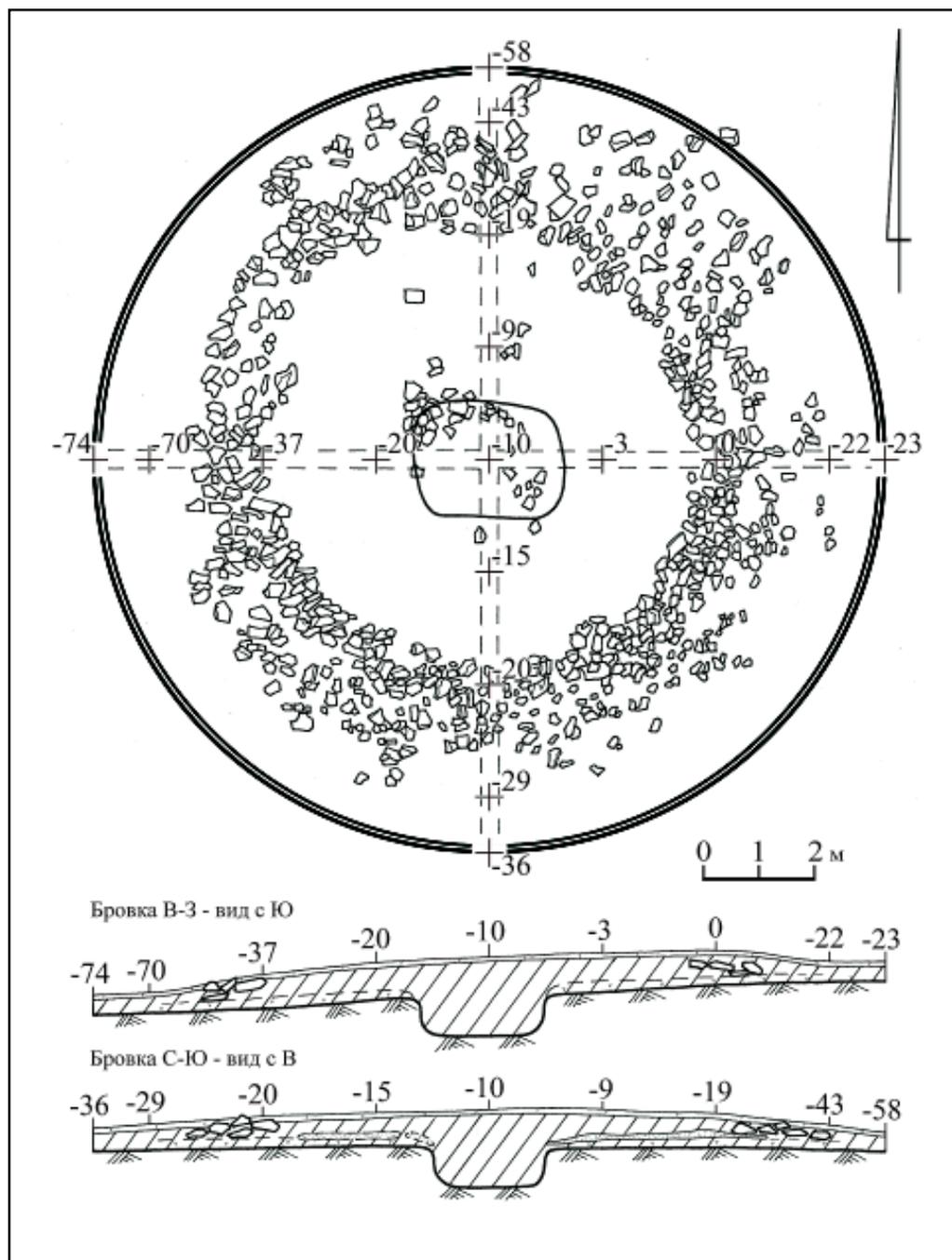

Рис. 6. Могильник Касарги-1. Курган 2. План и профили бровок

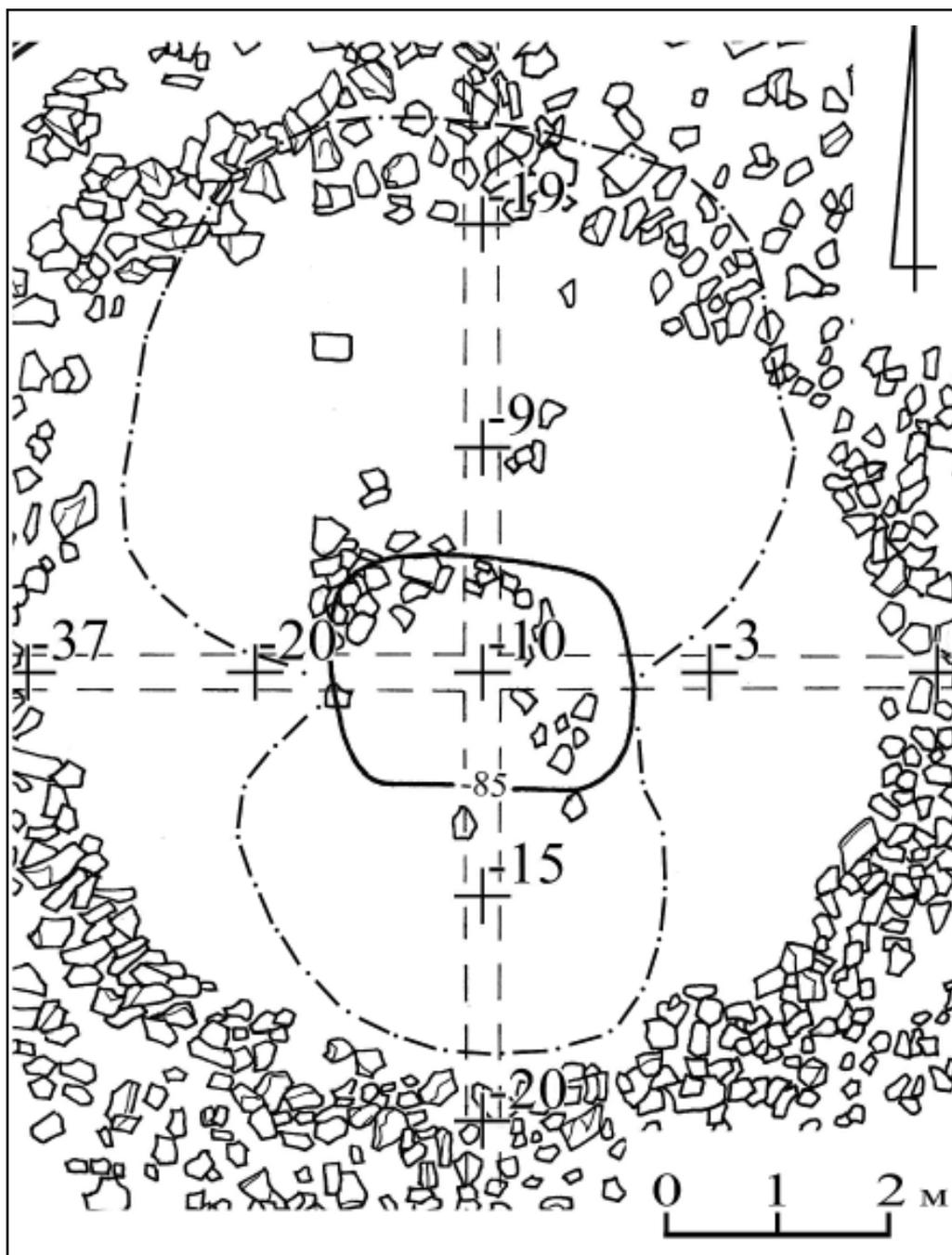

Рис. 7. Могильник Касарги-1. Курган 2. Фрагмент плана подкурганной площадки. Взаиморасположение могильной ямы и материкового выкида

вытянутого в меридиональном направлении. Меридиональный диаметр по внешнему краю равнялся 12,0 м, по внутреннему — 8,0 м, широтные диаметры соответственно — 11,0 и 7,5 м. Первоначальная ширина кольца, судя по наименее потревоженным участкам, составляла примерно 1,5 м. Камни на внешней дуге кольца лежали на древней почве, а в его северном секторе — на могильном выкиде (рис. 6, 7).

О назначении примерно трех десятков камней, расчищенных в центральной части насыпи — непосредственно над могильной ямой и к северу от нее — определенно высказаться трудно. Возможно, это остатки локального «панциря», покрывавшего центральную часть земляного надмогильного сооружения, но не исключено, что все эти камни являлись частью интерьера могилы и были выброшены из нее во время ограбления.

Очертания могильной ямы на верхнем материковом уровне имели форму прямоугольника с сильно округленными углами (2,6 × 2,1 м), ориентированного длинными сторонами широтно. Стенки опускались практически отвесно, так что форма и размеры ямы на большей части глубины оставались неизменными. Глубина могилы в материке — 0,65 м. В придонной части по всему периметру ямы была оставлена ступенька, служившая основанием для устройства каменной облицовки стенок. Высота ступеньки от дна равнялась примерно 0,2 м, а ширина, судя по размерам нижнего ряда камней, могла варьировать в пределах 0,2–0,4 м (рис. 8).

Высота облицовки на момент исследования на разных стенках была неодинаковой, что, видимо, является результатом ее частичного разрушения в ходе ограбления; на большей части периметра она равнялась 0,4 м, и можно предположить, что первоначально кладка была выведена на один уровень — примерно 0,6 м от дна ямы. На полностью сохранившихся участках кладка образована 2–3 слоями, в которых камни были довольно плотно пригнаны друг к другу, необходимая жесткость конструкции достигалась использованием сравнительно мелких камней (0,1–0,2 м в поперечнике).

Верхний край каменной кладки, по всей вероятности, служил опорой для деревянного перекрытия. Его остатки обнаружены в двух местах погребальной камеры. В придонной части заполнения в самом центре могилы расчищены 2 фрагмента плах длиной 80 см и 40 см. Ширина фрагментов, соответственно, 22 см и 25 см, толщина — до 5 см. Ориентировка фрагментов субмеридиональная. Поперечный характер перекрытия подтверждается ориентировкой менее представительных его остатков, обнаруженных близ юго-западного угла камеры непосредственно на верхнем слое кладки. Здесь зафиксированы 2 ориентированных по линии С–Ю фрагмента древесины длиной до 10 см, шириной до 5 см и толщиной около 2 см (рис. 8).

Грабительский вкоп затронул, по всей видимости, всю площадь ямы. От уровня первой фиксации и до дна полость ямы заполнял перемешанный грунт с преобладанием гумусированной супеси. В верхней части заполнения близ центра были встречены около десятка сравнительно мелких камней.

На дне могилы у северной стенки близ северо-восточного угла (примерно в 0,3 м к В от середины стенки) зафиксированы остатки трупосожжения – скопление пережженных костей, имевшее форму овала (0,35 × 0,4 м). Толщина слоя 3–4 см. Кости принадлежат, предположительно, мужчине 30–35 лет.

Погребальный инвентарь представлен костями лошади, одним археологически целым лепным сосудом и двумя фрагментами второго лепного сосуда. Сосуд стоял в северо-западном углу, рядом с ним лежало ребро лошади (без следов обжига) (рис. 8, 1). Кроме того, два обломка ребра лошади, тоже без следов обжига, были обнаружены на дне у южной стенки в 0,25 м западнее ее середины. Здесь же на дне лежал фрагмент верхней части второго сосуда; еще один фрагмент верхней части этого же сосуда был найден в заполнении около центра площади ямы в 0,5 м выше дна (рис. 8, 2).

Целый сосуд горшечной формы, плоскодонный, со слабо раздутым туловом, покатым плечом, слегка отогнутой наружу шейкой и округлым венчиком (рис. 9, 1). Диаметр дна 11,3 см, диаметр тулова 21,0 см, диаметр устья 20,3 см; высота 16,5–17,2 см; толщина стенок 0,6–0,7 см. В тесте заметны песок и шамот. Цвет серо-коричневый, в придонной части на внешней стенке заметны пятна закопченности; цвет в изломе – темно-серый. Внешние и внутренние поверхности хорошо заглажены. Орнамент выполнен оттисками мелкозубчатого штампа. Декорированы 3 зоны: шейка, верхняя и придонная части тулова. Орнаментальная композиция, покрывающая шейку, состоит из полосы заштрихованных косоугольных треугольников, подчеркнутой тремя горизонтальными линиями, и двух взаимопроникающих полос заштрихованных равнобедренных треугольников, тоже подчеркнутых тремя горизонтальными линиями. Верхняя часть тулова украшена двумя горизонтальными линиями с косой штриховкой, полосой горизонтально заштрихованных равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вниз, и меандровидным узором. В придонной части выведены три горизонтальные линии и полоса косо заштрихованных равнобедренных треугольников.

Судя по найденным фрагментам второго сосуда (рис. 9, 2–3), он представлял собой сравнительно крупную банку со слегка «закрытым» профилем. Венчик плоский с небольшим внутренним «наплывом». Толщина стенки до 0,7 см. В 2,0 см ниже венчика на одном фрагменте присутствует

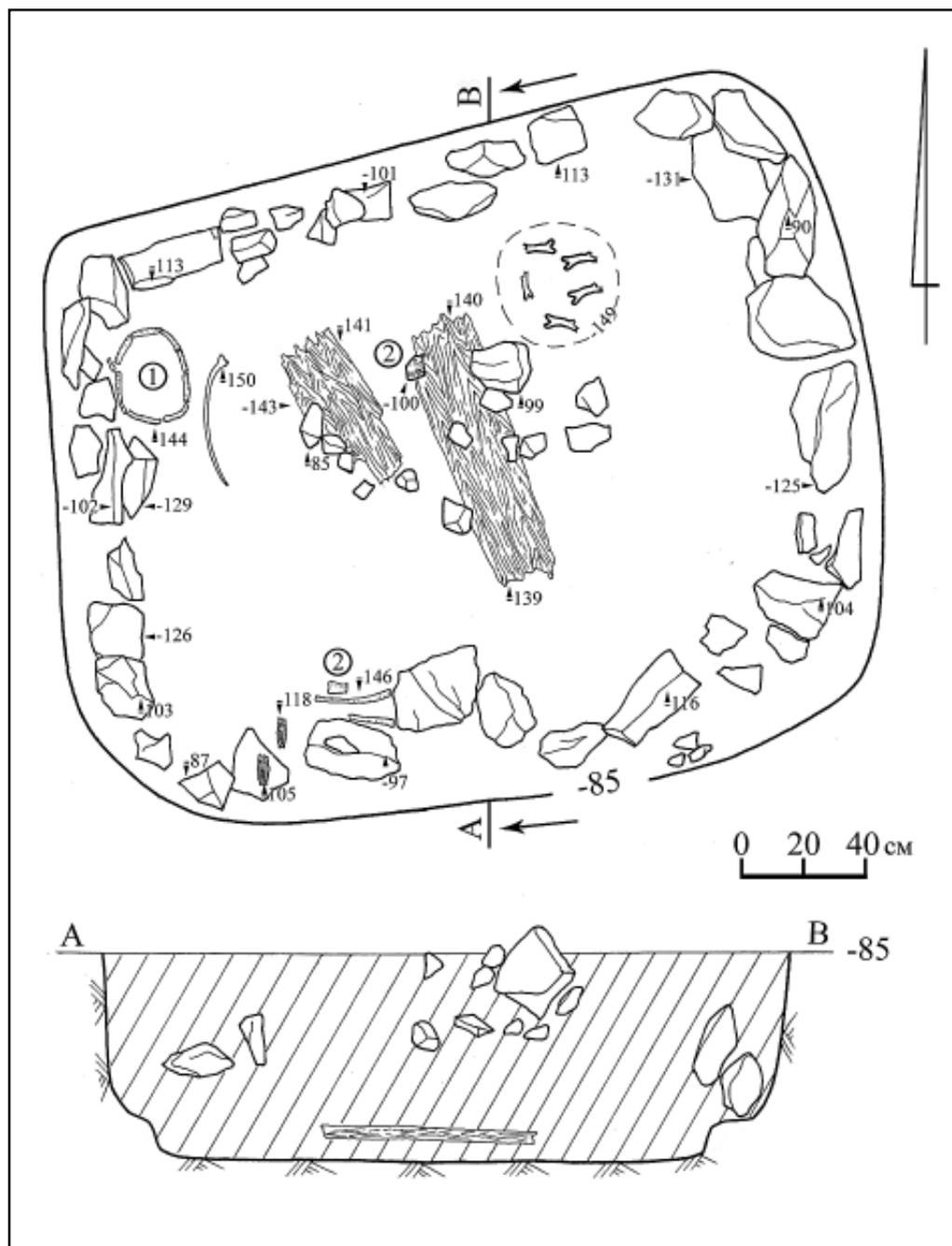

Рис. 8. Могильник Касарги-1. Курган 2. План и разрез могильной ямы.
1 – сосуд; 2 – фрагменты сосуда

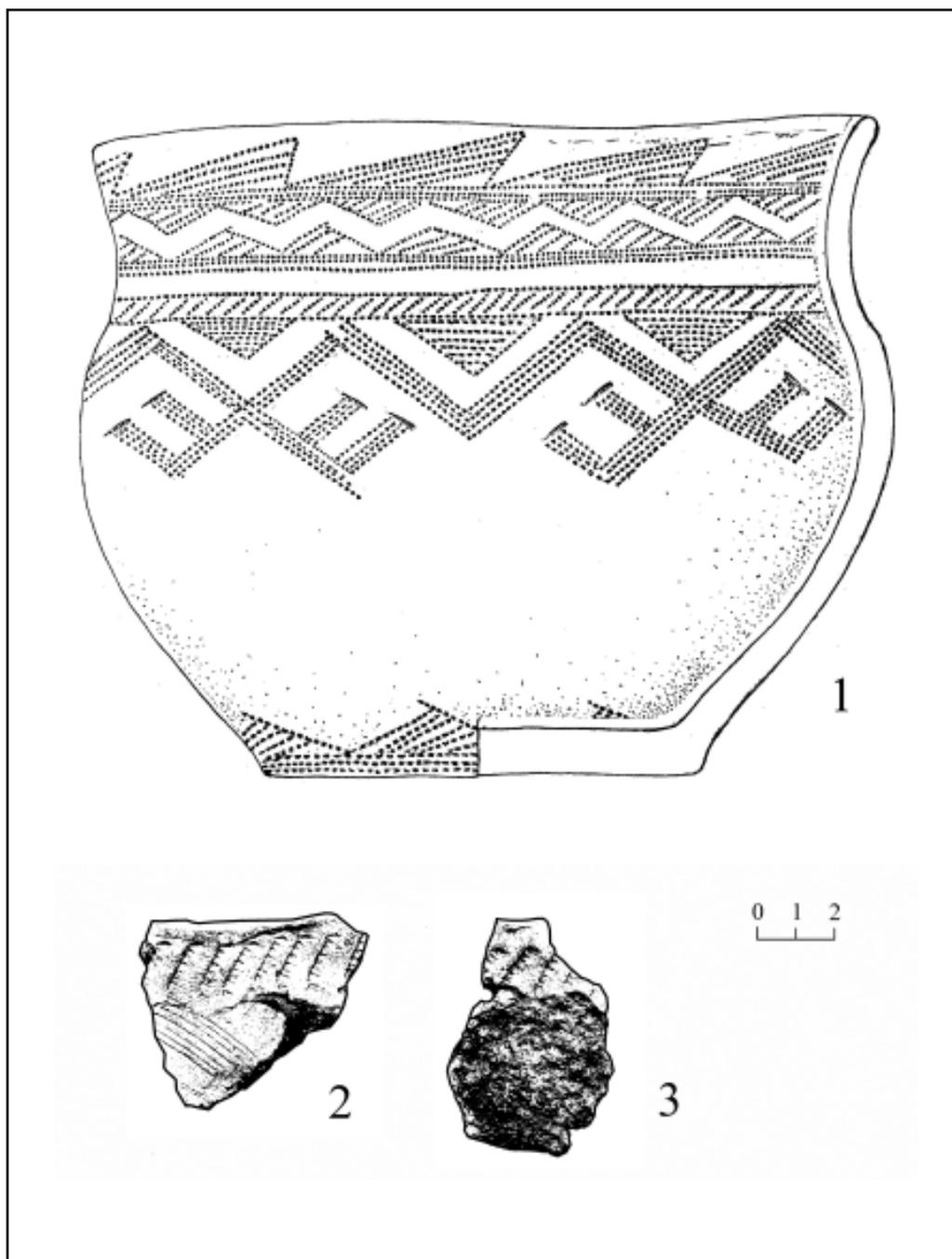

Рис. 9. Могильник Касарги-1. Курган 2. Погребальный инвентарь. Керамика

ремонтное отверстие диаметром около 0,4 см. В тесте заметны примеси песка и мелко истолченной слюды. Цвет поверхностей серо-коричневый, в изломе — темно-серый. Внешние и внутренние стенки тщательно заглажены. Орнамент нанесен зубчатым штампом. Под венчиком выведена полоса косо поставленных оттисков, а ниже сохранился небольшой фрагмент орнаментального мотива — возможно, многорядного зигзага, выполненного в технике «проташенной гребенки».

* * *

Курганы 1 и 2 могильника Касарги-1 принадлежат федоровской культуре — культуре позднего бронзового века, которую большинство исследователей датируют в пределах третьей четверти II тыс. до н.э. Основание для атрибуции курганов как федоровских дают практически все значимые признаки, зафиксированные в ходе раскопок. Как указывают специалисты, специфическими чертами федоровских погребальных памятников в лесостепном Зауралье являются «100% кремация, минимальность погребений в одном погребальном комплексе (1–3 погребения в одной ограде), применение камня для возведения оград и обустройства могил, использование в качестве погребального инвентаря специфической посуды — сосудов плавной профилировки, украшенных красивым геометрическим орнаментом или монотонным желобчатым, глиняных блюд» (Корочкова О. Н., 2003, с. 154). Стандартам федоровской культуры соответствуют также такие параметры публикуемых курганов как размеры и структура насыпей, форма и размеры могильных ям, характер остатков трупосожжения, а также их локализация, наличие в могильной яме костей лошади (именно: ребер), небогатый набор погребального инвентаря, сводящийся обычно к посуде и немногочисленным украшениям из меди. Прискорбно типической чертой федоровских курганов в Южном Зауралье является факт их ограбления в древности.

Основные аспекты бытования федоровской культуры в Южном Зауралье на протяжении трех последних десятилетий остаются дискуссионными. Главный предмет дискуссии — соотношение федоровской культуры с алакульской. В то время как одни исследователи убеждены в том, что федоровская культура это автохтонное образование, выросшее из алакульской культуры, другие приводят аргументы в пользу пришлого характера «федоровки» и ее сосуществования на одной территории с «алакулем». Причины затруднений заключаются в специфике поселенческих памятников (отсутствие «чистых» федоровских поселений) и невозможности однозначного толкования взаимопроникновения черт алакульской и федоровской культур, наблюдаемого в погребальной обрядности и керамике. В исследованных комплексах могильника Касарги-1 среди бес-

спорно федоровских черт, кстати, тоже можно рассмотреть отдельные алакульские проявления. Они наблюдаются, прежде всего, в керамике: в распределении орнамента по трем зонам и в едва заметной «уступчатости» плеча сосуда из кургана 2³. Интерес представляет также некоторое сходство в устройстве каменной обкладки в могиле кургана 2 и в погребальных камерах срубно-алакульских курганов из могильников Система-1 и Система-2, где нижние грани плит тоже устанавливались не на дно ямы, а на ступеньку, возвышавшуюся над дном на высоту около 0,2 м (Костюков В. П., Алаева И. П., 2004).

Отдельной проблемой в изучении федоровской культуры является почти тотальное разрушение могильных ям, имевшее место еще в древности. Учитывая скромный в количественном и «качественном» отношении состав инвентаря в неогранных погребениях, трудно предположить, что проникновение в могилу осуществлялось соплеменниками (или современниками) для изъятия в ритуальных или практических целях высокоценных изделий из металла. С другой стороны, традиция кремирования, надо полагать, радикально решала проблему потенциальной «вредности» умершего еще в момент помещения его тела на погребальный костер, поэтому столь же трудно видеть в ограблении федоровских погребений намерение «усмирить» тревожащего живых покойника. Таким образом, остается, по существу, лишь одно объяснение – сравнительно позднее (=иноплеменное) разрушение могилы, предпринятое либо с корыстной целью (на удачу), либо для осквернения «чужих» могил. Последняя версия, как мне кажется, подтверждается находкой двух фрагментов керамики в заполнении грабительского перекопа в могиле кургана 2. Об этих фрагментах можно уверенно сказать, что хотя они являются обломками сосуда эпохи бронзы, вероятность их попадания в могилу в момент совершения погребения совершенно исключена. Это не федоровская и не алакульская посуда. К сожалению, строгие хронологические рамки и культурные дефиниции для такого рода керамики, появляющейся в Южном Зауралье в заключительный период поздней бронзы, пока не выработаны, вместе с тем, не подлежит сомнению, что она моложе федоровских древностей и, вероятно, существенно. Таким образом, можно уверенно утверждать, что вторжение в могилу кургана 2 произошло не раньше, чем сформировалась керамическая традиция, представленная указанными фрагментами.

³ Последнее наблюдение сделано О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым, любезно ознакомившимися с керамическими материалами могильника и выполнившими их прорисовки.

Библиографический список

1. Корочкова О. Н. О некоторых аспектах алакульско-федоровских взаимодействий в лесостепном Зауралье // Человек в пространстве древних культур : материалы всероссийской научной конференции. – Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003.
2. Костюков В. П., Алаева И. П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. – Челябинск, 2004. – № 2.

Приложение

П. А. Косинцев, Д. И. Ражев

КОСТИ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА КАСАРГИ-1

Курган 1

1. Кости без следов воздействия высокой температуры.

Западный угол.

Лошадь. Ребра – 2 фрагмента от 1 левого ребра; позвонки – 3 трансверзальных отростка поясничных позвонков.

Южный угол

Лошадь. Ребра – 2 фрагмента от 1 левого ребра. На костях многочисленные следы погрызов грызунами.

Костные остатки происходят минимум от 1 взрослой особи.

2. Кальцинированные костные остатки (скопление у северо-восточной стенки).

Цвет: светлый, от белого до светло-кремового.

Размер: средний – 30 × 10 мм, максимальный – 60 × 15 мм.

Трещиноватость: средняя, продольная и поперечная.

Деформация: часть фрагментов изогнута.

Судя по толщине компакты и соотношению компактного и губчатого вещества на фрагментах, подавляющее большинство костей может принадлежать человеку. Остатков животных не обнаружено.

Достоверно определяемые кости человека:

Череп: 4 фрагмента свода; 1 фрагмент тела клиновидной кости (основание черепа), основной шов не зарос.

Позвонки: грудные – фрагменты тел от 2, диски не оформились.

Ребра: 1 фрагмент.

Лопатка: 1 фрагмент правой кости.

Локтевая: 1 фрагмент диафиза.

Бедро: 1 фрагмент диафиза; 1 фрагмент дистального метафиза, дистальный эпифиз не прирос.

Достоверно не определимые фрагменты: 60.

Заключение. Останки принадлежат, минимум, 1 индивидууму. По визуальным определяемым размерам и наличию не приросших эпифизов, возраст смерти определяется в интервале 12–18 лет.

По характеру и составу останков можно заключить, что кремации подвергся полный труп, а не, допустим, какие-то отдельные его части. Место кремации было индивидуализировано. Процесс был проведен до конца, температура приближалась к 800°С.

Курган 2

1. Кости без следов воздействия высокой температуры.

Лошадь. Ребра – фрагменты 3 ребер задней части левой стороны. Головка одного ребра срублена.

Костные остатки происходят минимум от 1 взрослой особи.

2. Кальцинированные костные остатки.

Цвет: светлый, от голубого до светло-кремового.

Размер: средний – 30 × 15 мм, максимальный – 60 × 20 мм.

Трещиноватость: средняя, продольная и поперечная.

Деформация: значительная часть фрагментов изогнута, многочисленные округлые сломы.

Большая часть остатков происходит от трубчатых костей. Судя по толщине, компакты и, соотношению компактного и губчатого вещества на фрагментах, подавляющее большинство костей может принадлежать человеку. Остатков животных не обнаружено.

Достоверно определимые кости человека:

Череп: 6 фрагментов мозгового отдела. На части фрагментов заметны швы. Участок стреловидного шва полностью зарос с внутренней стороны.

Нижняя челюсть: 1 фрагмент зубного края.

Позвонки: грудной отдел – 1 фрагмент, диски сформированы.

Лопатка: 2 фрагмента.

Плечо: 3 фрагмента диафиза.

Лучевая: 1 фрагмент диафиза.

Локтевая: 2 фрагмента диафиза.

Кость запястья (головчатая): 1 фрагмент левой кости.

Проксимальная фаланга кисти: 1 фрагмент.

Проксимальная фаланга большого пальца кисти: 1 фрагмент диафиза с дистальным эпифизом. Хорошо выражен мускульный рельеф.

Дистальная фаланга кисти: 2 — фрагмент, целая.

Кости с большой долей вероятности определяемые как относящиеся к человеку:

Бедро: 1 фрагмент диафиза.

Большая берцовая: 1 фрагмент диафиза.

Достоверно не определяемые фрагменты: 270.

Заключение. Останки принадлежат минимум 1 индивидууму. Возраст смерти, определяемый по приросшим эпифизам и степени зарастания швов черепа, взрослый (30–55 лет). Пол, определяемый по толщине компакты, рельефу костей и предполагаемой мышечной массе, мужской (??).

По характеру и составу останков можно заключить, что кремации подвергся полный труп. Место кремации было индивидуализировано. Процесс был проведен до конца, температура доходила до 800°С.

*А. В. Логвин, И. В. Шевнина, А. В. Колбина
(КГУ, г. Костанай, Республика Казахстан)*

О ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ПОЛОЖЕНИИ «СИДЯ» ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК

Могильник Бестамак находится в северной части Тургайского прогиба, на правом берегу р. Буруктал (первый восточный приток р. Убаган, правый приток р. Тобола), у северо-восточной окраины поселения Бестамак. Памятник исследовался Тургайской археологической экспедицией в течение девяти полевых сезонов 1991–1993, 1997, 2002, 2003, 2005–2008 гг. (Калиева С. С. и др., 1992; Логвин А. В. и др., 2004–2007). Общая площадь раскопа в настоящее время составляет 9092 кв. м. Исследование памятника показало, что некрополь использовался древними жителями Тургайского прогиба в течение большого отрезка времени от эпохи каменного века до эпохи средневековья.

В 2002, 2003, 2006 годах на могильнике авторами данной статьи впервые на территории Костанайской области были обнаружены погребения доандроновской эпохи. К настоящему моменту обнаружено одиннадцать таких погребений. Костяки погребенных очень плохой сохранности. Погребения совершались в округлых и овальных ямах, с заметным преобладанием последних. Размеры ям варьируются, длиной от 1 м до 2 м, шириной от 0,4 до 0,85 м. Глубина ям от 0,1 м до 0,6 м. Там, где сохранность погребения позволяет установить положение костяка, зафиксировано вытянутое положение костяка на спине и только в двух случаях отмечено положение «сидя». Головой погребенные ориентированы на северо-восток, север и северо-запад. Подавляющее большинство погребений относятся к детским (от 7 до 14 лет). Одной из деталей погребального обряда могильника является наличие охры красного и желтого цвета во всех доандроновских погребениях. Что касается инвентаря, то необходимо отметить, что на могильнике присутствуют, погребения как с сопровождающим инвентарем, так и безинвентарные погребения (Колбина А. В., Логвин А. В., Шевнина И. В., Калиева С. С., 2006. С. 396–398).

Настоящая работа посвящена доандроновским погребениям могильника Бестамак в положении «сидя» (погребения № 117 и 144).

Яма № 117 перекрыта рвом. Была зафиксирована на глубине 1 м от уровня современной поверхности. Яма округлой формы, серовато-коричневого цвета, диаметром 1,15 м, глубина 0,9 м. На глубине 0,4 м яма уменьшилась (диаметр – 0,87 м), сдвинулась к востоку, образуя небольшую

подбой. Костяк погребенной женщины 50–60 лет был обнаружен в положении сидя, лицом к восточной стенке ямы (рис. 1, 1; фото 1, 1). Голова слегка завалилась на спину, руки согнуты в локтях, ноги, по отношению к костяку, подтянуты. Весь костяк обильно посыпан охрой. При расчистке костяка был зафиксирован тлен. За спиной погребенной находился каменный шарик диаметром 15 мм (фото 1, 2) и отщеп без ретуши. Других находок нет.

Антропологическое описание костных останков. Череп имеет очень маленький поперечный (125) и средний продольный (171) диаметры, долихокранный по указателю. Лоб среднеширокий, затылочная часть узкая, хорошо выражены теменные бугры. Лицо высокое с очень малым скуловым диаметром (114). Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные. Нижняя челюсть содержит все зубы. Клык и два резца слева утрачены посмертно. На верхней челюсти при жизни были утрачены коренные зубы, кроме первого слева, и клык справа. Левый медиальный резец также отсутствует. Корни зубов сильно обнажены, что говорит о возможной длительной парадонтопатии. На месте отсутствующего клыка имеется небольшая подрывная полость образовавшаяся в результате воспалительного процесса с последующей утратой зуба. Зубочелюстной аппарат мог использоваться в качестве инструмента специфической трудовой деятельности, откуда и происходит неравномерная стертость зубов (фото 1, 1). На левом сосцевидном отростке отмечены следы перфорации возможно вследствие перенесенного мастоидита (фото 1, 2). На правой теменной кости имеются два перфорированных участка костной ткани травматического или инфекционного характера (?) (фото 1, 3).

Яма № 144 была зафиксирована на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности. После зачистки выглядела, как пятно серовато-коричневого цвета. Яма округлой формы, диаметром 1 м, глубина 0,4 м. На глубине 0,15 м по всей площади погребения в заполнении была зафиксирована охра красного цвета (рис. 1, 2; фото 1, 3). В яме захоронена женщина (?) 40–50 лет. Костяк начал фиксироваться с глубины 0,15 м у южной стенки ямы. Костяк очень скорчен, лежит на правом боку, шейные позвонки смещены, ориентирован на юг. Правая рука выше левой, плечом упирается в стенку ямы, левая лежит вдоль тела, на бедре. Ноги и ступни ног сильно согнуты, причем левая ступня неестественно вывернута. Череп же погребенного, лежит сверху на шейных позвонках, лицом на восток, теменной частью кверху. Весь костяк посыпан охрой красного цвета, особенно верхняя часть туловища и голова. Из всего выше сказанного можно предположить, что первоначальная поза погребенного была в положении «сидя», впоследствии тело сползло, потому так много неестественности в позе умершего. Инвентаря нет.

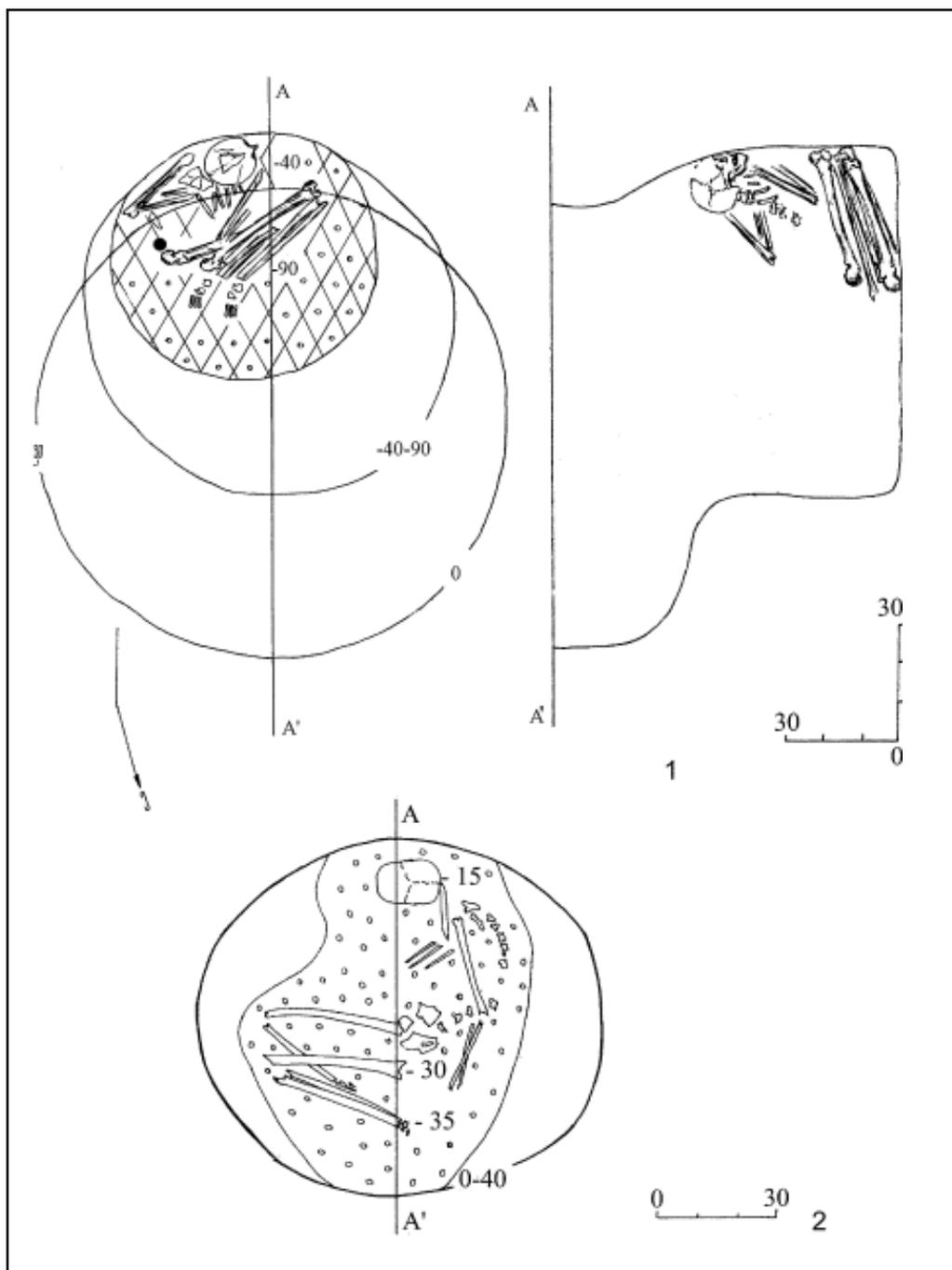

Рис. 1. Могильник Бестамак. 1 – план погребения № 117;
2 – план погребения № 144

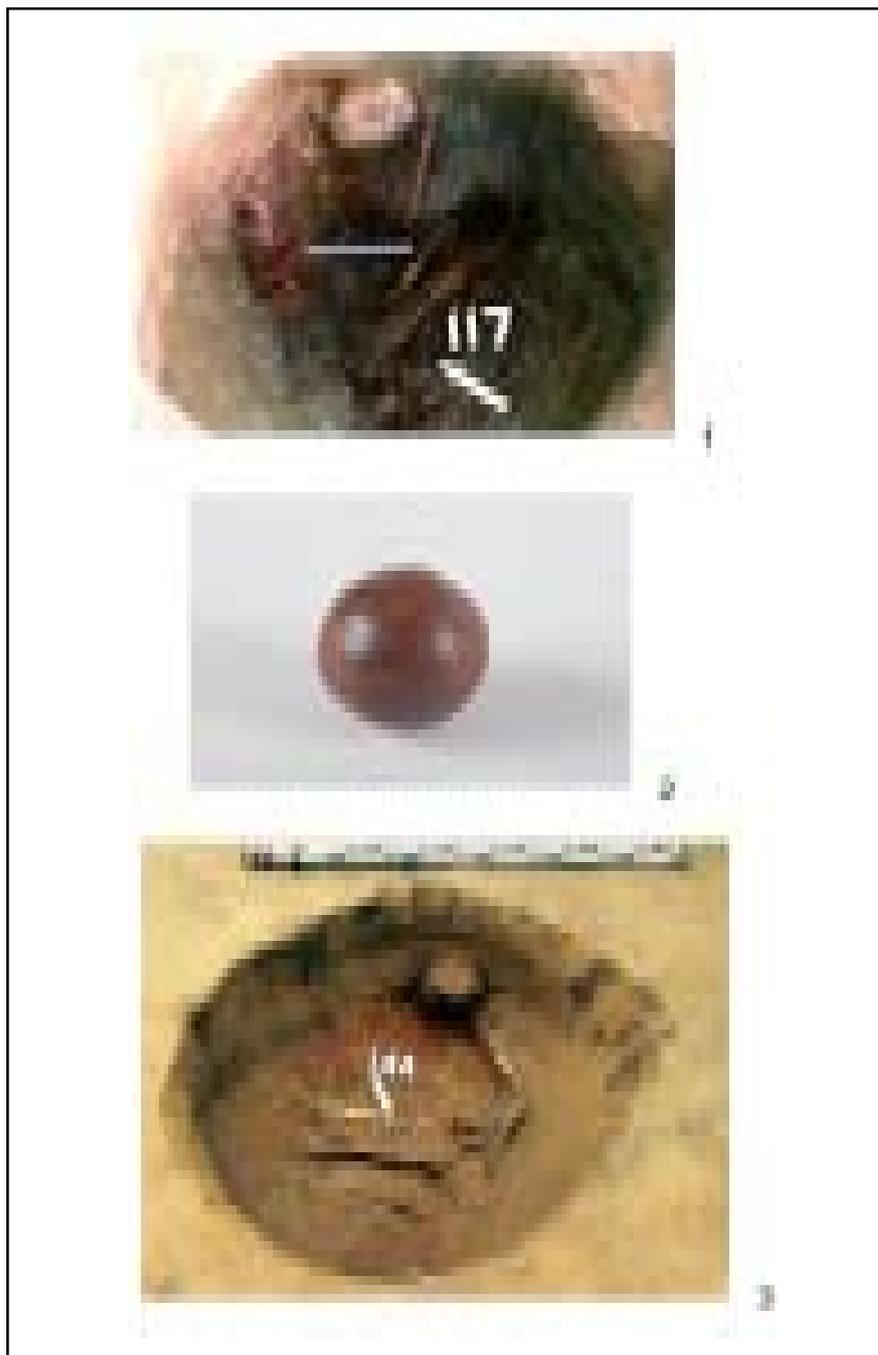

Фото 1. Могильник Бестамак. 1 – погребение № 117;
2 – каменный шарик диаметром 15 мм, погребение № 117; 3 – погребение № 144

Фото 2. Могильник Бестамак. 1, 2, 3 – череп из погребения № 117;
4 – фрагмент черепа из погребения № 144

Антропологическое описание костных останков. Сохранность костной ткани неудовлетворительная. Реставрация черепа и измерения практически невозможны. Умеренно развитый надглазничный рельеф, малые размеры сосцевидных отростков, форма вырезки тазовых костей позволяют определить пол данного индивида как женский. Возраст погребенной определялся по степени стертости зубов и длинным костям. Поверхность костей грубая, шероховатая имеются наросты. На лобной кости имеются дефекты в виде мелких углублений (фото 1, 4).

Для погребений были получены радиоуглеродные даты. Яма № 117 – 3970 ± 40 (ГИН-12853), яма № 144 – 4530 ± 60 (Кi-13753). Обе даты укладываются в хронологические рамки эпохи энеолита Тургая.

Аналогии подобной позе умершего в энеолите были найдены на территории лесостепного Притоболья (погребения могильников Верхняя Алабуга, Убаган 1, Гладулино 1) (Потемкина Т. М., 1982. С. 151, 153, 168; Шилов С. Н., Маслюженко Д. В., 2006. С.186); лесостепного Поволжья (погребения Хвалынского могильника (Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И., 1990. С. 58, 77–78); Приангарья (погребения могильника Шумилиха, могильники глазковской культуры) (Савельев Б. А., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. и др., 1981. С. 7–17; Лежненко И. Л., Михнюк Г. Н., 1973. С. 223–224).

Погребения эпохи энеолита достаточно редки для Урало-Казахстанских степей. Погребений же в положении «сидя» в данном регионе единицы. Необычность позы погребенных женщин не вызывает сомнений, однако ответить на вопрос, чем продиктована такая поза, достаточно сложно.

При описании «сидячих» погребений могильника Бестамак, обращает на себя внимание, прежде всего схожесть в обряде: округлая форма ям, обильная посыпка охрой, безинвентарность, женский пол и пожилой возраст погребенных, наличие инфекционных болезней, отразившихся на костях.

Оригинальность обряда может быть обусловлена различными причинами.

Возможно, такое отношение к погребенным было продиктовано наличием инфекционных заболеваний, следы которых обнаружены на костях.

Или же данные захоронения могут указывать на смену статуса погребенных при достижении пожилого возраста. Об этом может свидетельствовать отсутствие инвентаря, отличная от других округлая форма ям, и, наконец, сама поза погребенных.

По нашему мнению, обе версии наиболее оправданы, более того, смена статуса при достижении определенного возраста в обществе и наличие

болезней, которые могли отражаться на внешнем виде погребенных могли сыграть ключевую роль при совершении подобного обряда, отличающегося от основной массы доандроновских погребений могильника Бестамак.

Так же не исключено, что эти погребения свидетельствуют о наличии еще одной археологической культуры эпохи энеолита, отличной от доандроновских погребений в вытянутом положении с инвентарем на могильнике Бестамак. Но нам представляется маловероятным, что при исследовании такой огромной площади могильника, данная культура представлена всего двумя погребениями.

Кроме этого, возможно, что обе женщины занимали необычный статус в общине (жрицы, шаманки, знахарки...), но четких признаков, указывающих на это, зафиксировано не было. Но при этом как особый признак нельзя исключить безинвентарность вкупе с необычностью позы.

Библиографический список

1. Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов, 1990.
2. Колбина А. В., Логвин А. В., Шевнина И. В., Калиева С. С. Доандроновские погребения могильника у поселения Бестамак // Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2006. – Т. 1.
3. Лежненко И. Л., Михнюк Г. Н. Раскопки нового могильника в Верхнем Приангарье // Археологические открытия 1972 года. – М., 1973.
4. Савельев Б. А., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л., Горюнова О. И., Петрова Н. А., Панковская Г. И. Могильник в местности Шумилиха // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. – Иркутск, 1981.
5. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985.
6. Шилов С. Н., Маслюженко Д. Н. Сидячие погребения эпохи энеолита на территории лесостепного Притоболья // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2006.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОВСКОЙ КЕРАМИКИ¹

Целью данной статьи является обзор подходов и методов исследования петровской керамики. Анализируя достижения предшественников, мы начинаем лучше понимать задачи, которые сегодня стоят перед нами, а также стараемся избежать повторения старых ошибок. В связи с этим хотелось бы обратиться к истории изучения керамики петровской культуры.

Впервые петровская керамика была проанализирована Г.Б. Здановичем, который выделил и саму петровскую культуру на материалах Пришимья (Зданович Г. Б., 1973, 1975, 1980, 1988).

Керамика эпонимного памятника была описана им в работе, посвященной керамике эпохи бронзы Северо-Казахстанской области (Зданович Г. Б., 1973). Автор отмечает, что сосуды, как правило, приземистые, имеют широкие горловины. Наиболее многочисленны горшки с острореберной профилировкой или более сглаженным ребром. Банки составляют незначительный процент. Полностью покрыты орнаментом 45% сосудов, в остальных случаях орнаментирована верхняя часть и реже дно. Орнамент выполнен в большинстве своем в прочерченной технике. Преобладающими элементами орнамента являются зигзаги и волнообразные линии, заштрихованные треугольники, ямочные вдавления. К числу несомненных достоинств данной работы следует отнести табличную форму подачи информации (Там же. С. 27).

По поводу хронологических связей петровской керамики, автор говорит о близости ее «с керамикой раннебронзовых поселений» (Там же. С. 41), развитие петровских традиций продолжает керамика типа Алакульского могильника.

В дальнейших исследованиях Г.Б. Зданович обобщает информацию по керамике других петровских памятников данного региона (Зданович Г. Б., 1988). В частности, отмечается преобладание горшечных форм (70%) при достаточно высоком удельном весе баночных (30%). Автор выделяет более 20 элементов орнамента, наблюдения над которыми

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект 08-01-00359а «Начальная фаза культурогенеза на западной периферии алакульской культуры (по материалам погребальных памятников)»).

подтверждают приведенные им выводы. Со временем увеличивается роль геометрических рисунков на сосудах. Прототипы некоторых элементов, а также баночных форм автор видит в керамике энеолита и ранней бронзы.

Весьма интересна попытка применения статистики для обработки керамических комплексов эпохи бронзы (Там же. С. 164, табл.) К сожалению, не приведены те исходные данные, по которым вычислялись коэффициенты сходства для керамических комплексов по элементам орнаментации. В целом результаты расчета сходства в монографии не были использованы в полной мере и стоит только пожалеть, что подобная работа не получила своего продолжения.

К петровской керамике обращалась и Т.М. Потемкина, исследуя комплексы эпохи бронзы лесостепного Притоболья (Потемкина Т. М., 1985). По ее данным для петровской посуды этого региона характерно значительное количество баночных (13–28%) и слабопрофилированных (15%) сосудов, наряду с существованием горшков с уступчатым плечиком (24–37%) и с намечающимся уступом (22–32%). В орнаментации преобладают ряды прерывающихся зигзагов и наклонных оттисков, образующие елочный узор (32–38%), горизонтальные линии (18–0%), шагающий штамп (5–8%); геометрические узоры достаточно редки (10–15%). Орнамент наносился либо прочерчиванием (65–70%), либо гребенчатым штампом (25–30%), немногочисленны примеры использования шнура (3–5%). Всего было выделено более 40 элементов орнамента. Он располагается по шейке и плечикам, либо покрывает всю поверхность, иногда включая дно. Отмечается, что часть сосудов содержит обильную примесь талька. По Т.М. Потемкиной, петровские сосуды относятся к разновидностям подгруппы А группы 1 (1985. С. 260–268).

Петровская керамика Южного Урала наиболее полно изучена Н.Б. Виноградовым (Виноградов Н. Б., 1983; 2003). В специальном исследовании памятников петровского типа Южного Урала и Северного Казахстана (Виноградов Н. Б., 1983) данный исследователь обращается и к керамике. В своей работе он сочетает типологический метод с наблюдениями над технологией изготовления сосудов. Им выделены две основные группы: горшечно-баночные сосуды и банки. Каждая из этих двух групп делится на подгруппы, типы и подтипы. В понятие «тип» входит не только устойчивое сочетание признаков формы, но также и набор орнаментальных композиций, их размещение и техника выполнения (Там же. С. 8). В целом автор также выделяет более 40 элементов орнамента, которые различным образом распределяются на сосудах различных типов и занимают места на определенных частях сосудов.

На основе взаимовстречаемости типов керамики в погребениях и стратиграфических наблюдениях на поселениях Н.Б. Виноградов убедительно выявляет тенденцию «развития керамической традиции от петровского к собственно алакульскому времени» (Там же. С. 11).

Отдельно Н.Б. Виноградов проанализировал петровскую керамику могильника Кривое Озеро (Виноградов Н. Б., 2003). Для петровской керамики данного культурного комплекса характерна значительная примесь талька в тесте (80%). В области формы – господство прямого (33,3%) или плавно отогнутого (53,7%) венчика, в 35% на венчике имеется утолщение-«воротничок». Переход от плеча к тулову оформлен ребром-уступом (24%) или классическим уступчиком (5,6%). Орнамент петровских сосудов выполнен как правило прочерчиванием (62,9%) и гладким штампом (40,7%), реже использовалась гребенчатая орнаментация (24%). Общее число элементов орнамента – 29. В данной монографии представлено также чисто технологическое исследование петровской керамики данного могильника, выполненное А.И. Гутковым (Там же. С. 311–316). Основным сырьем для сосудов была сильноожеженная глина (60,9%), выделяются несколько рецептов формовочных масс, все они многокомпонентные и ни один не преобладает. При обработке поверхности как правило использовалось заглаживание (67,7%), реже лощение по влажной основе (25,8%).

К петровской (раннеалакульской) керамике степного Приуралья обращался также В.В. Ткачев (2005а; 2005б). Для керамики могильника Жаман-Каргала 1 им отмечена генетическая преемственность с синташтинской керамикой как в морфологии сосудов, так и в орнаментации (Ткачев В. В., 2005а. С. 63–65). Керамическая коллекция могильника Восточно-Курайли 1 демонстрирует смешение раннеалакульских и раннесрубных признаков и в то же время формирование характерных черт алакульского гончарства (Ткачев В. В., 2005б. С. 60–63).

На этом исчерпываются основные исследования петровской керамики. Что же можно сказать, обобщив эту информацию?

Во-первых, налицо немногочисленность исследований, что обусловлено, с одной стороны, тем, что петровская культура была открыта только во второй половине 70-х гг. XX в., а с другой стороны, тем, что открытые примерно в это же время яркие синташтинские памятники, надолго заинтересовав ученых, «затмили» собой петровские. В 90-е гг. наблюдается перерыв в исследованиях петровских памятников, которые возобновились только в 2000-е гг. Во-вторых, при исследовании петровской керамики практически все исследователи применяли эмоционально-описательный подход (Цетлин Ю. Б., 2001. С. 65–66), который базируется на их интуиции и личном опыте, но не

предполагая использования каких-либо специальных методик (например, математических и статистических). Нечасто использовался историко-культурный подход (Цетлин Ю. Б., 2001. С. 68–69), который основывается на анализе глиняной посуды как результата «действия определенных навыков труда, использованных мастером для изготовления сосуда и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива» (Цетлин Ю. Б., 2001. С. 68).

К настоящему времени выяснены основные отличия петровской керамики в области формы и орнамента, большинство исследователей признают генетическую преемственность культур: Синташта – Петровка – Алакуль. Поэтому основные задачи изучения петровской керамики, с точки зрения историко-культурного подхода, представляются следующими:

1) Построение «внутренней» периодизации петровской культуры на основе анализа орнамента на керамике. Это возможно, если подойти к орнаменту системно, выделив уровни элементов, узоров, мотивов, образов и композиций (Цетлин Ю. Б., 2007. С. 6). При этом данные уровни иерархически организованы, каждый низший уровень входит в состав высшего. Во всех предыдущих исследованиях орнамента теоретической стороне не уделялось достаточно внимания, и под элементом орнамента понималась устойчивая фигура, будь то прямая или ломаная линия, треугольник или ромб. Однако сами эти фигуры уже сложны, т.к. могут состоять и из ямок, и из «гребенки», быть прочерченными и т. д. Видимо, более точным будет понимание под элементами «отпечатки или динамические следы, созданные за один трудовой акт» (Цетлин Ю. Б., 2007. С. 6), т.е. одновременно.

Уже на сегодняшнем уровне наших знаний о древней керамике есть возможность не просто выделить этапы внутри культуры, но делать это с помощью принципиально проверяемых методов. Основываясь на данных, полученных при анализе орнамента, возможно определять место каждого памятника в системе относительной других, более того, возможно проследить хронологическую последовательность сооружения отдельных погребений в могильнике или жилищ на поселении. Это особенно актуально для эпохи бронзы Уральского региона, где случаи стратиграфии достаточно редки.

Методика, предложенная Ю.Б. Цетлиным была разработана и успешно апробирована на материале неолитической керамики (Цетлин Ю. Б., 2007). В результате была построена периодизация неолитических культур Центра Русской равнины. Полученные выводы подтверждаются стратиграфией и данными радиоуглеродного датирования.

2) В изучении формы сосудов интересна методика, предложенная А. А. Бобринским (Бобринский А. А., 1986, 1988). В данном случае изучаются не просто внешние особенности формы, а «естественная структура» форм. С помощью этой методики можно выделять функциональные и конструктивные части сосудов, которые выделялись самими гончарами. При традиционном типологическом анализе одинаковые группы и типы сосудов имеют разную естественную структуру, что показано в исследовании О.Д. Мочалова (2008).

Таким образом, возможности изучения петровской керамики как источника далеко не исчерпаны, особенно это касается петровской (раннеалакульской) керамики Южного Приуралья.

Библиографический список

1. *Бобринский А. А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986.
2. *Бобринский А. А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев, 1988.
3. *Виноградов Н. Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983.
4. *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск, 2003.
5. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. – Свердловск, 1973. – Вып. 12.
6. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975.
7. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. – 1980. – № 3.
8. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск, 1988.
9. *Мочалов О. Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Самара, 2008.
10. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985.
11. *Ткачев В. В.* Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала 1 и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. – Челябинск, 2005. – № 3.
12. *Ткачев В. В.* Могильник Восточно-Курайли 1 на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Актюбинск, 2005. – Вып. 2.

13. *Ткачев В. В., Хаванский А. И.* Керамика синташтинской культуры. – Орск; Самара, 2006.
14. *Хаванский А. И.* Опыт построения системы анализа форм керамики бронзового века // Материалы 36 Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Пенза, 2004.
15. *Цетлин Ю. Б.* Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001.
16. *Цетлин Ю. Б.* Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2007.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ.

Под Южным Уралом мы будем подразумевать не только южный
отрезок уральского хребта, но значительно более обширную
территорию, охватывающую в основном с

РАЗДЕЛ II

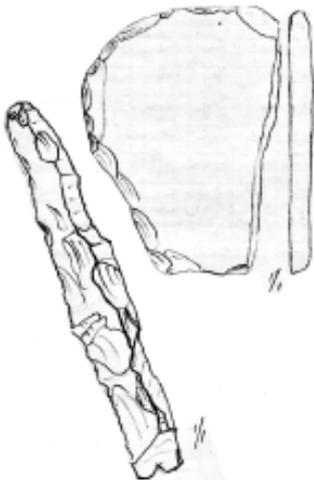
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

отношении далеко не одинаково, хотя и в целом эта территория
не может похвалиться большим к ней вниманием археологов.

Если список лиц, ^{и.ма}занимавшихся изучением археологии Южного Ура-
ла в семидесяти фамилий, то можно назвать все-
исследователей, которые вели эту работу си-
ротажении ряда лет.

Период собирания и Южного Урала.

археологических памятников
известными русскому
в 1869 года, что "в
могилах в татарских могилах
серебряные всякие ве

1/ "Смоленские древности", вып. V, 21; 1
ну "Сибирская коллекция Кунсткамере;
вып. I, стр. 227.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

— 1953 год —

ДНЕВНИК РАБОТ ПО РАСКОПКАМ ЧЕБАРКУЛЬСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ НА БЕРЕГУ оз. ЕЛОВОГО¹

Руководитель работ Н. П. Кипарисова

* * *

Фигура Нины Павловны Кипарисовой является знаковой в истории изучения нео-энеолитического времени на Южном Урале. Именно с ее статей: «Чебаркульская неолитическая стоянка» // КСИИМК. 59. 1955; и «О культурах лесного Зауралья» // СА. 2. 1960, а также статьи Константина Владимировича Сальникова, под чьим руководством она работала, — «Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы» // АЭБ. Уфа, 1962. Т. 1., обычно начинается знакомство студента или молодого исследователя с материалами неолита и энеолита. Человеческая, да и археологическая судьба Нины Павловны была далеко не простой. Родилась она 09.09.1900 г. в с. Верхняя Вязера Пензенской губернии. Нина Павловна совмещала свою трудовую деятельность с учебой сначала в Ленинградском археологическом институте, а затем в Ленинградском университете, который окончила в 1924 г. по археологическому циклу отделения археологии и истории искусства факультета естественных наук. Первое время ее полевая исследовательская работа проходила в Средней Азии в составе геологических экспедиций Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. В археологические исследования она включается в 1938 г., когда переходит на работу сначала в Институт материальной культуры АН СССР, а затем в Государственный Эрмитаж и ежегодно участвует в археологических экспедициях в Среднюю Азию, проводимых под руководством А.Ю. Якубовского. В годы Великой отечественной войны Нина Павловна перенесла блокаду в Ленинграде, где в составе коллектива работников Эрмитажа участвовала в охране и эвакуации его коллекций. Поселившись после этого на Урале и будучи научным сотрудником Нижне-Тагильского музея, Нина Павловна много труда вложила в изучение археологии восточного склона Урала и Зауралья. Многочисленные разведочные маршруты Нины Павловны сначала в Тагильском районе Свердловской об-

¹Текст приводится в авторской редакции.

ласти, а затем с 1949 г. в Челябинской и Оренбургской областях привели к открытию многих десятков поселений, сотен курганов на огромной территории от Нижнего Тагила на севере до Орска и Бузулука на юге.

К началу ее работ на Южном Урале была известна только одна энеолитическая стоянка – Кысы-Куль, раскопанная К.В. Сальниковым в 1937г. Новые памятники с материалами нео-энеолитического времени были исследованы Н.П. Кипарисовой в начале 50-х годов. Это стоянка Чебаркуль I, расположенная на берегу озера Еловое в 1 км от города Чебаркуль, 1-я и 2-я Иткульские и Абселямовская на озере Иткуль, 1-я Черкаскульская на озере Черкаскуль в лесной зоне Южного Зауралья. Несмотря на то, что «исчерпывающих стратиграфических данных ни на одном из обследованных памятников не получено», ей удалось удивительно точно создать типологическую схему развития керамики для развитого (позднего в современном понимании) неолита и энеолита.

Принципиально важными для современного понимания археологии позднего каменного века моментами в работе Н.П. Кипарисовой являются следующие: 1) были выделены основные черты керамики неолита и энеолита; 2) составлена типологическая схема для керамики неолита и энеолита; 3) показана безусловная преемственность в развитии керамики от неолита до энеолита; 4) подчеркнута близость неолитических и энеолитических комплексов Южного и Среднего Зауралья. К сожалению, свою главную статью – «О культурах лесного Зауралья» изданной Нина Павловна не увидела, она ушла из жизни 16.03.1958 г.

Работами Н.П. Кипарисовой и К.В. Сальникова был завершен начальный этап в изучении неолита и энеолита Южного Урала. Их значение трудно переоценить, поскольку почти все главные положения, изложенные в работах этих авторов, актуальны и сегодня и подтверждаются современными исследованиями. Публикуемые дневники Нины Павловны безусловно являются примером того, как нужно вести полевую документацию. Зачастую только дневник может сохранить очень важные детали, выпадающие из отчетов и публикаций, подготовленных непосредственно после раскопок, но которые осознаются определяющими по прошествии некоторого времени. К сожалению, все реже и реже можно встретить среди археологов такой по-настоящему профессиональный подход к своему делу.

В.С. Мосин

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

4 июля 1953 г., суббота

г. Н. Тагил

По поручению Челябинского обл. музея сегодня выезжаю в г. Чебаркуль для раскопок неолитического поселения, обследованного экспедициями музея в 1951 и 1952 году. Прошлогодний опыт работы в Чебаркуле показал, что там трудно найти рабочую силу, поэтому решили везти с собой учащихся, желающих работать на раскопках. Со мной из Тагила едут учащиеся 10 класса шк. № 6 — Антипов Алеша и Сеницын Гера. В Свердловске должны присоединиться два студента университета, в Челябинске — один студент Пединститута и в г. Чебаркуле — учительница Т.М. Иванова.

Наш Чебаркульский отряд входит в состав Челябинской археологической экспедиции, начальник экспедиции — К.В. Сальников.

По дороге мне надо заехать в Свердловск, для получения некоторых указаний от К. В-ча воспользуюсь 5-ти часовой стоянкой нашего вагона в Свердловске.

4 июля, 22 ч. 30 м.

Ст. Свердловск

Вернулась от К. В-ча. Там узнала, что двое студентов, получивших командировки в Чебаркуль, от поездки отказались. Во время моего пребывания у К. В-ча к нам обратились с заявлением о желании работать на раскопках в Чебаркуле две студентки заочного отделения университета — Бела Иосифовна Богорад, которая собирается выехать из Свердловска 8/VII, и Галина Александровна Худякова, которая может выехать 10/VII. Решено взять их взамен выбывших студентов, Худяковой выдан аванс.

Получила от К.В. сведения об археологических памятниках по р. Синаре и прилегающим озерам, куда пойду в разведку по окончании раскопок в Чебаркуле.

5 июля 1953 г. Воскресенье

г. Челябинск, Музей

Получила инструменты и материалы. Нет лопат, надо будет найти на месте. Дополнительно к имеющимся, деньги Музей переведет в Чебаркуль почтой.

Студент Пединститута Фомин Федор Михайлович заходил и подтвердил свое желание принять участие в работах, приехать в Чебаркуль может 7–8/VII. Кроме него собирается поехать Челябинский житель, студент 3-го курса Н.Тагильского художественно-промышленного училища Борис Павлович Спирин — с 8–9/VII (едет в поисках сюжетов).

Идем на вокзал к поезду в 4 ч. 45 мин.

5 июля

г. Чебаркуль

Приехали в Чебаркуль в восьмом часу вечера, пошли прямо на квартиру Т.М. Ивановой, Лесная ул. 22. Дорогой сохли и чистились от грязи — в Челябинске в садике у вокзала нас до нитки промочил грозовой дождь с градом, ветер забросал песком и грязью.

Хозяйка квартиры А.С. Иванова согласна предоставить помещение для всех сотрудников отряда — это очень удобно, т. к. хотя и тесно, но близко к месту работы.

Погода здесь довольно теплая, говорят, что часто идут дожди.

К 11 ч. вечера устроились и разобрали вещи.

6 июля 1953.

Понедельник

С утра пошла регистрировать открытый лист в райисполком. Взяла с собой обоих ребят, т. к. надеюсь достать лопаты.

Была у зам. председателя Райисполкома тов. Балабанова Якима Ипатовича. Завед. райкультотделом на работе нет, лист не зарегистрировала, говорила с инспектором отдела.

В городе действует правило ограниченной продажи продуктов, в частности хлеба, в одни руки. При таком положении 4–5 человек из нашего отряда должны будут ежедневно ходить в магазин за хлебом. Поэтому я ходила к зав. райторготделом с просьбой разрешить продажу хлеба на весь отряд одному человеку — просьба удовлетворена. Потом пошли в лесхоз получить разрешение на сруб нескольких деревьев — дано указание в лесничество заклеить деревья, произвести подсчет древесины, после чего можно будет получить билет на вырубку. Лесничество на другом конце города.

По указанию работников рай- и горисполкомов лопаты можно просить только в стройуправлении Чебаркульстрой, т. к. у других организаций свободных лопат нет. Идем через весь город и новый поселок в стройконтору, приходим туда в 12 ч. 55 м. С 1 часу до 2 ч. в конторе перерыв. Успеваем узнать, что этот вопрос может решить только начальник конторы И. И. Воронов, который сейчас находится на объек-

тах, придет к 2 часам. Остаемся ждать. В 2 ч. приходят с перерыва сотрудники. Выясняется, что т. Воронов задержался на объектах и сей-час поехал обедать, придет через 1 1/2 часа. Остаемся ждать. Воронов приехал в начале пятого, обещал дать лопаты, топор и носилки, поручил мастерской изготовить 8 черенков для лопат, топорище, двое носилок, насадить лопаты и топор, через 40 минут вызвал машину, которая доставила нас в склад за инструментами и оттуда на нашу базу. В 6 часов мы были дома.

И.И. Воронов рассказал, что при рытье одного котлована было найдено окаменевшее дерево или кость, поручил работникам этого участка привезти оттуда образец.

День был ясный и теплый. Отпустила ребят отдыхать и купаться. Вечером точили напильником лопаты и заглаживали черенки.

7/VII 53. Вторник

Встали в 7 час. Установлен распорядок дня — вставать в 7 ч., в 8 ч. 30 выходить на стоянку, там работать с 9 до 6, с часовым перерывом на купанье и завтрак.

Вчерашняя работа по оттачиванию лопат оказалась бесполезной — лопаты новые, ни разу не точены, надо сильно стачивать край. Сегодня утром по дороге на стоянку зашли в Промкомбинат. Там по моей просьбе изготовили 2^х метровую рейку, отточили топоры и 2 лопаты, остальные лопаты оставили до завтра.

Из Промкомбината направились в городское лесничество, где к нам присоединилась пом. лесничего А.П. Ломакова, потом все вместе пошли на стоянку клеймить деревья. На месте нашли, что те деревья, на которые в прошлом году был получен билет на вырубку, уже срублены. Заклеями еще две сосны в центр. части стоянки. Пом. лесничего обещает свалить их в ближайшие два дня. Нам придется корчевать 16–18 пней, т. к. на участке стоит до десятка старых пней.

На поверхности стоянки с прошлого года появилось много новых разрушений — старая яма расширена во все стороны, к ней примыкает большая яма у самой дороги, есть небольшая яма у самой дороги, есть небольшая яма в юго-вост. части стоянки. Местные жители говорят, что весной отсюда машинами возили землю на цветочные клумбы санатория Уралво (директор санатория полковник Васильев) и в пионерлагерь, пионерлагерь был за это оштрафован.

Культурный слой из ямы у дороги выбран почти везде до подстилающей глины. По краям ямы свалены крупные камни. На поверхности в ямах подобрали несколько обломков керамики, отщепов, большую каменную колотушку из песчаника.

Один работник санатория (электрик), заходивший на наши разведочные работы в прошлом году, зашел «навесить» и сейчас. Рассказал, какие клумбы хорошие получились, успокоил нас, что нам будет легче копать «Скажите спасибо, что только землю вывезли, а то еще хотели ямы мусором завалить».

Начали с Лешей и Герой расчищать участок центральной части стоянки — вырубать кустарник, сгребать мусор, выносить камни и т. д.

Пришли помогать работать двое школьников — Иванов Валерик (6 кл., шк. № 3) и Пискулев Женья (9 кл., 1-й средней школы).

По окончании расчистки участка занялись изготовлением кольшкков, для чего нарубили сначала березовых кустов на трассе. До конца рабочего дня заготовили кольшкков на весь раскоп.

Во время работ было тепло и ясно, прошел один раз кратковременный дождь.

Работали без часов, вместо 6 ? пришли домой в 7 ч. 40 м. Несмотря на увеличенный рабочий день сразу после обеда ребята с местной молодежью затеяли игру в волейбол и я с трудом в 12-м часу уложила их спать.

8 июля, среда

Встали в 7 часов, в 8³⁰ мы с Алешей пошли на стоянку, а Гера — в Промкомбинат за оставленными там лопатами.

Мы с Алешей пошли берегом оз. Чебаркуль, мимо стоянки у «мелких песков» (см. дневник Чебаркульского отряда за 1952 год). Там сделан новый высокий забор, целиком включивший территорию стоянки. За забором все пространство разделено на грядки и засажено овощами. С наружной стороны забора заложен каменный фундамент небольшого строения и заготовлены штабеля строительного леса. Сделан фотоснимок (Пл. 1, сн. 1).

Придя на место раскопок, засняли вид на стоянку до начала работ после вырубки кустарника (пл. I, сн. № 2 — вид с северо-востока и сн. № 3 — вид с востока).

Затем разбили на квадраты 2 × 2 м центральную часть стоянки, предназначенную для раскопок — всю территорию работ 1952 г. и участок, примыкающий к ней в сторону оз. Елового. Раскоп вытянут вдоль берега ручья на 28 м, в ширину 12–18 м, общая площадь 408 кв. м (рис. 1).

Около 1 ч. пришел на раскопки студент Челяб. Педин-та Ф.М. Фомин. Познакомила его с задачами экспедиции и планом работ.

После обеденного перерыва начали работу над планом раскопа (с Фоминым), нанесли на план контуры ям, пни. Ямы занимают площадь около 150 кв. м, в том числе центральная большая яма — 130 кв. м.

Алеша и Гера начали расчистку ямы от мусорной земли (в сев.-западн. части раскопа), после составления плана и мы к ним присоединились.

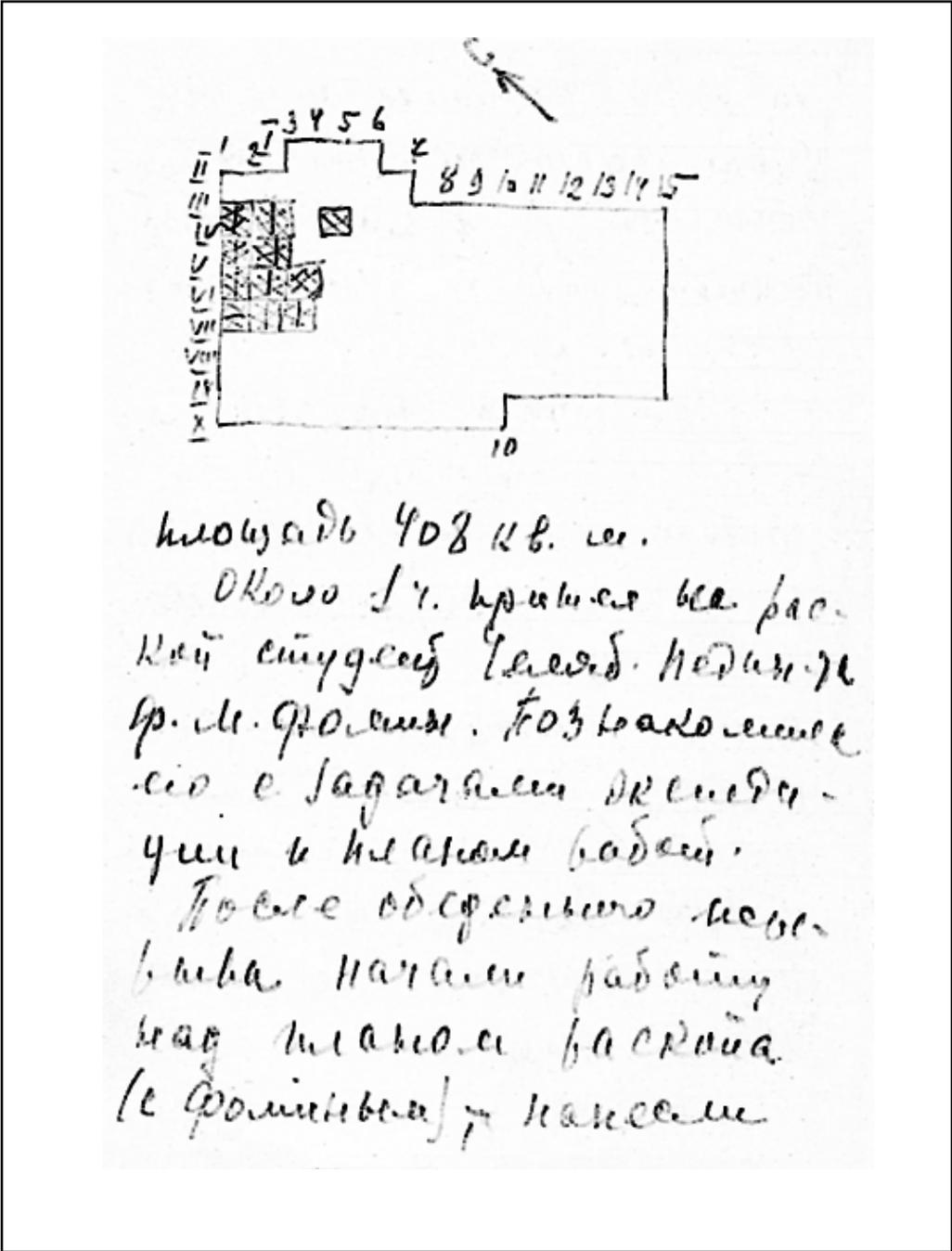

Рис. 1

У северного края ямы сохранилась часть культ. слоя, дальше от краев пока не ясно, не видно под мусором.

Такое количество мусора трудно будет убирать носилками, придется поискать тачку.

День был очень жаркий и ясный. Спали во дворе, на сарае на сене.

9 июля, четверг

Утром проспали, т. к. были легко одеты, просыпались от холода, а под утро уснули крепко. Встали в 7 ч. 45 м., пришлось торопиться, чтобы в 8³⁰ выйти из дома.

Взяли с собой носилки. На раскопе начали выноску из ямы мусорной земли. Оставила распоряжаться этой работой Ф.М. Фомина и пошла в лесничество поторопить со свалкой двух сосен, а также в Культотдел зарегистрировать открытый лист и отметить командировки.

В 9 ч. 30 м. солнце уже жарко печет.

По дороге зашла в военный санаторий, заявила начальнику санатория полковнику Васильеву претензию по поводу разрушения поверхности стоянки управлением санатория. Полковник признал, что брали дерн и «немного земли».

В лесничестве мне дали на руки разрешение на срубку сосен нашими силами, буду подыскивать рабочих.

В райисполкоме не застала никого, кто бы мог зарегистрировать документы. Зашла к зам. предс. райисполкома т. Балабанову, сообщила о разрушениях на стоянке. Уговорились, что будет поручено леснику остолбить участок, как заповедное место.

В ожидании регистрации пошла в универмаг, посмотреть нет ли рашпиля для затачивания лопат. Оказалось, что рашпиль есть, но продать не могут, т. к. продавец этого отдела распродает стулья. Вернулась в Райисполком, дождалась зав. общим отделом, зарегистрировала откр. лист, отметила командировки.

По дороге к дому промокла под дождем, зашла переодеться и застала дома приехавших студенток – Т.М. Иванову, Б.И. Богорад и Г.А. Худякову.

В 3 часа вместе с Богорад и Худяковой пошли на стоянку.

На стоянке к этому времени успели очистить от мусора яму в сев.-западной части до кольшков 6го ряда; до конца дня расчистили до 8го. При расчистке нашли несколько десятков мелких обломков неолитической керамики, несколько ножевидных пластинок и отщепов и небольшой точильный камень, заметно сточенный с трех сторон (рис. 2), с широкой стороны сточен желобком. Камень плоский, почти прямоугольной формы. На стороне противоположной желобку, две срезанные параллельные короткие линии.

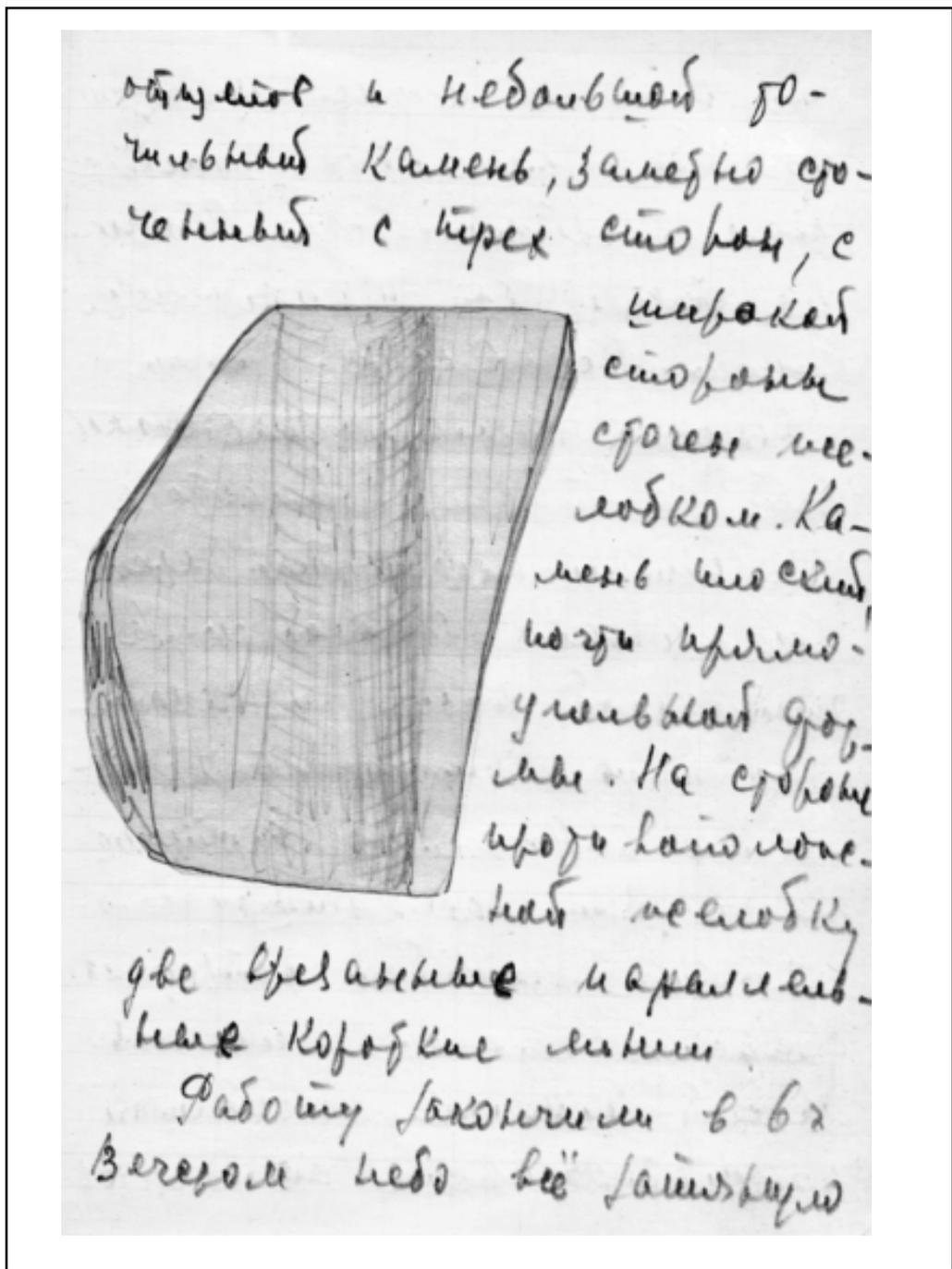

Рис. 2

Работу закончили в 6 ч. Вечером небо все затянуто тучами, едва пришли домой — начался дождь. Дома застали Борю Спирина. Теперь сотрудники экспедиции все в сборе.

Вечером погода прояснилась, всей компанией, вместе с хозяевами, пошли на берег озера играть в волейбол, за этой игрой хорошо познакомились друг с другом. Спать легли в 11 ч. 30 м. в квартире и на сене на крыше.

Вечером случайно встретились с преподавателем местной лесной школы, он обещал прислать двоих студентов для свалки деревьев, по возможности завтра утром.

10 июля, пятница

Встали в 7 ч. Перед завтраком сделали общее собрание для обсуждения хозяйств. и бытовых вопросов. Познакомили новичков с расписанием дневных работ, установили очередь на дежурство по хозяйств. работам.

На работу вышли в 8 ч. 30 м.

На раскопе продолжали расчистку ямы от мусора. В 10 ч. пришли двое учащихся Лесной школы, взялись за свалку сосен. Меньшую сосну свали удачно, не зацепили ни раскопа, ни натянутых рядом проводов. Большую сосну зацепили верхушкой за соседние деревья, потом свалили ее в сторону, наши ребята помогали. Потом срубленные сосны распилили на части по стандартам лесхоза, обрубили ветки и снесли их в кучу. Распиленные стволы при помощи наших ребят откатали в сторону. Вся работа заняла немного больше часа.

Мы с Фоминым начали нивелировку участка, по очереди привлекал я на помощь студентов. Потом Фомин остался руководить нивелировкой, я продолжала следить за расчисткой ямы.

При расчистке нашли еще несколько мелких обломков керамики и отщепов из камня. Мелкие обломки керамики и большинство отщепов и обломков камней я в коллекцию не беру. Всего не взято — 64 обл. керамики настолько мелких, что по ним нельзя судить о форме сосуда и расположении орнамента (из них 6 без орнамента, на 52 видны небольшие участки гребенч. орнамента, отступающей палочкой, волнистого; на 6 орнамент затерт) и 28 отщепов и обломков камней со следами обработки.

Запаковано в пакеты:

25 обломков керамики (из них один андроновского типа, один ранне-железной эпохи)

9 отщепов и ножевидных пластинок из кремня.

2 нуклеуса — « —

1 скребок — « —

2 ложила каменных — одно из плоской овальной гальки сильно сточенное с обеих сторон (см. н/обор.) и обломок из продолговатой пластинки (рис. 3).

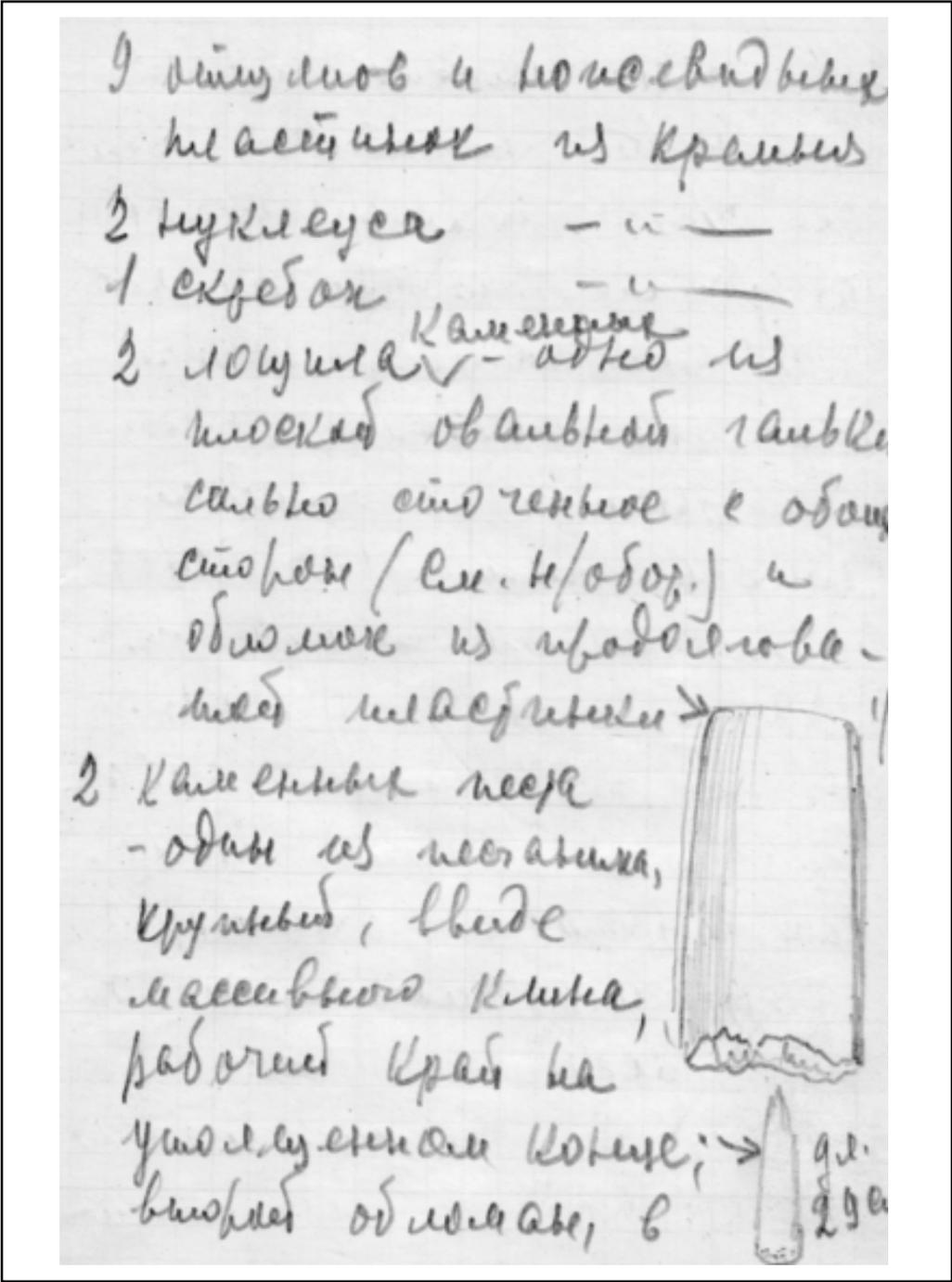

Рис. 3

2 каменных песта — один из песчаника, крупный в виде массивного клина, рабочий край на утолщенном конце; второй обломан, в сечении круглый, к концу сужается конусом (рис. 4).

2 массивных орудия из песчаника в виде ромбических клиньев, один обломан; длина целого 29 см, ширина — 14 см (рис. 5).

1 обломок каменного грузила ? (рис. 4), со всех сторон орнаментировано прорезными линиями в виде сетки; поделка в виде толстой прямоугольной плитки, с одной стороны глубокий желобок.

Закончили расчистку от мусора ямы. Начали копать три квадрата в ряду 1 — III/1, IV/1 и VI/1.

Сильный дождь заставил прекратить работу на $1/2$ часа раньше времени, домой шли тоже под дождем.

После обеденного перерыва провела с сотрудниками беседу о неолитических поселениях и правилах раскопок.

Целый день с нами работали младшие школьники —

Иванов Валерик, уч. 6 кл. Чебарк. шк.,

Тихачев Женя — « —

Богорад Вова, уч. 8 кл., из пос. Монетного Свердл. обл.

Весь вечер несколько раз шел дождь, отдохнули плохо — дома душно, на улице сыро. Купаться никто не пошел, молодежь немного поиграла в волейбол.

11 июля, суббота

Встали в 7 ч., к 8-ми позавтракали, до отхода молодежь писала дневники, я запаковывала коллекции для отправки в Челябинский музей.

На стоянке начали копать квадраты:

III/1 — частично он в яме;

IV/1 — весь в яме;

V/1 — « —

VI/1 — весь не тронутый;

VI/2 — частично в яме;

VI/3 — весь в яме.

В кв. III/1, IV/1 и V/1 у самой глины внизу культ. слоя обнаружили одинаково расположенные камни — группами по три, треугольником, на камнях в кв. IV/1 с внутренних сторон следы копоти (рис. 6).

А в квадрате VI/1 большой камень подпертый снизу маленьким, лежит плоской стороной сверху, на ней видны следы ударов, рядом в 50 см лежит пест из песчаника.

В остатках верхнего и среднего слоя очень немного вещей — обломков керамики и каменных отщепов. Культурный слой сильно песчаный, в кв. VI/3 почти один песок. В нижнем слое над глиной довольно много

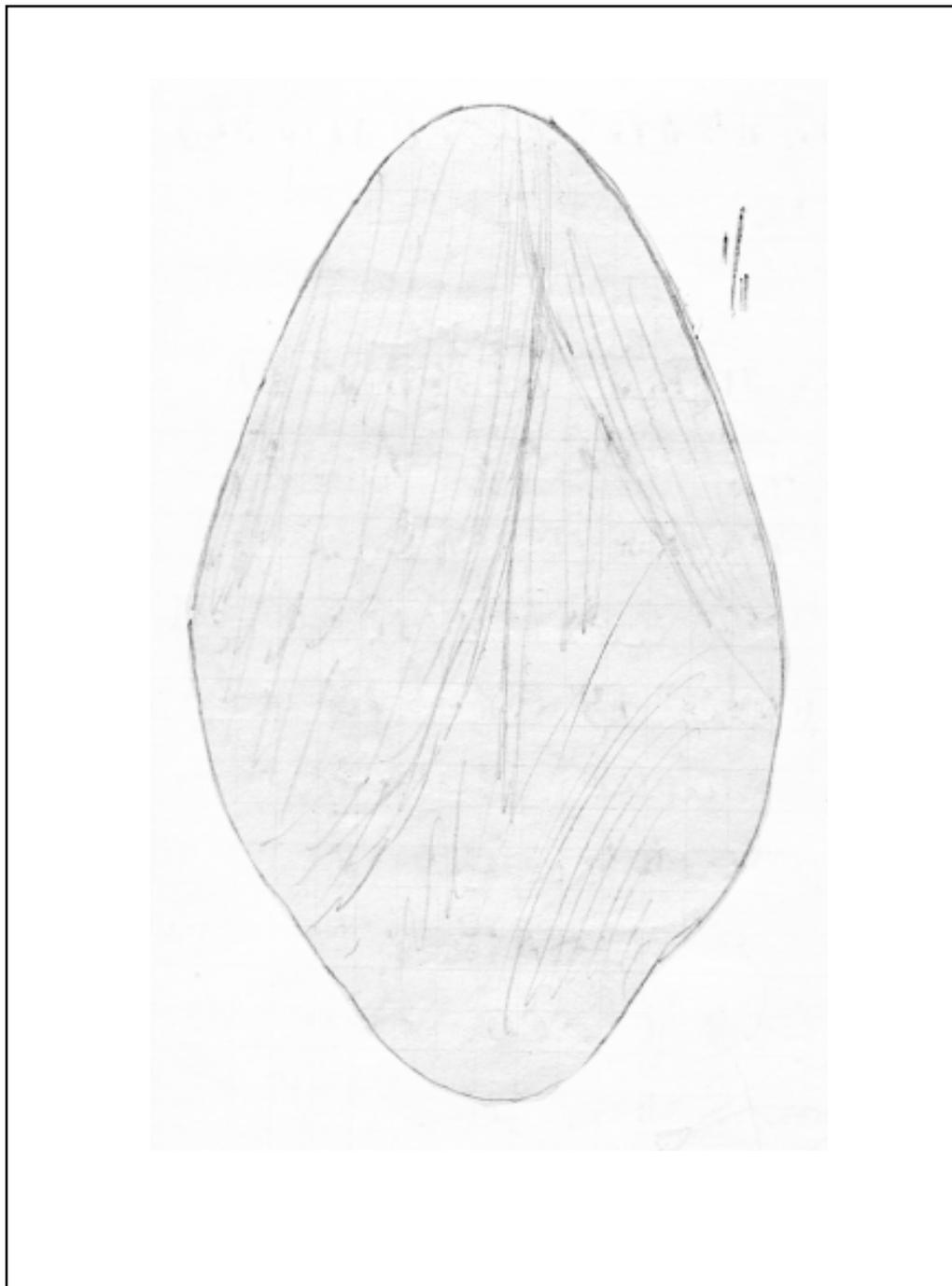

Рис. 4

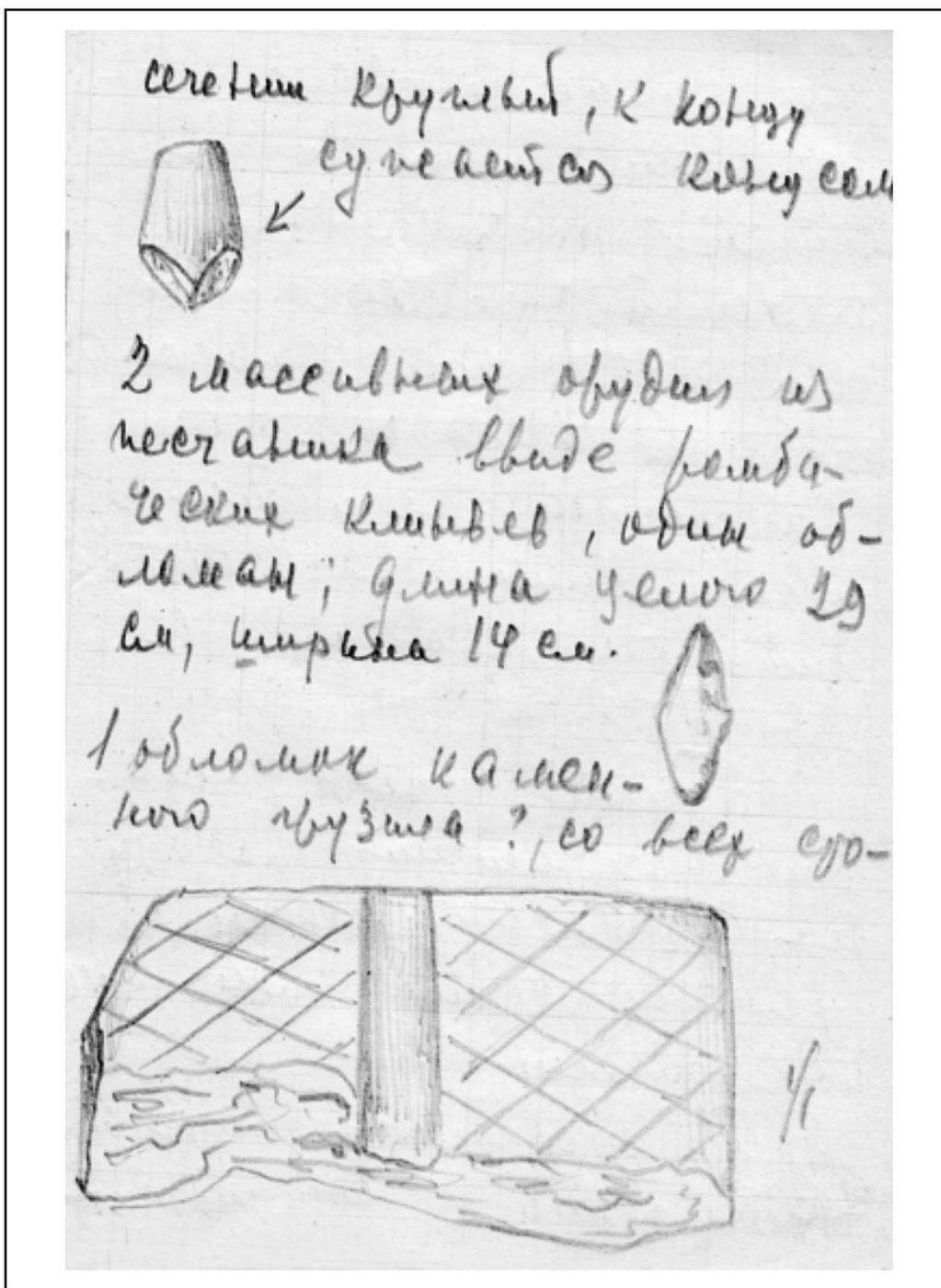

Рис. 5

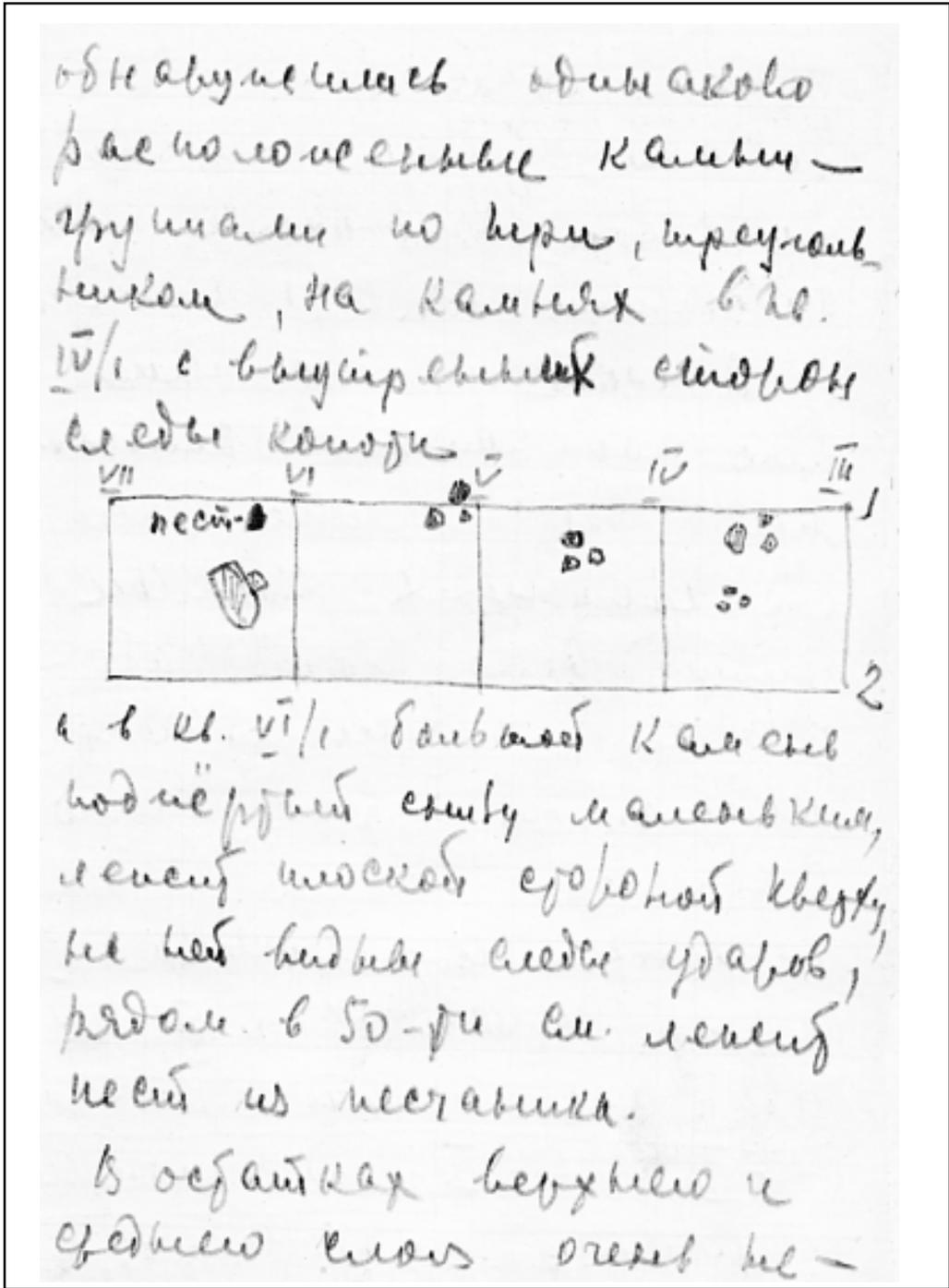

Рис. 6

обломков керамики и мелких кремневых поделок, больше всего полуобработанных — в северной части участка, и совсем мало в южной.

Сделаны фотоснимки камней в квадратах III/1 и IV/1 (Пл. I, сним. 4 — вид с юго-вост., пл. I, сним. 5 — вид с юго-зап.) и снимок всего раскопа с расчищенной от мусора ямой в центре (Пл. № 1, сним. 6 — вид с юго-вост.).

Еще раскопали квадраты:

III-2 — частично в яме;

IV-2 — весь в яме;

V-2 — весь в яме;

VII-3 — почти весь в яме;

III-4 — весь в яме (не кончен);

VI-4 — весь в яме.

Таким образом, нетронутого культурного слоя на этом участке почти нет, на большинстве квадратов снимается только остаток культурного слоя, не выбранный при копании огородниками ямы. Остатки, в особенности керамика, с этого участка мелко дроблены — видимо, потому, что при выборке земли из ямы в этой части проходили автомашины и много людей.

Заметно значительное увеличение числа находок в нижнем слое, в особенности каменных отщепов и изделий.

Найдены 2 обл. конических днищ (кв. IV-2 и VII-3) в нижнем горизонте.

В кв. VI-1, почти не затронутом ямой, ребята раскопали 2^й и 3^й горизонт вместе — ребята сильные (Спирин и Синицын), не смогли копать на $\frac{1}{2}$ штыка.

В кв. VI-4 выходят корни большого пня. На глине много мелких камней — разрушившаяся поверхность скалистой возвышенности, проглядывающей здесь на уровне глины.

На краю ямы, в квадратах ряда 1го и отчасти 2го остаток культурного слоя на глине в яме достигает 10–12 см, и хозяйственные сооружения у границы с глиной остались не нарушенными — 4 группы камней для установки сосудов, большой камень и грубые песты около него. Ближе к центру ямы были, видимо, еще какие-то сооружения из камней, но камни (крупные и среднего размера, 17 шт.) вывернуты при выборке земли. Толщина невыбранного слоя в квадратах III-4 и VI-4 только отдельными пятнами, достигает 10 см, а местами 3–5 см.

Сделана нивелировка поверхности до начала раскопок по линиям I–VII.

Ф.М. Фомин в 4 часа поехал в Челябинск за документами для недавно прибывших студенток и за хоз. мелочами, которых нельзя здесь достать — напильник, шпагат и т.п.

Очень увлекается работой и тщательно работает Алеша Антипов. Т.М. Иванова и Ф.М. Фомин работают вполне сознательно и продуктивно.

День простоял жаркий, без дождя.

Засняли работу над расчисткой пней (пл. I, снимок 7).

12 июля. Воскресенье

Выходной день. Молодежь в 10 ч. утра отправилась пешком в Ильменский заповедник (18 км), вернулись поездом в 9 ч. веч. очень оживленные с массой впечатлений — видели музей, живого лося, белку в колесе.

Я ходила в магазины, разбирала коллекцию вчерашнего дня, провела экскурсию местных жителей (5 чел.) на место раскопок.

13 июля, понедельник

Встали в 7 ч. 20 м., в 8³⁰ пошли на работу.

Девушки и младшие школьники с утра копали квадраты V-4 и III-4 (оба в яме), старшие корчевали пни в кв. IV/3,4, VI/4,5 и мелкие пни в кв. V/8.

На квадратах 4^й линии уровень глины понижается, идет уклон к юго-востоку. Культ. слой в яме сохранился на 8–15 см, на глине камни (см. план).

В 1 час вернулся Ф.М. Фомин, привез все, что надо было.

До обеденного перерыва на раскопках было 3 экскурсии.

1) Пионерлагерь Челяб. Упр. МВД — 29 ч. — 3^й отряд.

2) Пионерлагерь Челябинского Metallург. завода — 144 человека.

3) Чебаркульск. Дом пионеров — 10 человек.

Со всеми проведены беседы по 15–20 минут о жизни первобытных людей в эпоху неолита, о Чебаркульской стоянке, показали вещи. Две первые беседы проводила я, последние Т.М. Иванова. Экскурсию металл. завода сфотографировали (Пл. I, сним. 8).

Копаются на всю глубину квадр. IV-4 и IV-5, оба пронизаны корнями. Верхний и 2^й горизонты снимаются вместе, ближе к материке корней меньше, 3^й горизонт можно выделить.

После перерыва пришла еще экскурсия — 4) 2^й отряд Пионерлагеря Челяб. Упр. МВД — преимущественно ученицы 7–9 кл. — всего 52 человека. Провела беседу с показом вещей на 20 мин.

На нетронутых ямой квадратах ряда 5го (промер в кв. IV-5 и III/5) толщина культурного слоя 49–51 см.

В квадратах III/3, II/3 — в яме — толщина сохранившегося слоя 10–12 см.

В квадрате IV-4 и в нижнем горизонте много корней, толстые корни оплели и приподняли камень (фотоснимок, пл. I, сним. 9).

За день закончены квадраты II/2, IV/3, II/4, III/4, V/4, VI/4 и V/5.

В квадратах ряда 4го нижний горизонт довольно насыщен. В яме в нижнем горизонте вещи смешаны — в кв. III-4 конич. днище сосуда и черепок с андроновским орнаментом, в кв. II-4 обломки конического и плоского

днищ. В кв. V-5 найдено округлое слегка уплощенное днище, орнамент одинаковый на стенках и днище — горизонт. зоны, заполненные косыми рядами ложной гребенки.

День простоял очень жаркий, ясный.

Заболела Г.А. Худякова, перегрелась на солнце.

14 июля, вторник

Встали в 7 ч., на работу вышли в 8³⁵ минут. Худякову оставили дома.

Сегодня поставили задачей закончить раскопку площадки к юго-западу до ряда VII, к юго-востоку до ряда 6. Работу закончили, осталась зачистка.

Было трудно выкорчевать пень в кв. I-5, это задержало зачистку, успели зачистить квадраты 1^ю и 2^ю рядов. Кроме камней (см. запись за 11/VII) в этих квадратах обнаружили на фоне песка и глины темные пятна почти круглой формы, диам. 18–19 см., 4 из них расположены по дуге окружности, огибающей скопление камней в квадратах 3, 4 и 5^ю рядов, а два — ближе к центру окружности. По размеру и форме напоминают ямки от столбов. Занесены на план, 4 пятна сфотографированы (пл. I, сним. 11 — 2 пятна в квадратах III/2 и III/3, пл. I, сн. 12 — 2 пятна в квадрате V/2). На снимке 10 пленки I заснят процесс работ в северном углу раскопа.

При раскопках в квадратах:

I/5 — частично в яме;

II/5 — — « —;

III/5 — весь в яме;

IV/5 — — « — — « —;

VI/5 — — « — — « —;

IV/4 — част. в яме;

II/3 — весь в яме;

III/3 — — « — — « —.

Найдено в верхнем и среднем горизонтах немного керамики, осколки шлифов. кам. орудия, отщепы, нуклеус, скребок каменные; в нижнем горизонте много обломков керамики, преимущественно очень мелко дробленной, так что больше половины (по количеству) не имеет смысла брать в коллекцию. Керамика по форме и орнаменту смешанная — неолит, андроновские орнаменты и ранне-железные. Объясняю это тем, что я не достаточно тщательно удалила из ямы мусорный и взрыхленный слой, надо в следующих квадратах, затронутых ямой, сделать предварительную зачистку до полной жесткости слоя.

В квадратах мало затронутых ямой — I/5 и II/5 нельзя было копать отдельно части в яме и вне ямы, так как там стоял большой пень, и при

его корчевке 1^й и 2^й горизонты вообще нельзя было разделить, а 3^й был нарушен при раскорчевке и затоптан.

В кв. III/5 найден первый на этой стоянке кремневый наконечник стрелы, черешковой формы, небольшого размера, 13 × 23 мм (черешок обломан с краю) и небольшой шлифованный топорик (рис. 7). Найдено много ножевидных пластинок, несколько из них обработаны с одной или двух сторон, несколько скребков разной формы и размера, нуклеусы, плитки каменные – некоторые шлифовальные (см. описание пакетов).

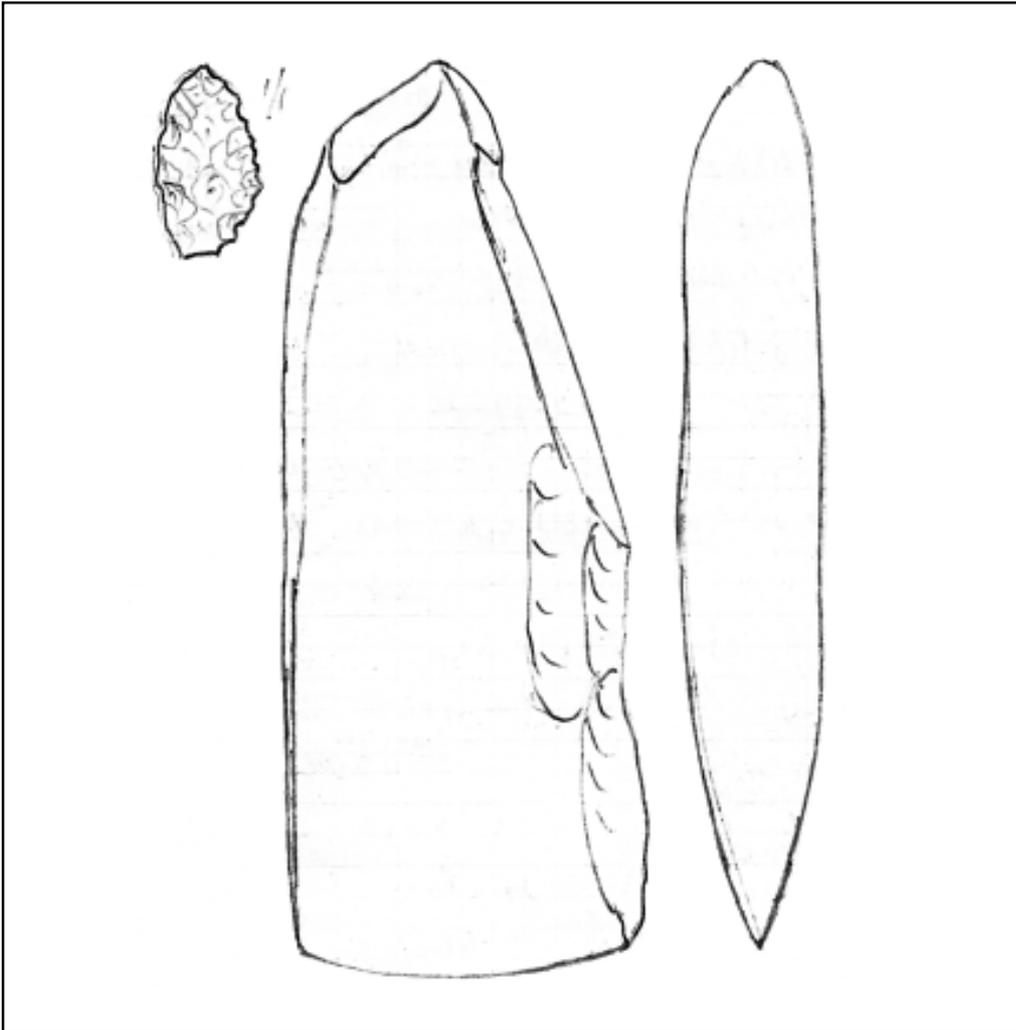

Рис. 7

Среди обломков керамики выделяется край сосуда диам. 16–17 см по краю с намечающимся легким изгибом шейки, орнаментирован ложной гребенкой — сверху ряд косых параллельных полос, ниже двойная волнистая линия, а под ней спускающиеся книзу острые треугольные фестоны, заштрихованные поперек, встречные им треугольники идущие снизу (между фестонами) и поле ниже них заштрихованы вдоль. Орнамент этот очень напоминает абашевские сосуды.

Найдено несколько конических днищ и 2 плоских (обломки).

Глубина слоя до 50 см на ненарушенных частях. Под слоем лежит крупный желтый песок или глина с песком (см. план раскопа).

День был очень жаркий, работать было трудно, пожгли на солнце руки, лица, шеи.

Было несколько посетителей — преподаватель Челяб. Политехн. ин-та, отдыхающие из военного санатория, студенты Лесного ин-та, работники городского лесничества, со всеми вели разговоры о раскопках.

Дома вечером вся молодежь часов до 10 вечера занималась зарисовкой вещей и записями в дневники, много было ко мне вопросов. Домой приходили трое дачников, слышавших о раскопках, с просьбой рассказать о работе и показать вещи — удовлетворила их просьбу.

15 июля, среда

Рано утром начался дождь, разбудил всех спавших на крыше сарая, пришлось всем перебираться в помещение.

На работу пришли без дождя, но вскоре он опять начался и продолжался с перерывами до 2^х часов, но ни сколько не освежил воздуха — выглянуло солнце и стало душно и жарко.

Начали зачистку по материковой породе в 3^м ряду, не кончили, т. к. на ногах наносилась на расчищенную площадь влажная черная земля. Переключились все на раскапывание, кроме Спирина и Синицына, которые подготавливают для корчевки большой пенёк в квадрате IV-6.

Раскапываются квадраты:

I-4 — весь в яме;

VII-4 — частично в яме;

I-5 — — « — — « —;

V-6 — весь в яме;

VI-6 — — « — — « —;

V-7 — — « — — « —;

VI-7 — — « — — « —;

IV-7 — частично в яме;

V-8 — весь в яме;

VI-8 — — « — — « —.

Прежде чем снимать уцелевшую часть культ слоя в яме, стали ее зачищать на 4–5 см.

В кв. I-4 у самой глины найдены куски тонких каменных плиток. Такие же тонкие плитки в кв. VII-4 и V-7, на некоторых на одной стороне стертость, одна плитка оббита в виде небольшого круга.

На квадратах расположенных целиком в яме после зачистки остался слой от 3 до 8 см толщины, находок мало. Часть камней на глине при рытье ямы не сдвинуты с места.

В нижнем горизонте, над глиной найдено круглое днище глин. сосуда, несколько обломков от конических днищ; второй наконечник стрелы из кремня (обломок, сохранился срезанный конец, расширяющийся к середине); нож на узкой длинной пластине, ретушь сделана на гладкой стороне пластины; больше 30 ножевидных пластин, 6 скребков, 2 нуклеуса, отщепы и осколки кремня, несколько обломков кремня, начатых обработкой (рис. 8).

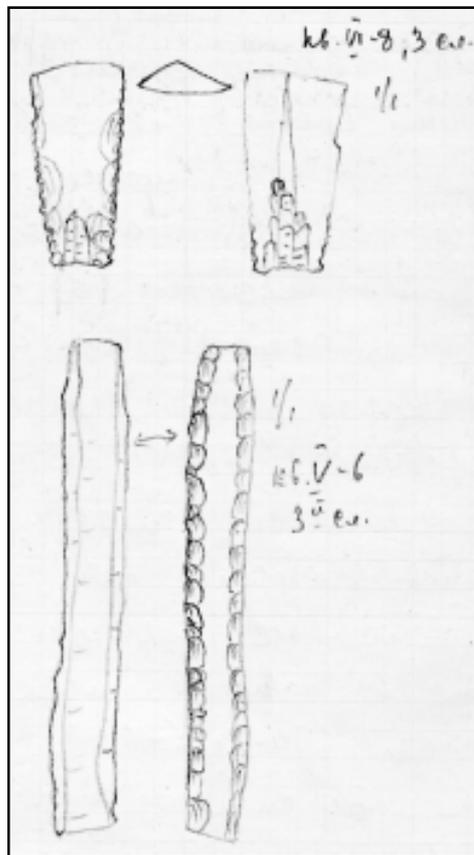

Рис. 8

Сегодня от работы в духоте и жаре даже самые сильные ребята очень устали.

Вечером молодежь решила ходить завтракать и обедать в столовую в городе, для этого надо вставать на 1/2 часа раньше.

16 июля, четверг

Встали в 6 ч. 30 м., пошли в город завтракать к 7 часам, в 8 ч. были дома, в 8³⁰ вышли на работу.

С утра, пока на северо-западную часть раскопа падает тень от леса, занялись зачисткой этой части по глине. В 3^м и 4^м рядах обнаружались еще темные круглые пятна диам. около 20 см, продолжающие линию окружности, а внутри два более крупных пятна диам. 24 и 30 см. Внутри дуги

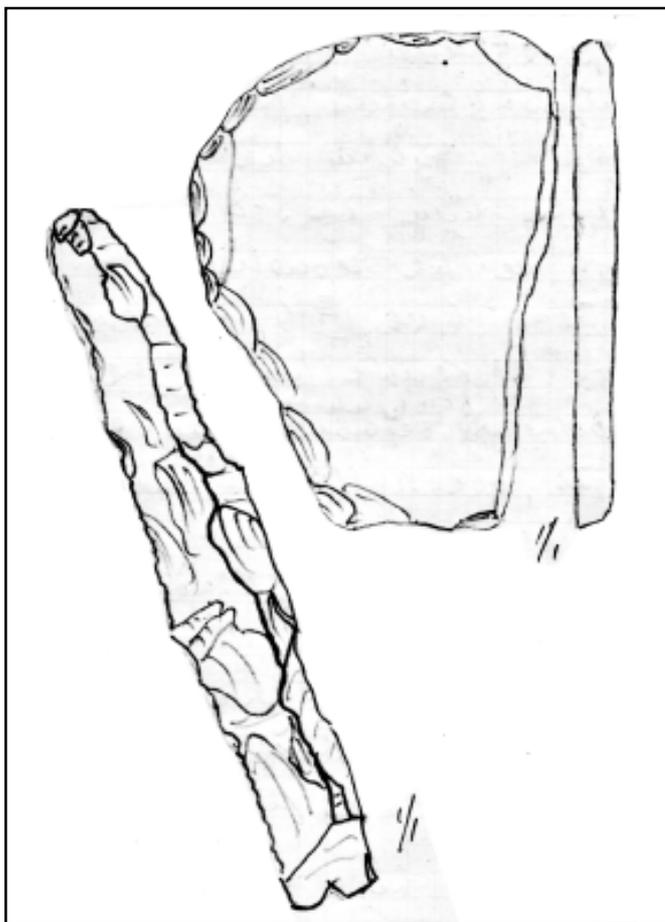

Рис. 9

окружности, образованной пятнами, много камней, расположенных группами на самой глине или на 5–8 см выше ее на черноземе.

Пень в кв. IV-6 усилиями всех взрослых ребят не поддался, решили оставить его стоять, обкопавши вокруг до глины.

Раскапывали квадраты:

IV-6 – вокруг пня 1^й и 2^й гориз.;

IV-7 – частично в яме;

IV-8 – весь в яме;

III-8 – почти весь не затронут ямой;

VII-9 – почти весь в яме.

В яме до снятия 3го горизонта опять делали предварительную зачистку на глубину около 5 см.

Находок в верхнем горизонте очень мало.

В 3-м горизонте материал все еще сильно дробленный. Нашли 2 ножа на плитках, на которых обработан только край – один обломок, второй целый с полукруглым рабочим краем, а также грубо обработанный нож на ножевидной пластине, 1 нуклеус, 8 ножевидных пластинок, отщепы и осколки кремня.

В 4 ч. дня все небо затянуло грозовыми тучами, начался дождь. В 4³⁰ прекратили работу. Когда пришли домой, дождь начался очень сильный, потом налетел сильный ветер, почти ураган, озеро стало зеленым, покрылось волнами.

Ночью еще шел дождь, спали все в комнате.

17 июля, пятница

Встали в 6 ч. 30 м., с завтрака вернулись в 8¹⁵. Перед отходом на работу Б.И. Богорад неожиданно отказалась работать дольше 18/VII, т. к. не хочет оставаться без Худяковой, которая уезжает 19/VII, в виду окончания отпуска. Поэтому я с утра занялась составлением ведомостей на зарплату сотрудникам, рабочим и на выплату командировочных. Худякова пошла в Райисполком, отмечать командировочные удостоверения.

Я на работу пришла через 1 1/2 часа после начала, руководила работой Т. М. Иванова.

В течение дня копали кв.:

III-6 – весь не тронут ямой;

III-7 – — « — — « —;

III-8 – — « — — « —;

III-9 – почти весь не тронут;

IV-6 – под пнем;

IV-9 – весь в яме;

VI-9 – — « — — « —;

VII-10 — « — — « —;

VIII-10 — частично в яме.

На квадратах в яме ряда 9го и 10го культслоя почти нет, местами пятна черной земли в западинах, толщ. 1—4 см.

На квадратах ряда III, не затронутых ямой, материал не так сильно дроблен, как в яме, встречаются крупные обломки керамики, рассеянность не так велика, часто обломки составляются.

В кв. III-6 на 3—4 см над глиной на ограниченном пространстве лежало много обломков одного сосуда полуяйцевидной формы с гребенч. орнаментом в виде горизонтальных широких зигзагов. В том же квадрате нуклеус, обломок шлифов. каменного орудия, много отщепов и ножев. пластинок, обломок толстой каменной плиты с одной зашлифованной поверхностью.

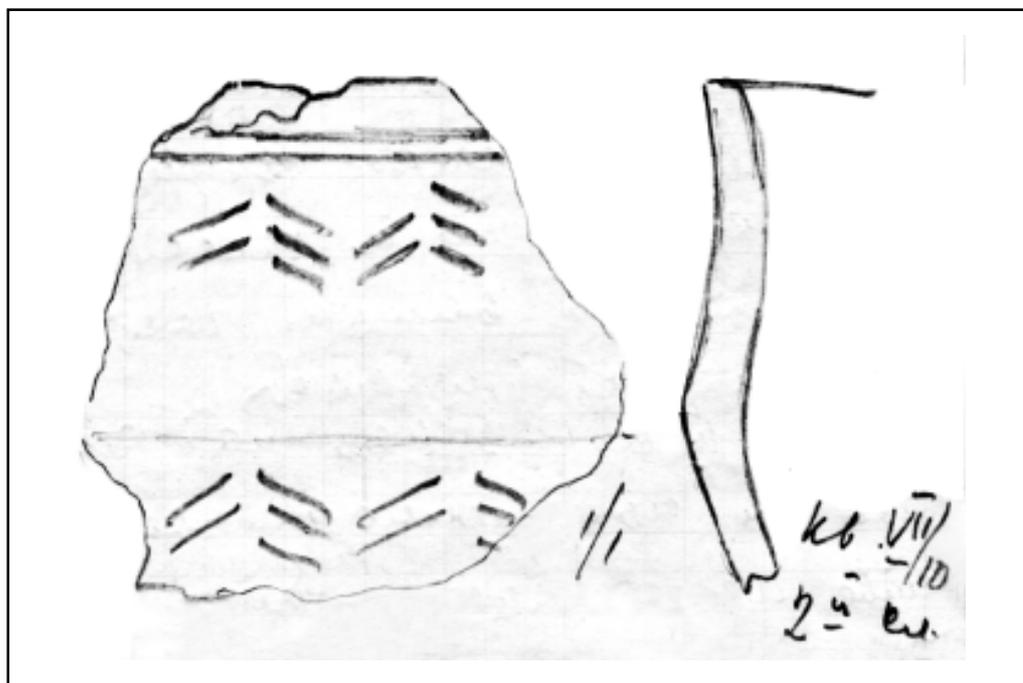

Рис. 10

В кв. III-9 на 3 см над глиной найдена проколка (шило) на тонкой ножевидной пластинке, с очень острым концом, расширяется постепенно.

В 3^м слое много ножевидных пластинок, есть с обработкой с одной или обеих сторон, несколько нуклеусов, несколько осколков и обломков кам. шлифованных орудий, 8 скребков.

Во 2^м слое нашли обл. края глиняного сосуда с ребром на перегибе (квадрат VII-10).

Сделали фотоснимки камней на глине:

Пл. II, сн. 1 — камни в рядах 3 и 4, вид с юго-запада;

Пл. II, сн. 2 — испорчен;

Пл. II, сн. 3 — камни в рядах 1-4, вид с юго-востока;

Пл. II, сн. 4, 5, 6 — последов. ряд снимков камней с точки V/4;

Пл. II, сн. 7 — камни и темные пятна в рядах 3—4.

Начали расчистку темных пятен на глине. Получаются ямки глубокие и мелкие, но широкие (например, рядом с большим плоским камнем в квадрате VI-1). Расчистка продолжается.

В нетронутых квадратах ряда III^{го} толщина культурного слоя 40—45 см, цвет темно-серый, одинаковой окраски на всю глубину, сильно песчаный, довольно плотный. Под ним залегает глина с песком, на поверхности глины опять камни — крупные и среднего размера (см. план).

К концу рабочего дня пришли на место работы 2 экскурсии из пионерлагеря МВД — 1, 2 и 3^и отряды, всего 82 ч. С 1 и 3^м отрядами провели беседу, потом экскурсию по раскопу, 2-му отряду показали находки, рассказали об орудиях, их применении и технике изготовления. Задержались на работе до 7 часов. Сделан фотоснимок экскурсии по раскопу (Пл. II, сним. 8).

Вечером дома занимались перебиванием и упаковкой коллекций до 11 часов.

Вечером начался дождь, спали все в комнате.

18/VII. Суббота

Встали в 6⁴⁰, на улице дождь, все небо в тяжелых облаках. Выход на работу задержали, пошли в 9 ¹/₂ часов, когда дождь стал меньше. Работать начали при небольшом дожде, но скоро небо немного прояснилось, к полудню проглянуло солнце.

Копаем квадраты:

II-6 — весь не затронут ямой;

III-10 — — « — — « —;

III-11 — частично в яме;

III-12 — — « — — « —;

IV-10 — весь в яме;

V-11 — — « — — « —;

VI-11 — — « — — « —;

VI-12 — весь в яме;

VII-11 — — « — — « —;

VII-12 — частично в яме;

VIII-11 — почти весь в яме.

В квадратах V-11, VI-11, IV-10, VI-12 и VII-11 культурного слоя почти не осталось, произведена зачистка по дну ямы, соскабливали глину и мелкие пятна чернозема. При этой зачистке найдено несколько обломков керамики, в том числе часть миниатюрной чашечки с открытыми краями, снаружи неясный гребенч. орнамент, диам. по внешнему краю 3,5 см; (рис. 11) несколько кремневых отщепов и пластинок, массивный каменный пест грубой обработки, кремневая ми-

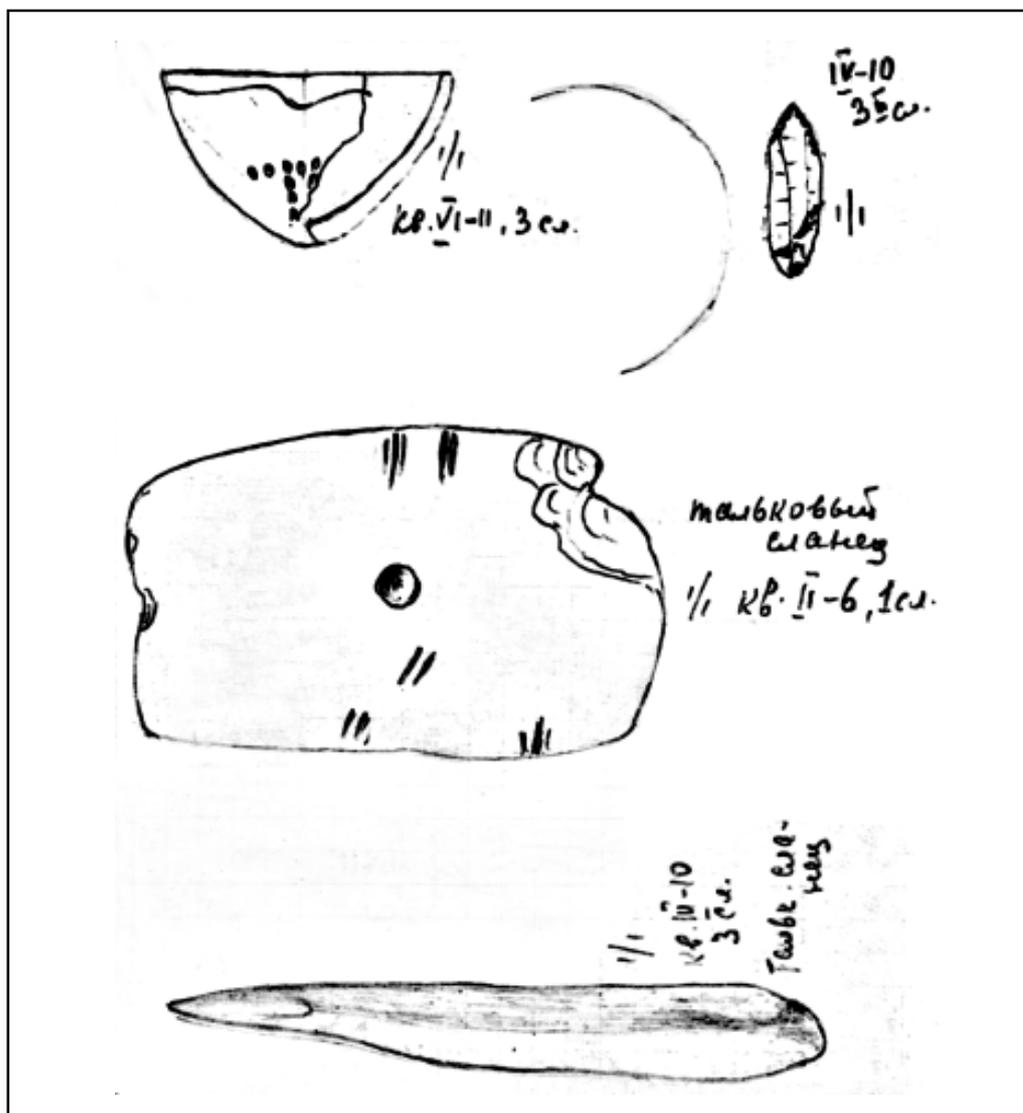

Рис. 11

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

18 июля 1953 г. Суббота

(Продолжение)

ниатюрная проколка на ножевидной пластинке.

В квадратах ряда III^ю, мало, затронутых ямой, толщина культурного слоя опять до 45 см, в противоположенную сторону, к юго-западу, слой становится тоньше, по линии IX в квадратах VIII-9 и VIII-10 его толщина 25 см и насыщенность его меньше.

По прежнему снимаем культурный слой в четыре приема:

- 1) дерновый слой около 8 см;
- 2) I горизонт на 10–12 см;
- 3) 2^й горизонт на 10–12 см;
- 4) 3^й горизонт — до глины

(в полевой описи и на этикетках пишем «I слой» и т. д.).

В квадратах ряда III в нижнем слое находок довольно много, встречается много обломков от одного и того же сосуда. Найдено несколько обломков от сосуда с изображением уточек. Наряду с обломками неолитической посуды в 3-м горизонте попадают и более поздние — с элементами андроновской керамики и незнакомые мне сосуды с плоским дном, с орнаментом на дне и близ дна, а выше без орнамента.

Чтобы проследить переход от неолита к более поздним напластованиям надо, очевидно, раскопать несколько квадратов более тонкими слоями. Думаю несколько расширить раскоп по линии I и II, хотя там стоят два столба телефонной связи, вокруг которых нельзя копать ближе, чем на 2 метра, кроме того два больших пня. На этих квадратах и проследить более подробно стратиграфию.

Из каменных орудий в 3^м горизонте кроме отщепов, ножев. пластинок, скребков и нуклеусов найдены обломки крупных орудий, нож на широкой пластине, проколка из талькового сланца. Во 2^м горизонте из такого же мягкого сланца найдена близкая к овальной форме плитка с просверленными не насквозь с обеих сторон ямками.

Расчистили пятна на глине в 1–4^м рядах. Большинство из них расчищается в глубокие ямки диаметром около 25 см, глубиной 16–20 см. Ямки окружают скопления камней, план пока не вполне ясен. Очевидно камни хозяйственного назначения помещались под навесом на столбах.

К 5 часам начался очень сильный ветер, небо затянуло облаками, над южной частью озера Чебаркуль идет сильный дождь. К 6 часам и у нас начался дождь, пока не сильный.

К вечеру ветер стих, идет довольно сильный дождь, облачность не расходуется.

Б. И. Богорад решила остаться до конца работ, вечером переписывали ведомости на зарплату.

Засиделись до 2^х часов ночи, спать легли в комнате, т.к. дождь продолжается.

19/VII, воскресенье

Сегодня выходной день. В 7 ч. утра уехала Худякова. Дождь продолжался без перерыва до обеда, стало очень грязно. Вечером тоже несколько раз шел дождь.

Занимались стиркой, мытьем, разборкой и упаковкой коллекций, т.к. пакеты уже не помещаются на отведенном месте.

Когда все ночуют в комнате, становится очень тесно, еще теснее, когда во время дождя все дома днем. Работающие сидят за столом, шахматисты и играющие в домино располагаются на полу, кому надо пройти — шагают через ноги и головы.

Звонили по телефону в Музей, узнать, когда будут деньги — у меня осталось так мало денег, что приходится ограничивать выдачу денег 10 рублей в день на человека. Из Музея сообщили, что получают деньги 21/VII. Ждать пересылки почтой не могу, придется кого-то послать в Челябинск 20/VII вечером, чтобы не успели отослать их.

К ночи опять дождь, спали в комнате.

20 июля, понедельник

Встали в 7 ч., завтракать ходили под дождем. К 9 часам небо в тучах, дождь прекратился, пошли на стоянку. Только пришли — начался такой сильный дождь, что пришлось укрываться под навес крыши конного двора, полчаса стояли у стены все в ряд. Потом старшие ребята начали тощить лопаты и топоры, к 10³⁰ дождь совсем прекратился.

Начали раскапывать квадраты III-13, III-14, VI-13, VI-14, V-14, VIII/7. Кв. III-14 своим восточным углом подходит близко к каменистой возвышенности, культурн. слой в эту сторону выклинивается — близ колышка III-15 под дерном лежит слабо гумусированный песок светло-коричневого цвета; к северо-западу и юго-западу от него слой темнеет и через 4 метра, в кв. III-12 и V-14 становится почти черным.

Начали зачистку по глине по ряду 5^{му} и отбрасывание земли с неразмеченного участка рядов I и II (к юго-востоку от точек I-6 и II-7).

Во 2^м горизонте кв. VI-14 найден еще обломок той же миниатюрной чашечки, от которой найдена была часть в кв. VI-4. (рис. 12).

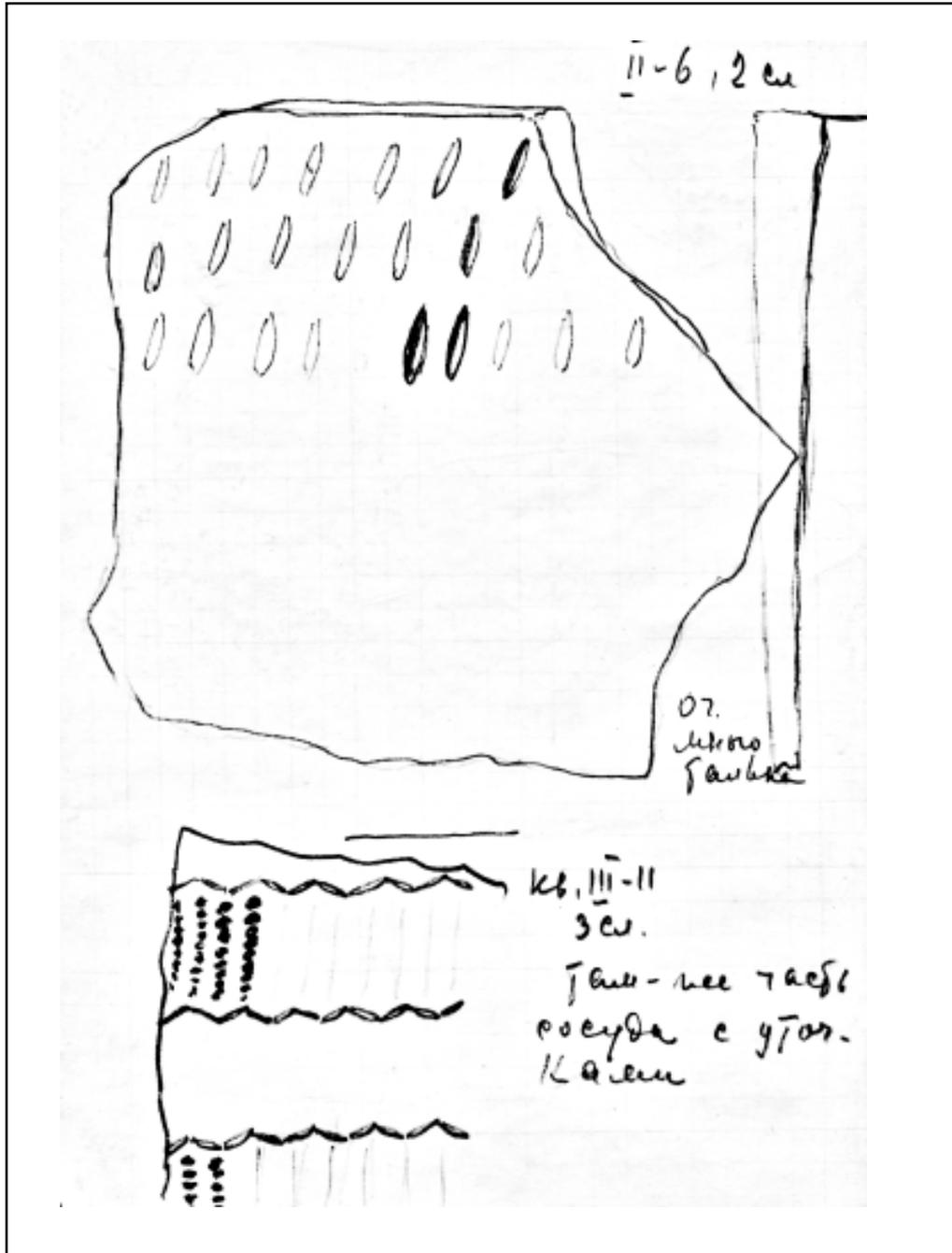

Рис. 12

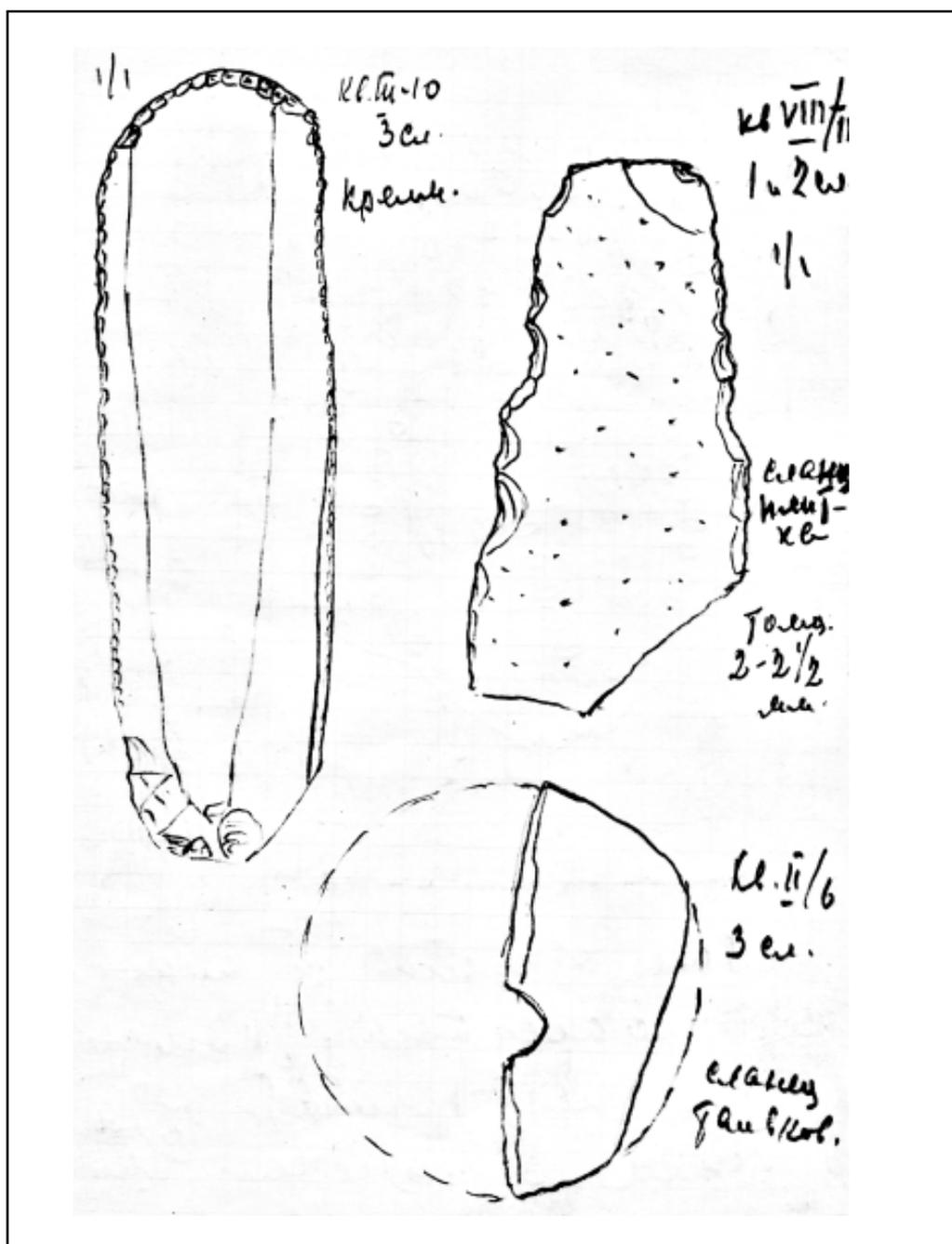

Рис. 13

В 3^м горизонте еще обломки сосуда с уточками. Большая часть дня была занята переброской отвалов с линий I и II.

В 5³⁰ пришла экскурсия пионеров из пионерлагеря метзавода, 120 чел. Разделили их на две группы по возрасту, провели 2 беседы «О жизни первобытных людей в ново-каменном веке и о раскопках Чебарк. стоянки» —

1) 3—5 класс — 50 чел.

2) 6—7 класс — 70 чел.

Потом показали раскопки и вещи. В 6³⁰ пришла экскурсия пионеров из лагеря МВД — 50 человек, с ними тоже провели беседу и экскурсию. В 7 часов пришли 30 пионеров из лагеря литейно-механ. Чебарк. завода, дети младшего возраста. Беседу с ними проводить не стали, уговорились провести ее завтра и принести показать часть вещей — к 10 ч. утра.

Домой пришли около 8 ч., дома застали троих дачников, которых взяла на квартиру хозяйка — стало еще теснее. Спали по необходимости на сарае.

День простоял ясный, ночью было холодно.

Командировала Фомина в Челябинск за деньгами, упаковочным материалом.

Вечером с Тamarой Михайловной отобрали вещи для демонстрации на беседе, записали и упаковали коллекции за день.

21 июля, вторник

Встали в 6 ч. 30 м., на работу пошли в 8³⁰. Утро ясное.

Продолжали отбрасывать отвалы и копать квадраты VI-14, VI-13, VIII-7.

В 10 час. вместо экскурсии литейно-механ. завода пришли пионеры из лагеря МВД, 46 человек, провела с ними беседу о технике изготовл. орудий и посуды с демонстрацией вещей из раскопок. В 10⁴⁰ пришли пионеры лит.-механич. завода, 30 ч., провела беседу о жизни первобытных людей, показала образцы орудий труда и посуды.

В 11 ч. пришли 10 человек пионеров с руководителем из пионерлагеря Металл. завода помогать работать на 2 часа. Помогли отбрасывать отвалы и приняли участие в раскопках на двух квадратах, в час провела с ними беседу об орудиях труда, показала вещи. В начале перерыва подъехали на машине несколько офицеров, попросили рассказать о работах, а после перерыва с такой же просьбой обратились 5 сотрудников пионерлагеря МВД — тем и другим дала объяснения.

Копали квадраты:

VI-13 — весь в яме;

V-13 — — « — — « —;

V-14 — частично в яме;

IV-14 — — « — — « —;

VII-6 — « — « —;

VIII-7 — « — « —;

VIII-9 — « — « —.

В кв. VII/6 и VIII/7 толщина культурного слоя уменьшается, на линиях VIII и IX на поверхность выходят крупные камни небольшой скалистой возвышенности, отделяющей центр стоянки от долины ручья. Слой в этой части темно-коричневый, культурных остатков мало.

По линии 15 мощность культслоя нарастает в сторону ручья, в кв. V/14 и VI/14 его толщина 30–40 см, цвет почти черный, насыщенность небольшая.

Во всех квадратах на глине изредка лежат крупные и средние камни, по одному.

Материал сильно раздроблен.

В 6 часов еще пришли пионеры из лагеря МВД, 52 ч., старший возраст, провела беседу, об археолог. памятниках Урала, охране памятников, показала материал из раскопок. Потом пионеры в течение 20 минут помогали отбрасывать землю из отвала, за работой их 2 раза фотографировали (пл. II, сним. 9 и 10). Копали посменно по 5 минут, успели довольно много сделать.

День был жаркий и ясный.

Вечером вернулся из Челябинска Фомин, привез 700 рублей и бумагу для упаковки. С ним приехала жена. В комнате так тесно и шумно, что невозможно работать. Спали на крыше.

22 июля 53 г., среда

Встали в 6³⁰, из столовой пришли в 8³⁰, а на работу ушли в 9 ч., с опозданием на 1/2 часа — все лежит не на месте в комнате нагромождение спальных принадлежностей, сумок с продуктами, детских игрушек. С трудом собрали свои инструменты и посуду для завтрака.

Кончаем раскапывать кв. IV-13 и IV-14, копаем VIII-8 и VIII-9.

Пришли помогать работать на 2 часа 10 школьников из пионерлагеря МВД (учащиеся 10 и 80 шк. г. Челябинска). Дали им копать кв. VIII-6 и VIII-12 — оба частично в яме.

Начали снимать тонкими слоями культслоя в кв. II-7 для выяснения стратиграфии. Глубина слоя до начала раскопок 45 см по линии III. Дерн сняли на 8 см, в нем нашли ножевидную пластинку с ретушью с одного края.

Культурный слой соскабливается слоями толщиной 2–3 см.

В 1 слое (гл. 10–11 от поверхн.) найден обл. сосуда, орнаментиров. гребенчатыми оттисками и прочерченной сеткой, скребок на широкой ножев. пластинке и нож. пластинка без обработки.

В 2, 3, 4^м слоях (гл. от 11 до 18 см) очень мелкие обл. керамики по одному и 2 ножев. пластинки.

В 5^м и 6^м обломки глиняного сосуда с отогнутым венчиком, с двумя рядами глубоких ямок на перегибе и обломок двухстороннего ножа на широкой пластине.

В 7^м (глуб. 25–26 см) – мелкие обл. керамики, скребок, ножевидн. пластинки 5, отщепы 6.

В 8^м (гл. 28 см) – обл. края глин. сосуда с двумя широкими желобками вдоль края, ниже мелкие треугольники с нечетким заполнением; 4 отщепы кремневых, 2 ножев. пластинки и обл. крупного каменного орудия вроде верхней части песта.

9 сл. (гл. 30–31 см) – облом. керамики с небрежным прочерченным палочкой орнаментом, отщепы, ножевидные пластинки (рисунки) 10 и 11 сл. (гл. 33–36 см) обломки глин. сосудов со слегка отогнутым краем, обл. наконечника стрелы с почти прямым основанием, отщепы, нож. пласт., скребок, обл. терочного камня.

В 12 слое (глуб. 38 см) обл. керамики с неолитическим гребенчатым орнаментом, скребок, нож на грубой пластине, отщепы и осколки кремня.

До конца стратиграфический квадрат докопать не успели. Пока ясно, что неолитический материал лежит ниже той границы, откуда мы начинали снимать 3^й горизонт во всех квадратах.

Днем ходила в пионерлагерь МВД заверить путевки на проведенные с пионерами беседы.

Сделан фотоснимок пионеров, помогавших в работе (пл. II, сн. 11).

День был жаркий, ясный.

Вечером разбирали, записывали и паковали материал с Т.М. Ивановой – 20 пакетов.

Спали на крыше.

23 июля, четверг

Барометр сильно идет на снижение, ждут дождя, на работу взяли все плащи, какие есть.

Встали и на работу вышли во время.

С утра пришли пионеры из лагеря МВД работать до 12 часов – продолжали квадраты VIII-6, VIII-12 и вновь начали II-13 (частично в яме) и II-14 (весь не затронут ямой).

Наши сотрудники кончают стратиграфич. квадрат II-7 – сняли еще слои 13, 14 и 15. В слое 15, почти на глине лежала раздавленная часть сосуда (фотосн. пл. II – сн. 12 и пл. III – сн.1).

В этих трех слоях находятся обломки полуяйцевидных глиняных сосудов с утолщенным изнутри краем, орнаментированных гребенчатым

штампом — оттисками и волнистыми линиями. На этой же глубине найден наконечник стрелы из талькового сланца с обломанным концом, нуклеус, 7 ножевидных пластинок, много каменных отщепов. Обломки керамики более крупные, чем в вышележащих слоях и часто принадлежат одним и тем же сосудам.

В кв. II-14, уже на склоне каменистой возвышенности, сразу под дерном появляются отдельные камни скалы, между ними неглубокий коричневый слой гумусированного песка, в котором найдено 3 маленьких обломка керамики и 1 отщеп кремневый.

В кв. VIII-12 на материковой глине несколько камней, поверх камней лежит комок мягкой глины. Культурный слой тоже уменьшается, хотя еще довольно часты находки.

Вся юго-западная часть раскопа подходит к склону каменистой возвышенности, центр которой расположен вблизи точки I-10, уровень глины в сторону этого склона поднимается, толщина культ. слоя уменьшается. В противоположенной, северо-восточной стороне раскопа культурный слой, кроме восточного угла по всей длине достигает толщины 40—45 см. За пределами раскопа к северо-востоку лежит ровная площадка, но расширять в ту сторону раскоп трудно — там дорога, столбы высоковольтной линии, тесная группа сосен. Решила прокопать в этом направлении траншею между линиями 7 и 8, между столбом и группой сосен. Увеличить раскоп в сторону дороги между предполагаемой траншеей и северным углом раскопа у нас не хватает сил, там очень твердая почва, лопатой почти не берется — могли там копать только двое старших сотрудников.

В 5 ч. 30 м. начался дождь, к 6 часам ливень, уехали на попутной машине, груженной ящиками. Дорога плохая, машину заносит, ящиками прищемило палец Антипову и порезало руку Т.М. Ивановой.

С этой машиной уехал в Челябинск Б. Спирин — закончил работу, т. к. получил вызов из дома.

Дождь продолжался и вечером, спать устроились в комнатах. Среди ночи приехал из командировки хозяин квартиры, пришлось менять места, переносить постели, двигать мебель. Уснули поздно.

Днем сделано 2 снимка общего вида раскопа с северо-запада (пл. III, сним. 2 и пл. III — сн. 3).

24/VII, пятница

Дождь шел всю ночь, утром немного прояснилось, но все же облачность большая.

Встали и на работу вышли вовремя.

Делали зачистку по глине в рядах 7, 8 и 9, продолжали раскопки в квадратах восточного угла.

Несколько раз начинался дождь, к 11 часам все небо в тучах, дождь сильный. Сидим на бревнах под плащами, через полчаса в раскопе вода, дождь не прекращает, уходим домой.

Дома застали еще двоих дачников — мать с сыном. Из-за дождя все в помещении, невероятно тесно и шумно. К 7 ч. вечера дождь прекратился. По просьбе жильцов провела экскурсию на место раскопок, присутствовало 9 человек.

В раскопе на глине много воды. Решили вместо сегодняшнего дня работать в воскресенье, если позволит погода.

Приезжал познакомиться с работами И. И. Воронов. Приходил майор, зав. хозяйством военного санатория, просил разрешения увезти отвалы для засыпки траншей под огурцы. Отвалы у нас расположены вдоль дороги, брать их можно не заезжая на стоянку, увозить разрешила.

Лесхоз все еще не поставил ограничительные столбики.

Вернулись с экскурсией опять под дождем. С перерывами дождь шел весь вечер, спали все 17 человек в комнатах, было очень душно.

25 июля, суббота

Встали в 7 ч., небо затянуто тучами. На работу пошли вовремя.

В раскопе все еще вода на глине. Начали раскопки в кв. I/7, II/7, продолжаем в кв. VII/1, II/14.

В кв. VII/1 на глубине 3 см над глиной нашли обломок гребенчатого штампа из камня. В кв. VIII-1 весь западный угол сразу под дерном уже занят скалой.

Копаем квадраты по линии 7 к дороге — А/7, Б/7, В/7. Там очень много корней и твердый грунт. В кв. А/7 раскопали только половину площади, на другой половине пень.

К середине дня погода немного улучшилась, поднялся ветер, сушит поверхность, начали зачистку по глине от 10го ряда к юго-востоку. Раскопали кв. II/11, до гл. 23 см, как обычно, сняли дерн и 2 слоя, ниже начали снимать тонкими пластами по 2–3 см, еще 4 слоя — 3^й, 4^й, 5^й, 6^й.

Во всем южном углу к самой поверхности глины выходит скала, местами ее поверхность разрушена, счищается вместе с глиной много мелких камней. То же вдоль юго-западной стенки раскопа — на поверхности глины много мелкого щебня.

Продолжаем зачистку по глине по рядам 6, 7, 8 от линии V до линии IX. Там при зачистке в слое глины найден небольшой топорик из гранита (?) (рис. 21), 3 обломка керамики, 1 отщеп. В рядах 11, 12, 13 линий V, VI, VII найдено в глине 27 обломков керамики (из них 15 очень мелких не взято), нуклеус, 9 отщепов кремневых, нож, скребок, 4 ножевидных пластины, в кв. V/12 — миниатюрный шлифованный каменный топорик.

К юго-востоку от линии 7 на глине ямок от столбов больше не обнаруживается.

К вечеру погода несколько прояснилась.

Работу закончили в 6³⁰.

Целый день с нами работал один из дачников, студ. Челябинского ин-та механизации сельского х-ва Илья Алдрович Пристин.

Сделано 2 фотоснимка:

Пл. III, сн. 2 — общий вид раскопа,

Пл. III, сн. 3 — вид с северо-запада.

Дома занималась расчетом Б.И. и В. Богорад, которые завтра утром уезжают домой.

В 8 ч. вечера приехал Коллектор Синарского отряда М. Бураков, с которым была условлена встреча в Челябинске сегодня. Не найдя меня в Челябинском музее, он приехал сюда.

В 8³⁰ пришел И. И. Воронов с дочерью и сыном посмотреть вещи из раскопок. Задавал много вопросов о технике изготовления каменных орудий, особенно шлифовки. Засиделись за беседой до 10 часов.

Вечером заниматься дома было нельзя из-за тесноты и шума. Кто-то зацепил ногой табуретку, она упала на велосипед, тот на горячий чайник, чайник опрокинулся, вода потекла под чемоданы и постели — испуг, шум, уборка, смех, обсуждение события, новое приготовление чаю. Успела только отобрать вещи для демонстрации на беседе в военном санатории, которую просят провести завтра.

Ночью дождя нет, вся молодежь спала на крыше.

26 июля, воскресенье

Сегодня рабочий день, встали в 6³⁰ утра, на работу вышли в обычное время. Дождя нет, на небе легкие облака.

Утром уехали Богорады.

На стоянке продолжается зачистка по глине в юго-восточной части. Там очень много выходов скалы на поверхность глины, зачистка идет медленно. Поперек раскопа по квадратам линий 12 и 13 идет темная полоса на глине между выходами скалы, на кв. II/12 и III/12 она расширяется образуя овальное темное пятно.

Обнаружилось несколько мелких пятен в средней части раскопа по квадратам линий 7, 8, 9.

В траншее в сторону дороги ближе к раскопу культурный слой достигает толщины 56 см, у дороги в кв. Г/7 глина подходит ближе к поверхности, слой толщиной около 30 см, в северной части квадрата на поверхность глины выходит скала. Культурный слой на всем протяжении траншеи темный, насыщен не сильно.

Днем пришли пионеры из п/лагеря «Еловое» 200 человек с нач-ком лагеря и воспитателем, провела с ними беседу о жизни людей каменного века и о раскопках на Чебаркульской стоянке, показала вещи из раскопок.

Сделали нивелировку по всем линиям с сев.-зап. на юго-восток по зачистке, зарисовали расположение камней в средней части раскопа, закончили зачистку по глине на всей площади раскопа.

Сделаны фотоснимки:

Пл. III, сн. 4 – беседа с пионерами из лагеря «Еловое»;

Пл. III, сн. 5, 6, 7, 8, 9 – вид на камни в центре раскопа с точки VI/10; (сн. 5 – центр на т. IX/7;

сн. 6 – – « – по ряду V;

сн. 7 – – « – на т. II/6 – II/7;

сн. 8 – – « – на т. II/9 – II/10;

сн. 9 – – « – на т. IX/13).

Работали до 7³⁰ с тем, чтобы закончить зачистку и завтра работать до 3 часов, – хочется попасть на пятичасовой вечерний поезд до Челябинска.

Вечером прочитала лекцию «Об археологических памятниках Челябинской области» для отдыхающих офицеров, присутствовало 45 человек. Вернулась домой в 9 ч. вечера, рассчитала рабочих, провела собрание с сотрудниками – итоги работ по раскопкам, план работ на завтра.

И. Пристин опять работал с нами весь день.

Погода улучшилась, за день был один короткий дождь, спали на крыше.

27 июля, понедельник

Встали вовремя. Пока ребята ходили завтракать, я закончила вычерчивание профилей по данным нивелировки до начала раскопок.

К 9 часам пошла в Райисполком заверить счета, отметить командировки. Зашла к зам. председателя, сообщила, что остолбление участка еще не сделано, он при мне дал указание Гор. лесничеству.

В мое отсутствие Т.М. Иванов и Ф.М. Фомин сделали промеры по стенкам раскопа, когда я пришла – зарисовала стенки раскопа и траншеи. Расчистили пятна на глине, получили еще несколько ямок от столбов – по другую сторону скопления камней в центре.

Центр поселения получается в том месте, где находится скопление камней, в небольшой неглубокой впадине между скалистыми возвышенностями, окружающих место стоянки с трех сторон. Впадина имеет небольшой уклон к Ю-Ю-В. Вниз по впадине за пределами раскопа еще продолжается культурный слой толщиной до 40 см, такой же слой идет в сторону дороги постепенно уменьшаясь, в сторону ручья у самого раскопа лежит скала, местами выходящая на поверхность. Скопление камней почти полностью было под навесом.

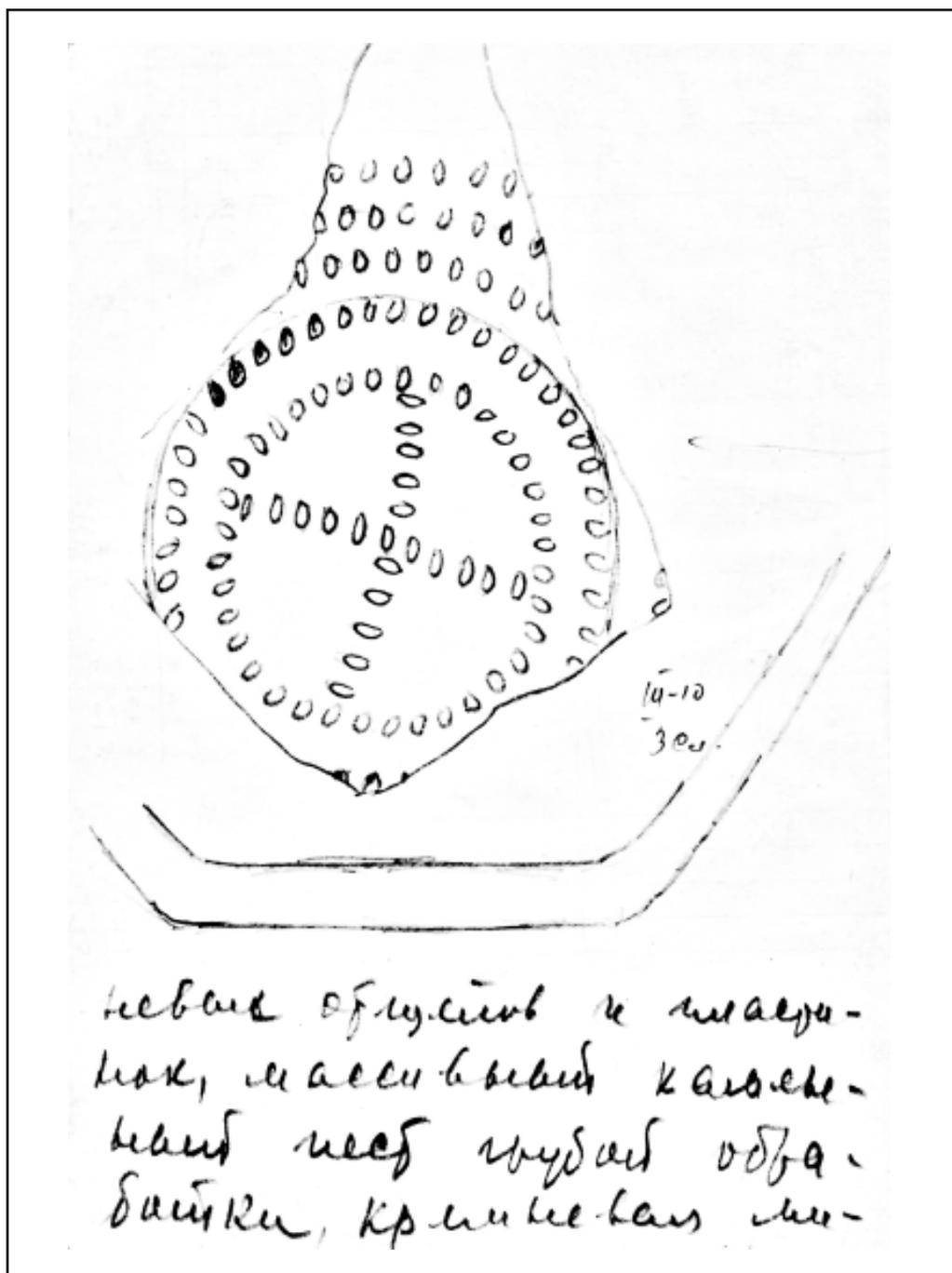

Рис. 14

Сделаны фотоснимки:

Пл. III, сн. 10 – ямки от столбов в кв. V/9, 8, 7 после зачистки;

Пл. III, сн. 11. Общий вид раскопа с юго-востока;

Пл. III, сн. 12 – общий вид раскопа с северо-запада;

Пл. IV, сн. 1 – выход скалы в кв. VII/1 и VIII/1.

Темная полоса поперек раскопа оказалась расщелиной между частями скалы, засыпана черным суглинком без находок.

В кв. II/12 – II/13 она расширяется, образуя овальную яму с двумя углублениями, в верхнем горизонте заполнения ямы найдено несколько черепков и каменных отщепов и обломков.

Большая часть раскопа в той или иной мере повреждена была ямой, в центре нарушено расположение камней, вместе с землей вывезены культ. остатки из центральной части поселения на площади около 250 кв. м.

К 3^м часам закончили зарисовку стенок, камней и углублений на глине, общий план раскопа. Засыпали землей и кусками дерна все стенки, предварительно забив в 4 угла крупные кольшки.

Все, кроме Т.М. Ивановой, пошли к поезду на Челябинск в 5 ч. вечера, но оказалось, что он отменен, сидим на вокзале, ждем следующего поезда. В 7⁴⁵ сели в проходящий поезд и в 10³⁰ были в Челябинске.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ¹

* * *

Публикуемая ниже статья одного из родоначальников южно-уральской археологии — д.и.н. К.В. Сальникова, увидит свет благодаря доброй воле его ученика — д.и.н. В.С. Стоколоса, любезно передавшего редакции из своего архива эту уникальную рукопись — 86 страниц машинописного текста с личной подписью автора на последней из них. Статья посвящена истории археологических исследований на Южном Урале с XVIII в. по 1952 г.

Она была создана, судя по последним ссылкам, не ранее конца 1952 года, но не позднее 1953 года. С поразительной скрупулезностью К.В. Сальников анализирует как архивные материалы, так и научные статьи, и даже газетную периодику XIX—XX вв. — все, что так или иначе касается истории изучения древнейшего прошлого Южного Урала. Принимая во внимание авторские пометки и правки, статья готовилась к обнаружению и виделась как часть большого научного труда, возможно, диссертации. По каким-то соображениям она так и не была опубликована при жизни автора, хранилась в личном архиве К.В. Сальникова, а после его кончины была передана близкими К.В. Сальникова В.С. Стоколосу.

Редакция не сочла возможным комментировать содержание рукописи и авторские оценки. При публикации было решено представить набранный вновь постранично авторский текст, сохранив его конфигурацию в авторской редакции. Кроме того, было признано целесообразным сопроводить текст оригинальными изображениями ряда страниц рукописи.

Н.Б. Виноградов

Под Южным Уралом мы будем подразумевать не только южный отрезок уральского хребта, но значительно более обширную территорию, включающую и охватывающую хребет полукольцом с востока, юга и запада степные и полустепные районы низменности. Иначе говоря террито-

¹Текст приводится в авторской редакции.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ.

Под Южным Уралом мы будем подразумевать не только южный отрезок уральского хребта, но значительно более обширную территорию, включающую и охватывающую хребет полукольцом с востока, эта и запада степные и полустепные районы низменности. Иначе говоря территория нашего исследования составляет из Челябинской, Курганской, Чкаловской областей и южной Башкирии с неизбежными отклонениями временами в сторону некоторого расширения или наоборот сужения.

Различные части Южного Урала изучены в археологическом отношении далеко не одинаково, хотя и в целом эта территория не может похвалиться большим к ней вниманием археологов. Если список лиц, ^{или}занимавшихся изучением археологии Южного Урала, содержит более семидесяти фамилий, то можно назвать всего лишь несколько исследователей, которые вели эту работу систематически на протяжении ряда лет.

Начальный период собирания и изучения древностей
Южного Урала.

Ценности археологических памятников Южного Урала и Зауралья сделались известными русскому народу ещё в XVII веке. Сохранились сведения 1669 года, что "около Исетки и в окрестности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду" I/.

I/ "Сибирские древности", вып. V, 21; цитирую по А.А.Спицыну "Сибирская коллекция этнографов". ЗОРСА РАО УдМ, вып. I, стр. 227.

Рис. 1

рия нашего исследования составляет из Челябинской, Курганской, Чкаловской областей и Южной Башкирии с неизбежными отклонениями временами в сторону некоторого расширения или наоборот сужения.

Различные части Южного Урала изучены в археологическом отношении далеко не одинаково, хотя и в целом эта территория не может похвастаться большим к ней вниманием археологов.

Если список лиц, занимавшихся изучением археологии Южного Урала, содержит более семидесяти фамилий, то можно назвать всего лишь несколько исследователей, которые вели эту работу систематически на протяжении ряда лет.

Начальный период собирания и изучения древностей Южного Урала.

Ценности археологических памятников Южного Урала и Зауралья сделались известными русскому народу еще в XVII веке. Сохранились сведения 1669 года, что «около Исети и в окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду»¹

Крупные курганы Зауралья и Западной Сибири привлекали к себе внимание любителей легкой наживы богатством своего содержания. Организовывались целые артели «бугровщиков», которые занимались добычей золотых предметов из курганов-бугров. В 1718 году бугровщики доставили в казну из раскопок близ г. Уфы серебряные и золотые предметы². В том же направлении действовали монахи Долматовского монастыря, которые в тех же целях «интересовались» древностями Зауралья. К расхищению археологических ценностей были причастны и местные власти. В 1612 году шадринский воевода направил во владения Долматовского монастыря «отставного драгуна Михаила Слободчикова да крестьянина Макара Лобова с товарищи для поиску, при вспоможении бобылей монастырских, золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей для казны государевой».

Научное направление сбору древностей пытается придать Петр I. «Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев»³. Заботился он и о сохранении предметов древности, запрещая в ряде своих приказов воеводам расхищение археологических предметов и приказывая в случае находок последних доставлять их в созданный им музей — Кунсткамеру. Петр не ограничивался простым сбором предметов древности, но предлагал фиксировать условия находки — «всему делать чертежи как что найдут»⁴.

¹ «Сибирские древности», вып. V, 21; цитирую по *Спицыну А.А.* «Сибирская коллекция Кунсткамеры». ЗОРСА РАО VIII, вып. 1, стр. 227.

² Там же, стр. 233.

³ *Сталин И.В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом.

⁴ Из собственноручной записки Петра. «Русская старина», 1872 г. т. VI, стр. 474.

Таким путем создана была знаменитая Сибирская коллекция золотых предметов украшений хранящаяся сейчас в Эрмитаже. Коллекция эта имеет ближайшее отношение к пределам Южного Урала, происходя, по-видимому, из Западной Сибири, где в степях обитали в I тысячелетии до н.э. племена одной культуры с племенами Южного Зауралья.

Но лишь участники академических экспедиций XVIII века впервые обратили внимание на древности Южного Урала с чисто научной целью. В инструкции для членов экспедиции, составленной крупнейшим русским историком XVIII века В.Н. Татищевым, в числе прочих вопросов, стояли и задачи поисков и регистрации археологических памятников. Академик П.-С. Паллас, в согласии с инструкцией В.Н. Татищева, отмечает в Оренбургских степях виденные им земляные и каменные курганы и каменные бабы.

Один из курганов, близ с. Новосергиевки Бузулукского уезда, копанный с кладоискательскими целями местными жителями, П.-С. Паллас раскопал, правда весьма примитивным способом, и обнаружил в нем следы разрушенной могилы, но разобраться в памятнике не сумел. Эти раскопки надо признать первыми раскопками на Урале, предпринятыми с научными целями.

Каменные курганы П.-С. Паллас относит к ногайцам и казахам, справедливо отмечая, что погребальные сооружения последних «еще и ныне с оными сходствуют». Наоборот, развалины кирпичных мавзолеев по его мнению «произошли от совсем другого в сей стране обитавшего старинного народа»¹.

Он подробно останавливается на описании древнего медного рудника на р. Бердянке близ г. Чкалова, упоминает о находке в нем слитков меди, плавильных горшков и костей задавленных первобытных рудокопов². Ученые XVIII века искали на Урале в первую очередь руды. Вот почему из их сочинений мы черпаем первые наблюдения над первобытными разработчиками меди на Южном Урале, которые местные жители, а вслед за ними и исследователи приписывали мифическому народу «чудь». Лепехин перечисляет ряд чудских рудников Южного Урала, сделавшихся ему известными. Лично познакомившись с этими памятниками, он пришел к совершенно правильному выводу о скромных, непромышленных размерах древних разработок. Чудь, — говорит он, «никогда порядочно руд не добывали, но лазя под землей на подобие кротов, отковыривали

¹ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи ч. I Сиб. 1773 г. стр. 333.

² Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I, 1768–1769 гг.

лучшую руду кабаньими клыками, почему мне кажется, что тщетно прилагают старание те, которые ищут примет бывших в сих местах плавильных заводов»¹. И.И. Лепехин предполагал, что чудь добывала и «высокие металлы».

П.И. Рычков еще раньше установил, что рудники русских заводов в большинстве представляли собой продолжение древних разработок, «по которым довольно означается, что древние здешних мест обитатели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время великие и сильные имели промыслы». П.И. Рычков при определении даты этих рудников исходил не из молвы народной, а решил этот вопрос в результате стратиграфических наблюдений, то есть подошел к памятнику, как подлинный археолог. «Самые те копи, — говорит он, — и находящиеся в них разные вещи доказывают, что оные горные промыслы и доставание руд были прежде нашествия татар, ибо сверху нынешних рудников на несколько аршин находящаяся наносная земля довольно подтверждает, что та работа в давние времена происходила»².

Вопросы истории древней обитателей России занимали умы передовых людей XVIII века. А.Н. Радищев, будучи в сибирской ссылке, не только обратил внимание на многочисленные и разнообразные археологические памятники, но и правильно их оценил, как важный исторический источник для восстановления прошлого коренных сибирских народов³.

Все перечисленные работы по своему содержанию археологические относятся к тому времени, когда ни в России, ни в Западной Европе еще не сложилась археология как самостоятельная наука со своими особыми целями и задачами, со своими методами исследования.

Археологическая наука выделяется в самостоятельную дисциплину к середине XIX века, хотя научные общества, в круг деятельности входили и археологические исследования, возникают еще раньше — в течение первой половины XIX века, как например Общество истории и древностей российских при Московском университете, подобные общества в Одессе, Риге и других городах, а также музеи на юге, в районах, где и без систематических исследований, только в порядке сбора случайных находок накопились значительные коллекции древностей преимущественно из античных городов Северного Причерноморья. Интерес к древностям юга объясняется и общеполитической направленностью России еще

¹ «Дневные записки академика и медицины доктора *Ивана Лепехина* по разным провинциям Российского государства в 1770 году», СПб., 1802.

² *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1889 г., стр. 376.

³ *Окладников А.П.* А.Н. Радищев и археология Сибири. Известия АН — СССР, серия истории и философии, т. VI № 5 / 1949 г./, стр. 451.

с XVIII века и эффективностью местных древностей, что удовлетворяло коллекционерские интересы дворянской знати. В отличие от XVIII века первая половина XIX века не отмечена археологическим изучением археологии Урала. Уральские памятники старины остаются вне поля зрения представителей формирующейся русской археологической науки. Аристократы – любители древности все свое внимание сосредотачивали как в этот период, так и позднее на юге, где царские курганы скифов дарили их драгоценными произведениями греческого ювелирного искусства, а величественные развалины античных городов на Черноморском побережье поражали их воображение.

На середину XIX века падает возникновение в России центральных научных организаций и обществ, ставящих своей задачей изучение древностей, исследование археологических памятников.

В 1846 г. в Петербурге организовалось Русское археологическое общество по своему составу чисто-аристократическое, в котором к тому же тон задавала придворная знать иностранного происхождения, вплоть до того, что в течение сорока лет издания общества печатались только на западноевропейских языках. Русские издания общества появляются лишь с 1886 г.

Интересы членов общества были сосредоточены на поисках эффективных изделий ювелирного искусства античных мастеров, уникалов, которые могли украсить их частные коллекции. В лучшем случае создавались искусствоведческие исследования. Задачи использования археологических материалов как исторических источников даже не ставились.

В 1859 году создается центральный правительственный орган, ведавший вопросами археологического изучения России – Археологическая комиссия. Археология и в это время была занятием богатых именитых бездельников, наукой аристократической, не случайно Археологическая комиссия числилась по ведомству Министерства Двора.

Но именитыми членами Археологической комиссии не исчерпывается состав деятелей молодой русской археологической науки. Поднимающийся, развивающийся новый общественный класс России – буржуазия включается в археологические исследования. Число представителей буржуазии и интеллигенции, выступающих на страницах археологических изданий с результатами своих исследований, с каждым годом росло. Будучи центральным археологическим органом в царской России, Археологическая комиссия, при всех своих недостатках, все же сыграла огромную роль в деле накопления археологических материалов путем организации раскопок и наблюдения за археологическими исследованиями на территории России, кем бы они не велись. Ежегодно издававшиеся отчеты Комиссии, содержащие краткие сведения о результатах археологических раскопок и находках, 66 выпусков «Известий» Комис-

сии и архив комиссии, в котором отложились отчеты всех исследователей, служат важнейшими источниками для изучения древнейших периодов истории народов нашей страны.

В 1864 г. формируется Московское археологическое общество, выросшее из кружка любителей древности, группировавшихся вокруг графа А.С. Уварова. В истории археологического изучения России этому обществу принадлежит весьма крупная роль. Московское археологическое общество, будучи по составу основной массы членов, также аристократическим, все же отразило наступление новых капиталистических отношений. В его состав получили доступ и представители мелкобуржуазной интеллигенции. Новое общество ставит перед собой патриотические задачи – «воскрешать далекое неизвестное прошлое дорогого отечества» (постраничной ссылки нет). Общество стремится сплотить вокруг себя все организации и одиночек, занимающихся изучением археологических памятников. В этом деле большую роль сыграли периодически организуемые обществом археологические съезды, первый из которых состоялся в 1869 году.

Для восточных районов страны и, в частности, для Урала большое значение имел IV археологический съезд, происходивший в 1877 году в Казани. Докладами о древностях Восточной России он привлек к себе внимание местной интеллигенции и возбудил интерес к изучению далекого прошлого этих районов России. Следствием IV археологического съезда была организация в 1878 году Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, которое многие годы являлось центром изучения истории многонациональных восточных областей. «Известия» общества содержат статьи, многие из которых не утратили своего значения до наших дней.

Первые исследователи археологии Южного Урала

Хотя на памятники древности на Урале обращено было внимание еще в XVIII веке, но ни о научной методике, ни о ясных целях их изучения в то время еще не могло быть речи. Впрочем, надо отдать справедливость, что в отличие от последующего времени, когда археология оказалась монополизированной аристократами-дилетантами, ученые XVIII века – В.Н. Татищев, П.С. Паллас искали в археологических памятниках не уникамы, а делали попытки определить этническую принадлежность их.

Интерес к древностям возросший к середине XIX века среди аристократических кругов русского общества, превратил археологию в «науку для богатых», отдалил ее от науки в сравнении с ее положением в XVIII веке. Дилетантизм, возвращенный в дворянско-аристократической среде, примитивизм требований к археологии, типичный для этой среды на заре русской археологической науки, настолько укоренился, что перешел по наследству и к последующим поколениям археологов. Взгляд, что физи-

кой, математикой, ботаникой могут заниматься только специалисты, а за археологические исследования может браться всякий, что для проведения археологических раскопок якобы не требуется специальной подготовки, с трудом изживается еще и в наши дни.

Что касается Урала, то в первой половине XIX века на нем прекратились и те немногие исследования археологического значения, которые мы видели в трудах академических экспедиций XVIII века.

Дворянско-аристократическая археология не получила своего отражения на Урале. Он был включен в изучение в области археологии позднее, когда на сцену выступили представители буржуазии, а на местах — разночинная интеллигенция.

Создание центральных археологических учреждений и организаций никак не стимулировало первое время археологические исследования Южного Урала. Здесь первые шаги изучения археологических памятников предпринимают по собственной инициативе отдельные любители старины из числа преимущественно чиновничества разных рангов и разночинной интеллигенции.

Первым археологом-любителем, проводившим полевые исследования на Южном Урале, надо признать А.Н. Зырянова. Он не имел никакой подготовки, но, будучи человеком любознательным, вырос до уровня солидного краеведа того времени. Работая волостным писарем в Шадринском уезде, он близко познакомился с археологическими памятниками этой части Пермской губернии, ряд из них, начиная с 1860 г., он описал, а несколько курганов у с. Замараева, с. Широковского, с. Долматова подверг раскопкам.

Особенно крупные раскопки им были проведены в 1866, 1867 и 1870 гг. у с. Замараева¹. А.Н. Зырянов не ограничивался описаниями памятников, но пытался делать и исторические выводы, чем его подход

¹ Зырянов А.Н. Несколько слов о курганах в Шадринском уезде Пермской губ. Пермские губернские ведомости, 1860; *его же* — Мурзинская гора и окопы на ней, Пермский сборник, кн. II, отд. IV, стр. 21–22, М., 1860 г.; *его же* — Курганы села Замараевского Шадринского уезда, Пермской губернии. Известия археологического общества т. IV, Спб., 1863; *его же* — Городище близ деревни Мыльниковой Шадринского уезда Пермской губернии; там же; *его же* — Замараевские курганы в Шадринском уезде. Пермские губернские ведомости, 1870 № 9; *его же* — Раскопка курганов близ села Замараевского Шадринского уезда, Пермские губернские ведомости, 1871 г. № 92; *его же* — Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них, Записки УОЛЕ, т. VII, вып. 3, Екатеринбург, 1881 г.; *его же* — Курганы и городища, Пермские губернские ведомости, 1882 г. № 40; *его же* — Еще о курганах и городищах, Пермские губернские ведомости, 1882 г., № 46; *его же* — Еще о курганах, Пермские губернские ведомости, 1884 г. № 33.

к источникам выгодно отличается от задач, которые ставили перед собой дилетанты-археологи из среды аристократов того времени. Исходя из местной истории, он курганы относил к погребениям «финского племени или монгольского периода, охватывавшего Зауральский край до 16 века», причем крупные курганы рассматривал как погребения людей «именитых и родовых», а мелкие относил к «беднякам, рядовым и голытьбе»¹.

Видя в городищах «какую-то оборону, бережь, охрану и окрепу», А.Н. Зырянов некоторые из них, например, Мыльниковское, относил к укреплениям татар или чуди, но тут же оговаривался: «Впрочем без предварительного разрытия его и ознакомления с его внутренностью, могущему сохранять в себе какие-нибудь древние вещи, определить значение и время его существования трудно»².

К концу 1850-х гг. относятся раскопки по поручению Русского Географического общества нескольких крупных курганов при впадении р. Течи в р. Исеть священником Тихоном Успенским. Никаких признаков погребений и вещей он обнаружить не сумел³.

В горной полосе Южного Урала несколько позднее А.Н. Зырянова проводит археологические обследования Р. Г. Игнатьев⁴ — член Уфим-

¹ Зырянов А. Н. — Курганы и городища Шадринского уезда Пермской губернии и находки в них. Записки УОЛЕ, т. VII, вып. 3, Екатеринбург, 1881 г.

² Зырянов А. Н. Городище близ деревни Мыльниковой Шадринского уезда Пермской губ. Известия археологического общества, т. IV, Спб., 1863 г.

³ Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда. Пермский сборник, кн. I, отд. IV, стр. 5 — 6.

⁴ Игнатьев Р. Г. — Чудской городок в Челябинском уезде. Оренбургские губернские ведомости 1865 г., № 40; *он же* — Курганы в Приуральских местах Оренбургской губернии, Оренбургские губернские ведомости 1865 г. № № 43, 45, 47, 48, 49; *он же* — Древности села Таловского в Челябинском уезде, Оренбургские губернские ведомости 1868 г. № 7—8; *он же* — Исторические заметки о чудских племенах, населявших северо-восточную часть нынешней Оренбургской губернии, Оренбургские губернские ведомости 1868 г. № 47; *он же* — Археологические находки в курганах Миасских золотых приисков, Сборник стат., историч. и археол. сведений по бывшей Оренбургской и ныне Уфимской губернии, Уфа, 1868 г.; *он же* — Курганы и городища Оренбургского края, Труды I Археологического съезда, т. I, 1871 г.; *он же* — Памятники древности в Курганском округе Тобольской губернии, Тобольские губернские ведомости 1873 г. № 18—25; Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Справочная книжка Уфимск. губ., Уфа, 1883 г., стр. 348 — 349; *он же* — Курганы и городища Оренбургской губ., Известия археологической комиссии, вып. 5, Спб., 1903 г. См. также статьи в Уфимских губернских ведомостях и адрес-календарь Уфимск. губ. за 1873 и 1883 гг.

ского и Оренбургского Губернских статистических комитетов. В 1865 году он совместно с управляющим Миасскими золотыми промыслами горным инженером Романовским и инженерами Редикорцевым и Колобовым произвел первые на Южном Урале научные раскопки. В этом году было раскопано 7 курганов на горах Кавелиной и Кискановой в Троицком уезде близ Мулданаевского рудника на реках Убала и Атлян. В 1867 году им был раскопан курган на территории города Уфы, а в 1868 году осмотрено городище близ деревни Улькунды в Златоустовском уезде.

Научный интерес Р. Г. Игнатьева не замыкался горными районами. Им раскопано 30 ям от землянок в теперешней Курганской области на месте «Чудской деревни» близ с. Таловского (Юргамышский район). Раскопками обнаружены на большой глубине очаги и керамика. На юге современной Челябинской области он обследовал средневековый мавзолей у ст. Тамерлан.

Р. Г. Игнатьев был первым археологом, который предпринял составление археологической карты Уфимской и части Оренбургской губернии и опубликовал обширные списки известных ему памятников Южного Урала. В основном Р. Г. Игнатьев ограничивается простой регистрацией памятников, отмечая, что народ приписывает их чуди, а иногда татарам и ногайцам, причем, чудскими они, по его мнению, именуются потому, что народ не признает их своими, и относит к народу чужому. Лишь раскопанные им в 1865 году курганы, по его мнению, «указывают на принадлежность этих памятников племенам скифским».

Оживление археологических исследований на Южном Урале в конце XIX столетия

В круг интересов центральных научных учреждений памятники древности Урала введены были теми же пионерами археологического изучения Урала. А.Н. Зырянов знакомит научный мир с рядом уральских памятников в своих заметках. Уже на I археологическом съезде стоял доклад уральского археолога – члена Уфимского губернского Статистического Комитета Р.Г. Игнатьева «Курганы и городища Оренбургского края». Но в широких масштабах центральными научными организациями обращено было внимание на археологию Урала лишь с конца 1870-х годов.

В порядке подготовки к организуемой в 1879 году Обществом любителей Естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете антропологической выставки, антропологом Н.Ю. Зографом, в 1878 году была предпринята поездка на Урал и в Зауралье. Во время антропологических исследований им были изучены некоторые памятники древности, главным образом в целях получения ископаемого антропологического материала. Он осмотрел пещеры на Исети и Синаре, много

внимания уделит открытым А.Н. Зыряновым курганам в районе с. Замараева. На мысу за Бутырской околицей села им был раскопан один большой и 69 маленьких курганов¹. Кроме погребения с круглодонными сосудами в большом кургане его внимание привлекло большое число встреченных в насыпи костей домашних животных, частично обожженных, в чем он видел следы жертвоприношений, и масса черепков².

Столь же бедными находками оказались два других крупных кургана, раскопанных Н.Ю. Зографом: один в урочище Червоток у с. Замараево, а другой на городище между деревнями Максимовой и Коротковой. Оба эти пункта, как и первый, были известны А.Н. Зырянову, который на Червотоке зарегистрировал 11 курганов, а на городище — 18 и указал их Н.Ю. Зографу. Мелкие курганы содержали предметы вооружения, конского снаряжения и украшения, а также следы одежды эпохи средневековья. Н.Ю. Зографом применялась разная методика при исследовании этих курганов: крупные раскапывались при помощи траншей, раскопка мелких велась на снос³.

Организация Антропологической выставки привела к опубликованию И.С. Поляковым коллекции каменных орудий, собранных в 1870-х годах в Курганском округе местным чиновником П.И. Пузик⁴.

На западном склоне (Южного — *Н.В.*) Урала, работа, аналогичная исследованиям Н. Ю. Зографа, проведена была Ф. Д. Нефедовым, который на территории Башкирии обследовал ряд городищ и курганов. На Антропологической выставке 1879 года фигурировали его коллекции из Абызовского⁵ на р. Белой: оселок, каменное пряслице, кости лошади, а также керамика с узором из крупных ямок или пересекающихся под углом линий из разных городищ и курганов⁶.

¹ Отчет о состоянии и деятельности Общества в 1888—1889 гг. «Древности», т. XIII. Протоколы, стр. 112 — 113.

² Исследования автора в 1940 и 1946 году на мысе, где производил раскопки *Н. Ю. Зограф*, обнаружено и изучено андроновское селище, за счет культурного слоя которого и надо относить находки в насыпи кургана. См.: *Сальников К.С.* «Замараевское селище». Первое Уральское археологическое совещание, Молотов, 1948 год.

³ *Зограф Н. Ю.* Раскопки курганов Шадринского уезда. «Антропологическая выставка 1879 года», т. II и т. III, ч. I.

⁴ Известия ОЛЕАЭ при Московском университете, т. XXXI и т. XXXV.

⁵ «Антропологическая выставка 1879 г.», т. III, вып. I, стр. 87 — 94. Известия ОЛЕАЭ при Московском университете, т. XXXV, вып. I, Москва, 1879 г. По-видимому, городище Кара-Абыз.

⁶ «Антропологическая выставка 1879 г.», т. III, ч. 2, Известия ОЛЕАЭ при Московском университете, т. XXXV, ч. 2, 1879 — 1880 гг.

Большая роль в дальнейшем развитии археологического изучения Урала принадлежит Московскому археологическому обществу. Отражая интересы русской буржуазии, заинтересованной в освоении отдаленных районов страны, Московское археологическое общество предпринимает крупные по тому времени исследования на востоке русских владений. Оно добивается от правительства даже специальных ассигнований на эти цели и издает специальные выпуски «Материалов по археологии восточных губерний России», в которых значительное место принадлежит древностям Урала и Приуралья.

«Изучение этих восточных, сибирских и приуральских доисторических древностей может представлять не меньшее значение и интерес, чем соответственных древностей Южной России и Кавказа, с которыми при том они выказывают некоторое родство и сходство», — говорится в предисловии к выпуску I «Материалов по археологии восточных губерний России».

Приступая к выполнению описанных задач, в 1887 году по поручению Московского археологического общества в лесной и лесостепной полосе провели археологические обследования профессор Московского университета Д.Н. Анучин и Ф.А. Уваров. В частности, на Южном Урале и в Зауралье они совместно обследовали три городища на озерах близ города Кыштыма, которые дали костяные и керамические изделия. Раскопки у озера Багаряк и близ «Городка» в окрестностях Кыштыма «не привели к удовлетворительным результатам». Интересны их открытия следов древних плавлен близ Полевского и Северского заводов. В окрестностях последнего, на Караульной горе, ими добыты путем раскопок много бронзовых птицевидных изображений. Ф.А. Уваров помимо того самостоятельно побывал в более южных районах — в Камышловском и Шадринском уездах, где произвел раскопки у с. Рыбниковского, у д. Чекоровой и у с. Замараевского. Всего им раскопано 12 курганов. Исследователи отмечают фрагментарное состояние находок в курганах и малочисленность их¹.

В те же годы — в 1887 и 1888 годах, в Южном Приуралье (по р. Уралу от станции Верхне-Озерной до г. Соль-Илецка, а также в бывшем Бузулукском уезде) вел в крупных масштабах археологические исследования по поручению также Московского археологического общества Ф.Д. Нефедов². Им зарегистрировано до 1000 памятников, раскопано до 150 курга-

¹ Отчет о деятельности Московского археологического общества за 1887—1888 годы. «Древности», т. XIII, стр. 13—14.

² Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 годов. Материалы по археологии восточных губерний России т. III. Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества в 1888—1889 гг., «Древности», т. XIII. Протоколы, стр. 114.

нов. Ф.Д. Нефедов выгодно выделяется из числа других исследователей уральской археологии своего времени тем, что пытается делать обобщения. «На основании добытых при исследованиях данных и народных преданий» часть раскопанных курганов он относит к скифскому времени, другую — к более позднему, ссылаясь на находку в одном из погребений бухарских монет X века.

Приведенные датировки двух категорий курганов не вызывают возражений, но им не замечены, не выделены из общей массы наиболее ранние погребения, относящиеся к эпохе бронзы, материалы которых имеются среди коллекций, добытых Ф.Д. Нефедовым. Ф.Д. Нефедов не смог оторваться от сведений письменных источников и народных преданий в области определения племенной или этнической принадлежности памятников древности Южного Приуралья. Он ищет тут геродотовых исседонов, аргипшеев, массагетов, как наиболее древних обитателей, рассматривая их как разновидности племен скифских. Для эпохи средневековья предполагает встретить здесь памятники хазар, башкир, татар, монгол, болгар, и, наконец, казахов. Признает он за исторически существовавший и народ чудь. Поэтому более ранних первобытных обитателей, о которых отсутствуют какие-либо письменные источники, не ищет, а может быть, и не предполагает.

Что касается методики полевых исследований, то, исходя из темпов его раскопок, надо предполагать раскопку маленькими колодцами на центре курганов. Так, в 1887 г. за пять дней (с 29/VI по 3/VII) он раскопал в Илецком уезде 5 курганов большой высоты до 2–3 метров, у деревни Пчельник за три дня — 7 курганов. Это давало ему коллекции, костяки, но не могло обеспечить полноту наблюдений, полноту исследования памятника.

В среднем Зауралье в 1889 году по поручению Археологической комиссии Э.Ю. Петри обследовал с производством раскопок средневековый кирпичный мавзолей у пос. Варна¹.

В 90-х годах прошлого (XIX — Н.В.) столетия в лесостепном Зауралье в течение четырех лет, с 1892 по 1895 год, вел систематические исследования московский археолог В.Г. Дружинин², поставивший (так в тексте — Н.В.) раскопки на городищах на берегу озер Иртяш и Большая Нанюга близ г. Кыштыма и близ д. Муслюмовой Кунашакского района Челябинской области. Возле последней деревни им раскопано два кургана и место случайной находки золотых вещей позднесарматского типа. Никаких выводов и обобщений В.Г. Дружинин даже и не пытался делать³.

¹ Отчет археологической комиссии за 1889 год.

² Отчеты Археологической комиссии за 1892, 1893, 1894, 1895 гг.

³ *Heikel A. Antiquites de la Siberia occidentale. Memoires de la Societe finno-ougrienne VI. Helsinki, 1894. — Pp. 87–108.*

Памятники лесостепного Зауралья привлекают в это время внимание и зарубежных исследователей. Член финно-угорского общества в Гельсингфорсе А. Гейкель просил в 1893 году у Археологической Комиссии разрешения произвести раскопки известного крупного кургана у д. Курганской близ г. Кургана. Археологической комиссией ему в этой просьбе было отказано, а разрешены раскопки небольших курганов близ той же деревни. Два кургана А. Гейкелем и были раскопаны, давшие андроновские погребения¹.

Научные общества Урала и начальный период их деятельности в области археологии

Представителями центральных организаций не исчерпывается список исследователей археологии Южного Урала, работавших в конце XIX столетия. На этот период падает организация на Урале ряда научных обществ, которые в круг своих интересов включают и археологию. Вокруг этих обществ группируются местные культурные силы, местные любители-археологи.

В 1870 году в Екатеринбурге возникает Уральское общество любителей естествознания, в 1880-х годах в Оренбурге (Чкалове) организуется Оренбургская ученая архивная Комиссия. Обе организации сдали музеи с большими археологическими коллекциями. В состав членов первого в начальный период его деятельности входили, оставившие значительный след в истории археологического изучения Урала, в том числе отчасти и Южного, — М. В. Малахов, Д. Н. Мамин (Сибиряк) и другие. Среди членов второй организации появляются люди, которые вышли за пределы изучения архивов. Впрочем, археологическая деятельность последних относится в основном уже к XX столетию.

В 1880-х годах горным инженером Ф. Ю. Гебауэром обследовано несколько пещер на р. Пышме, а в одной из них, у села Сухой Лог, им были произведены и раскопки, обнаружившие культурный слой довольно раннего времени². В 1884 (?) году им исследовано, путем закладки траншеи, городище на берегу р. Кунары близ с. Кашинского. Основываясь на бедности культурного слоя, Ф. Ю. Гебауэр приходит к выводу, что городище служило не поселением, а временным убежищем соседних поселений чуди³.

В 1880, 1881, 1882 годах крупные разнохарактерные обследования ведет на Урале член Русского Географического общества и Уральского

¹ Архив ИИМК, д. № 60 за 1893 г.

² *Гебауэр Ф.Ю.* Заметка о некоторых костеносных пещерах на берегах р. Пышмы. Горный журнал, 1880 г., т. II, стр. 76–83.

³ *Гебауэр Ф.Ю.* Заметка о Кашинском чудском городище. Записки УОЛЕ, т. XI, в. I, 1887 г.

Общества любителей естествознания М. В. Малахов. Частично его работы охватили и Южный Урал. В верховьях р. Миасса им открыта и обследована пещера со следами обитания первобытного человека¹. В том же районе он по собственным наблюдениям и со слов горного инженера В. И. Редикорцева сообщает о ряде древних рудников. В поисках «чудских» рудников, о которых упоминают экспедиции XVIII века, он обследовал реку Багаряк. В опубликованных им работах он по данным архива Златоустовских горных заводов ввел в известность много древних рудников, открытых русскими горнопромышленниками XVIII века. В Смоленской пещере на р. Исети им найдены «следы кратковременного пребывания человека»². На озере Багаряк М. В. Малахов раскопал курганы, давшие железные, бронзовые и костяные изделия³.

М. В. Малахова надо признать самым крупным местным исследователем конца прошлого (XIX — *Н.В.*) столетия. Его не удовлетворяла простая регистрация фактов. Он стремится создать археологическую хронологию, выделить несколько последовательных эпох, через которые прошли древние племена Среднего Зауралья.

В частности, считая, что уральские племена самостоятельно открыли металлы по самородкам и рудам и широко их разрабатывали, М. В. Малахов выделяет особую «эпоху чудских копей». Южному Уралу он уделил меньше внимания, но и в отношении этих районов ставит вопрос о том, в какой связи находятся памятники древности с башкирами и приходит к выводу, что башкиры не являются аборигенами Южного Урала. Это мнение он обосновывает тем, что на Южном Урале много памятников «доисторических» — курганов и копей, относимых к чуди. О том же говорит топонимика, не связанная с башкирским языком. Чудь он не считает, видимо, исторической народностью, так как в дальнейшем на основании разнообразия памятников древности делает вывод, что это является доказательством, что до башкир здесь обитали многие оседлые и кочевые народы, сменявшие друг друга.

На конец 1889-х годов падает наиболее интенсивная деятельность в области археологии Д. Н. Мамина-Сибиряка, состоявшего членом-корреспондентом Московского археологического общества. Основное его внимание было привлечено памятниками Среднего Зауралья, но частич-

¹ Малахов М.В. Доисторические времена на Уральских горах. Записки УОЛЕ, т. XXVII, 1908 г.

² Малахов М.В. О доисторических эпохах на Урале. Записки УОЛЕ, т. XI, вып. I, 1887 г.

³ Отчет Русского географического общества за 1881 г., Спб., 1882 г., I стр. 37. «Екатеринбургская неделя», 1882 г., № 36.

но им обследованы и древности Южного Урала. В 1888 году он совершил поездку по Южному Уралу, обследовал группу курганов близ поселка Кидыш (ныне Колхозного района Челябинской области) при слиянии рек Кидыш и Уй. Один курган из этой группы он раскопал, но ничего в нем не обнаружив, по-видимому, вследствие несовершенства методики раскопок. Раскопка велась им шурфом слишком малых размеров 1 × 2 аршина. Будучи близко знаком со стоянками района Свердловска, где маленький шурф дает немало находок, Д.Н. Мамин-Сибиряк подошел с той же меркой к кургану — памятнику, для него совершенно новому, требующему совсем иной методики исследования. Во время той же поездки он видел на золотом прииске Балбук к югу от г. Миасса у любителя-археолога М.А. Веселова хорошую коллекцию бронзовых изделий — ножи, копья, стрелы и т.п., собранных последним при работах на приисках.

Обследование бассейна рек Пышмы и Исети, осмотр и сборы на берегах Ирбитского озера, богатого находками древних предметов, произведенные Д.Н. Маминым-Сибиряком в 1888 и 1889 годах, имеют непосредственное отношение к археологии Южного Урала.

Если полевая деятельность Д.Н. Мамина-Сибиряка на Южном Урале была незначительной, то ему, как археологу, делает честь попытка сделать некоторые обобщения и выводы из своих наблюдений над уральскими памятниками. Им правильно подмечено бросающееся в глаза различие памятников Среднего Урала и Зауралья, с одной стороны, и Южного Урала — с другой. В первом случае прямо на поверхности «почти около каждого озера можно найти следы доисторических стоянок». В отличие от Среднего Урала, по его словам, Южный Урал является в археологическом отношении «терра инкогнита». Он именует его «страной могил и курганов», отмечая отсутствие древних поселений. Отсюда им делается вывод, что Южный Урал был населен исключительно кочевниками¹.

Полная неизученность археологии Южного Урала в то время и перенесение обстановки недавнего исторического прошлого в отдаленные эпохи привели Д.Н. Мамина-Сибиряка, при правильной фиксации фактов, к ошибочным частично выводам. Оседлость не была чужда первобытным обитателям Южного Урала на определенном этапе исторического развития, хотя в более позднее время здесь действительно преобладает кочевой образ жизни.

¹ Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества в 1888—1889 гг. «Древности», т. XIII, протоколы.

Мамин Д. Н. Археологическая поездка по Уралу. «Древности», т. XIV, вып. I, протоколы. *Мамин Д. Н.* Отчет по археологическим раскопкам за 1889 год «Древности», т. XV, вып. II, протоколы.

К 1880-м годам относятся сборы археологических коллекций в районе г. Миасса ссыльного поляка К.А. Шишковского, которым опубликованы первые сведения о стоянке на озере Кысы-Куль¹. Его заметка представляет образец дилетантского переноса на нашу почву практики западноевропейской археологии. По аналогии, видимо, с датскими кеккен-меддингами, он называет стоянку на озере Кысы-Куль «кухонными кучами», утверждая, что последние заключены в черноземной «насыпи». Проведенная автором (К.В. Сальниковым — *Н.В.*) на Кысыкульской стоянке в 1937 году раскопка установила, что никакой «насыпи» и «кухонных куч» здесь нет, что памятник представляет собою обычную стоянку эпохи уральского энеолита².

В последнем десятилетии XIX столетия начинается археологическая деятельность Оренбургских исследователей, в большинстве группирующихся вокруг Оренбургской ученой архивной комиссии. В 1889 году курган скифо-сарматского времени раскопан между р. Сакмарой и Губерлинскими горами в Орском уезде П.С. Назаровым³. В 1897 г. председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А.В. Попов произвел раскопки также сарматских курганов в окрестностях г. Чкалова (современного Оренбурга — *ред.*)⁴.

Ни представители центральных организаций, ни члены местных научных обществ, производившие на Южном Урале полевые исследования, не пытались делать на основании добытого материала широких исторических обобщений и выводов. В этом направлении проявил инициативу томский ученый В.М. Флоринский, пришедший к курьезным выводам, что курганы Западной Сибири и Южного Приуралья оставлены первобытными славянами, что «исконной родиной русских славян была Западная Сибирь»⁵.

¹ *Шишковский К. А.* Заметка о доисторических древностях в Южном Урале. Записки УОЛЕ т. VII вып. 4;

Шишковский К. А. Остатки каменного века на восточном склоне Урала. Известия Русского географического общества, т. XX, вып. 3, стр. 35–356, Спб., 1884 г.

² *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952 г., стр. 33–34.

³ *Харузин А.* Курган, раскопанный П.С. Назаровым в Орском уезде Оренбургской губернии. Известия ОЛЕАЭ при Московском университете, т. LXVIII; труды антропологического отделения, т. XII, вып. 8, 1890 г., стр. 298–302.

⁴ *Попов А. В.* — Дневник раскопок, произведенных летом 1897 года. Труды ОУАК, вып. IV.

⁵ Известия географического общества, т. XVIII, вып. 2, 1882 г. *В.М. Флоринский.* Первобытные славяне.

Изучение памятников Южного Урала в начале XX века

В предыдущий период археологией Южного Урала занимались преимущественно приезжавшие из центра такие видные исследователи, как Ф.Д. Нефедов, В.Г. Дружинин, Д.Н. Анучин. Они производили раскопки в крупных масштабах, а местные археологи, как правило любители без специальной подготовки, в большинстве исследования вели в очень скромных размерах.

С начала XX столетия значительно расширяется деятельность в области археологии местных научных организаций. По-прежнему центром археологического изучения Южного Урала остаются для Южного Приуралья – Оренбургская Ученая Архивная Комиссия (так в тексте – *ред.*), для Зауралья – Уральское общество любителей естествознания, и по-прежнему самым отстающим участком остается западное Приуралье и, собственно, Южный Урал, т.е. территория Башкирии.

В отличие от предыдущего периода все археологические работы на Южном Урале в начале XX века сосредоточены были в руках местных исследователей, объединяемых в основном двумя указанными выше научными организациями. Редкие имена центральных археологов тонут среди большого числа местных работников. В изучение археологии Южного Урала включаются представители различных слоев населения. Участие некоторых из них ограничивается сообщением сведений о памятниках или доставкой интересных находок. Но наравне с ними в ряде пунктов Южного Урала выдвигаются достаточно крупные для того времени исследователи.

В числе членов Уральского Общества любителей естествознания и примыкающих к обществу исследователей в этот период мы видим не только археологов-любителей, но и людей, имеющих специальное археологическое образование: В.Я. Толмачева, В.П. Бирюкова, Ю.П. Аргентовского, Н.К. Минко. Трудом первых трех открыто и обследовано большое количество памятников по среднему течению р. Исети и ее притокам Синаре, Караболке, Багаряку, Миассу.

Н.К. Минко детально обследовал более южные районы Зауралья – окрестности города Челябинска.

Его деятельность падает на 1906–1911 годы, когда он, будучи связан службой в качестве чиновника Челябинского переселенческого управления, отдавал в летние месяцы все свободное время археологическому обследованию окрестностей города Челябинска. Н.К. Минко первый ввел в научный оборот древности этого района и доказал богатство его археологическими памятниками. Им зарегистрировано свыше 1000 курганов на ограниченной сравнительно территории – радиусом 20–25 км вокруг города. К сожалению, составлявшая им археологическая карта этого района не сохранилась. За пять лет своей интенсивной археологи-

ческой деятельности в районе Челябинска Н.К. Минко раскопал свыше 100 курганов¹. Хотя опубликована лишь незначительная часть результатов его исследований², но чрезвычайно добросовестно и подробно составленные им отчеты о раскопках 1907, 1908 и 1909 гг.³, хранящиеся в архиве ИИМК, дают полную возможность составить представление и о характере его исследовательских приемов и о типе изученных памятников. Н.К. Минко всегда отмечал точно географическое положение памятника, размеры кургана и могильной ямы, точно фиксировал место находки, глубину залегания и взаимное расположение предметов в кургане, положение и размеры костяков, то есть вел раскопки на уровне методики полевых исследований своего времени, чем далеко не все его современники могли похвалиться. Его отчеты сопровождаются подробным описанием всех найденных вещей, их фотографий, текст хорошо увязан с иллюстрациями.

Поэтому его архив вполне может рассматриваться как полноценный источник для изучения исследованных им раскопками эпох. Для многих предметов Н.К. Минко старался найти аналогии в археологической литературе, с которой он был хорошо знаком. Из сохранившейся переписки его с О.Е. Клером⁴, который считался на Урале авторитетом в области археологии, видно, что последний ничем не мог помочь Минко в деле определения археологических материалов. Наоборот, Н.К. Минко сам делился с ним своими выводами, основанными на хорошем знакомстве с археологической литературой. Он собирался опубликовать «Материалы по археологии Приуралья» на основе своих раскопок⁵, чему не суждено было осуществиться, где получили бы отражение его взгляды на историческую значимость изученных им памятников. Но уже в 1908 году он создает классификацию памятников Причелябинского района, разбив 60 раскопанных им к тому времени курганов на несколько типов⁶.

1. Небольшие насыпи с мелкими могилами, обложенными плахами, камнем или плитами. В них трупосожжение или перемешанные

¹ Дурьлин С. Н. Н.К. Минко /Краткая биография/. Сборник материалов по изучению Челябинского округа, кн. I, Челябинск, 1927 г.

² Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губ. в 1906 г. Записки УОЛЕ т. XXVI. Отчет Археологической комиссии за 1909 – 1910 гг., стр. 192–193.

³ Архив ИИМК, д. № 219 за 1904 г., д. № 63 за 1909 г.

⁴ СОГА, фонд О. Е. Клера

⁵ Письмо О. Е. Клеру от 13/II-07 г.

⁶ Письмо к И. А. Кастанье от 1/XI-1908 г. И.А. Кастанье. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Труды ОУАК т. XXII.

кости. Курганы всегда объединены в большие группы по берегам озер.

2. Погребения со скорченными костяками.

3. Два кургана с глубокими (до 2 м) могилами с предметами из меди и кости. Возле черепа справа грубо выточенные из камня чашки.

4. Погребения в бересте только с железными предметами.

5. Одну группу памятников с коллективными могилами Н.К. Минко сравнивает с погребениями Томского могильника (Записки РАО т. XI).

Один из курганов Н.К. Минко раскопан совместно с Гатцуком¹.

Немало труда вложил в начале XX века в изучение древостей лесостепного Зауралья Ю.П. Аргентовский, в особенности в районе г. Шадринска. В фондах Шадринского музея хранится ряд коллекций из его сборов, главным образом, с дюн и городищ по р. Исети. Такой широко распространенный в районе среднего течения р. Исети вид археологических памятников, как дюнные поселения, до сих пор специально никем не изучался. Тем ценнее делается первая публикация подобного памятника, находящегося у дер. Могилевой, сделанная Ю.П. Аргентовским². В этой статье он дает общую характеристику археологических памятников Шадринского уезда, упоминает несколько курганов и городищ и подробно останавливается на находках на Могилевских дюнах, сделанных им в 1908–1910 гг. Он не ограничивается простым описанием сборов на дюнах, но разбивает их на шесть хронологических групп с эпохи бронзы до золотоордынского времени, правильно отмечая разновременность культурных отложений на дюнах. Ю.П. Аргентовским неоднократно обследовалось известное Мыльниковское городище близ г. Шадринска, на котором он путем разреза траншеей подробно изучил строение вала и рва, а по соседству с городищем открыл неукрепленное поселение, отнесенное им по керамике ко времени городища³.

Он принимал также участие в обследованиях В.Я. Толмачева по рекам Синаре и Караболке и раскопал в 1911 году группу курганов андроновской культуры близ г. Петропавловска на севере Казахстана⁴.

Среди исследователей археологии Южного Зауралья Ю.П. Аргентовский ближе других подошел к требованиям современной ему археологической науки. Он проявил себя подлинным археологом, выделив на осно-

¹ *Мирико Н. К.* Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губ. в 1908 г.

Коллекция Эрмитажа. Архив ИИМК, д. 219 за 1904 г.

² *Аргентовский Ю. П.* Археологические находки в дюнах близ д. Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда. Записки УОЛЕ, т. XXXI, вып. I, стр. 31–43. 1.

³ Архив ИИМК, дело № 160 за 1912 г.

⁴ Отчет Археологической комиссии за 1911 год.

ве тщательного анализа состава находок на дюнах у дер. Могилевой ряд хронологических групп предметов. При этом он опирался исключительно на находки, как вещественный исторический источник, а не пытался по-дилетантски, гадательно и без достаточных оснований искать творцов найденных предметов среди предков местных народов.

Бирюков В.П. вел обширные систематические археологические разведки с 1910 по 1930 год по среднему течению реки Исети и по ее притокам Синара, Багаряк, Теча, Миасс, а также по р. Пышме в районе г. Камышлова и некоторым озерам лесостепного Зауралья: Шаблиш, Огневское, Кабанское и др. Им собраны в этом районе большие коллекции, главным образом, керамики, которые составили вместе с материалами из сборов Аргентовского, Кузьминых и других значительные археологические фонды Шадринского Краеведческого музея.

В дооктябрьский период В.П. Бирюков раскопал несколько курганов у с. Долговского на р. Миассе, у с. Широковского на р. Суварыш, у с. Бакланского на р. Миассе. Особенно продуктивны были его работы в нижнем течении Миасса, где он открыл ряд памятников и исследовал детский бескурганый могильник у села Бакланского, курганы скифо-сарматского времени на «острове» близ д. Барсуковой и богатые разновременными находками дюны «Татарский бор» возле той же деревни. В.П. Бирюкову принадлежит первая попытка наметить последовательные ступени развития древнего общества в Приисетском крае. Им правильно подмечено на основании находок бронзовых серпов знакомство племен эпохи бронзы лесостепного Зауралья с земледелием, а по находкам шлаков и литейных форм установлено высокое развитие медно-бронзовой металлургии. Правильно указывая на аналогию ряда предметов с р. Исети с изделиями скифо-сарматского мира северного Причерноморья, В.П. Бирюков все же ищет среди создателей археологических памятников древнюю югру (венгров) и предков татар и башкир¹.

Самым крупным и наиболее подготовленным исследователем археологических памятников Среднего (Урала — *ред.*) и северной (лесостепной) полосы Южного Зауралья был **В.Я. Толмачев**. Его деятельность протекала в течение 20 лет: с 1898 по 1917 г. им был задуман капитальный труд «Древности Восточного Урала». Материалы для этого труда собирались в течение 20 лет различными путями. Поскольку литературные источники в его время были чрезвычайно бедны и малочисленны, он, помимо из-

¹ *Бирюков В. П.* Природа и население Шадринского округа Уральской области. Раздел «Древнейшие обитатели». Шадринск, 1926. *Он же* — Из личных археологических разведок, произведенных в разных местах Урала и Приуралья с 1910 по 1930 г. Первое Уральское археологическое совещание, Молотов, 1948 г.

данных памятников, использовал собрания почти исчерпывающе всех музеев и частных лиц, где хранились коллекции с Восточного склона Урала; регистрировал сведения о случайных находках и сборах любителей археологии и местных исследователей, но главным образом производил личные разведочные обследования, а также в ряде пунктов и небольшие раскопки.

Им были привлечены и сфотографированы материалы музеев: Эрмитажа (Ленинград), Исторического (Москва), Горного института (Ленинград), Академии наук (видимо, современного МАЭ), УОЛЕ (Свердловск), Томского, Кыштымского, Сысертского и частных собраний археологов, краеведов и любителей археологии: Аргентовского, Бирюкова, Клера, Кузьминых, Лисаневича, Мамина-Сибиряка, Наумова, Первушина, Попова¹.

Наиболее систематические разведочные обследования в Южном Зауралье им проводились в течение многих лет в лесостепной полосе — в бассейне реки Синары: почти по всему течению этой реки и ее притоков Караболка и Багаряк, за исключением верховьев их, а также по среднему течению р. Исети. В 1910 г. он обследовал городища у села Катайского на р. Исети.

Эти работы велись им как по личной инициативе, так и по поручению Археологической комиссии.

В 1914 г. по поручению Археологической комиссии, в связи с железнодорожным строительством, им была обследована большая территория в том же бассейне и по нижнему течению р. Миасса², а в 1917 г. он повторил разведку по среднему течению р. Исети.

В 1910 г. им регистрировались памятники в ряде районов бывш. Оренбургской губернии. Раскопки его носили скромный характер. В 1910 году он исследовал два кургана эпохи бронзы у с. Александровки в окрестностях гор. Бугуруслана³, в 1911 году — два кургана у д. Серковой на западном берегу озера Маян и один на берегу р. Синары к югу от озера Байнауш⁴, в 1913 году на р. Синаре: на Каменногорском городище и на селище «Чесноковская пашня»⁵; в 1914 году — одно погребение в детском могильнике у с. Бакланского в низовьях р. Миасс, ранее исследованном В.П. Бирюковым (см. выше), где по соседству открыл андроновское поселение⁶. Лишь не-

¹ Негативы хранятся в фотоархиве ИИМК, в Ленинграде. Девель Т. М. Обзорение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры, «Советская археология». XII, М.; Л., 1950 г., стр. 322.

² Архив ИИМК, д. 290 за 1914 г.

³ Толмачев В. Я. Раскопки и разведки 1910 г. ИАК, вып. 53.

⁴ ОАК за 1911 г. и архив ИИМК д. 108 за 1911 г.

⁵ Архив ИИМК, д. 359 за 1913 г.

⁶ ОАК за 1913—1915 г., стр. 173—175 и архив ИИМК, д. 351 за 1914 г.

значительная доля сведений о зарегистрированных, обследованных и изученных В.Я. Толмачевым памятниках увидела свет. Остальная масса сведений составила интересный, содержательный фонд, хранящийся в Свердловском областном государственном архиве. Среди материалов этого фонда имеются и сводные, подготовленные к печати работы В.Я. Толмачева, характеризующие древности Южного Зауралья: 1) «Курганы и городища в окрестностях г. Шадринска Пермской губернии, Спб., 1902», использованные А.А. Спициным¹; 2) «Остатки древнейшей культуры в районе Екатеринбургского уезда Пермской губ.»; 3) «Курганы, городища и стоянки в бассейне р. Синары Екатеринбургского уезда, Пермской губернии».

Из широко задуманной публикации «Древности Восточного Урала», для которой к 1912 году – моменту составления первого выпуска, им было нанесено на карту более 400 памятников, вышли из печати только три выпуска. Первый из этих выпусков знакомит с рядом памятников Южного Зауралья². Но как этот выпуск, так и два следующих, а также неопубликованные очерки В.Я. Толмачева, дают лишь сырой фактический материал, чистое описание памятников и находок. Никаких попыток сделать обобщения, хотя бы группировку памятников по культурам или по эпохам, не говоря уже о исторических выводах, им не предпринимается. И это не случайно. Несмотря на свою солидную подготовку, В.Я. Толмачев – действительный член Петербургского Археологического института, член УОЛЕ, член Оренбургской Ученой архивной комиссии – не находит «прочных оснований для определения времени и происхождения многих ценностей»³. В области хотя бы попыток исторических обобщений он отстает от Ю. Аргентовского и В.П. Бирюкова.

Деятельность прочих многочисленных любителей археологии этого периода достойна упоминания лишь постольку, поскольку ими составлены, иногда немалые, коллекции археологических предметов. Внимание со стороны Уральского Общества любителей естествознания к вопросам археологии, активная деятельность его членов – квалифицированных археологов В.Я. Толмачева, В.П. Бирюкова, Ю.П. Аргентовского способствовала привлечению к археологическим исследованиям ряда любителей. Одни из них на протяжении ряда лет систематически производили сборы древностей, а подчас занимались и раскопками, другие, столкнувшись с археологическими памятниками, доводили о них сведения Общества и доставляли находки в его музей.

¹ Спицин А. А. Зауральские древние городища, ЗРОРАО, т. VIII, вып. I, 1906 г.

² Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала, вып. I, ЗУОЛЕ, XXXII, вып. 2, Екатеринбург, 1913 г.

³ Там же, стр. 197.

никах увидели свет. Остальная масса сведений составила интересный, содормательный фонд, хранящийся в Свердловском областном государственном архиве. Среди материалов этого фонда имеются и своиые подготовленные к печати работы В.А.Толмачёва, характеризующие древности Южного Зауралья: 1/ "Курганы и городища в окрестностях г.Магнитска Пермской губернии, Спб, 1902 г.", использованные А.А.Спициным 1/, 2/ "Остатки древнейшей культуры в районе Екатеринбургского уезда Пермской губ.", 3/ "Курганы, городища и столбики в бассейне р.Синары Екатеринбургского уезда, Пермской губернии".

Из широко задуманной публикации "Древности Восточного Урала", для которой к 1912 году - моменту составления первого выпуска им было нанесено на карту более 400 памятников, вышли из печати только три выпуска. Первый из этих выпусков знакомит с рядом памятников Южного Зауралья 2/. Но как этот выпуск, так и два следующих, а также неопубликованные очерки В.А.Толмачёва, дают лишь сырой фактический материал, чистое описание памятников и находок. Никаких попыток сделать обобщения, хотя бы группировку памятников по культурам или по эпохам, не говоря уже о исторических выводах, им не предпринимается. И это не случайно. Несмотря на свою солидную подготовку, В.А.Толмачёв - действительный член Петербургского Археологического института, член УОЛЕ, член Оренбургской

1/ А.А.Спицин, Зауральские древние городища, ЗРОМО, т.VIII, вып.1, 1903г.

2/ В.А.Толмачёв, Древности Восточного Урала, вып.1, УОЛЕ, XXXII, вып.2, Екатеринбург, 1913 г.

Значительные обследования произведены в окрестностях с. Катайского на р. Исети сыном местного купца П.Ф. Первушиным. Начиная с 1893 года по 1916 год он произвел раскопки ряда курганов у деревень Савина, Околинишникова, а также на трех городищах у с. Ильинского, собрал коллекции кремневых изделий и керамики у «Банного лога». Результаты своих исследований он изложил в неопубликованной рукописи «Чудские городища и курганы в окрестностях с. Катайского Камышловского уезда»¹.

В 1913 году основную часть своей коллекции П.Ф. Первушин передал в музей УОЛЕ, часть предметов попала в Шадринский музей².

В те же годы в г. Камышлове занимается сбором сведений об археологических памятниках А.А. Наумов, впоследствии директор Камышловского музея. Им открыты в 1892 году писаницы на озере Аллак (Большие Аллаки — *ред.*). В архиве УОЛЕ содержится ряд сведений о других памятниках, сообщенных им. На берегу озера Большая Наного им собрана коллекция кремней и керамики³.

В Камышлове же в 1913–1914 годах археологией увлекается сын сельского врача, гимназист А.И. Попов. Им в 1913 году открыто по берегам р. Пышмы на участке от с. Курьи до устья р. Дернея пять стоянок⁴. Возле дер. Сизиковой им раскопан сарматский курган⁵.

В районе Шадринска в предоктябрьские годы (1913–1914) ведет активные сборы, главным образом на дюнах р. Исети возле д. Ильтяковой и д. Кокориной ученик Шадринского реального училища П.С. Кузьминых⁶.

Несколько памятников в районе Камышлова по р. Пышме обследовал в 1913 г. М.О. Клер, доставивший коллекцию со стоянки при впадении р. Дернея в р. Пышму, а в 1915 г. им произведены сборы керамики у д. Воткиной на р. Исети (?)⁷.

С западного берега озера Чебаркуль в 1914 году доставляют в музей УОЛЕ коллекцию керамики, литейную форму и другие вещи Б.А. Герасимов и М.Н. Герц⁸.

Среди любителей-археологов надо отметить раскопки на востоке бывшего Челябинского уезда священников Инфантьевых Александра и Ильи. Один из них вел раскопки у с. Редутского Каминской волости, другой у с. Еро-

¹ СОГА фонд В.Я. Толмачева.

² Фонды Шадринского музея.

³ Фонды Свердловского Обл. Музея.

⁴ СОГА, фонд Толмачева.

⁵ Коллекция Свердловского Обл. Музея.

⁶ СОГА, фонд Толмачева; коллекции Шадринского музея.

⁷ СОГА, фонд Толмачева; коллекции Шадринского музея.

⁸ Коллекции Свердловского Обл. Музея.

хина Кипельской волости¹. Последний в окрестностях с. Ерохино (ныне Юргамышский район Курганской области) раскопал все курганы. Результаты и судьба найденных предметов не известны. На основании внешнего осмотра курганов со следами раскопок Инфантьева и доследования одного из них автором, можно думать, что курганы относятся к сарматскому времени².

С дюн у с. Усть-Миасского, подобных могилевским, большие коллекции доставил в Шадринский и Свердловский (тогда УОЛЕ) музеи К.П. Архангельский из своих сборов с 1890 года по 1907³.

В районе г. Миасса помимо Шишковского в конце XIX столетия ряд стоянок с изделиями из камня исследовано Боголюбским Н.С., Веселовым М. А.⁴ и Соколовым В. Д.⁵, единственным следом работ которых являются небольшие коллекции из их сборов, хранящиеся в Историческом музее.

Позднее в горах Южного Урала были произведены, к сожалению очень скромные по объему и по результатам, обследования специалистами-археологами. С.П. Руденко собрал керамику у с. Ураза⁶, П.П. Ефименко в 1907 году ознакомился со стоянками неолитического типа на озерах Южного Урала⁷, В.В. Гольмстен в 1915 г. произвела небольшие раскопки на озере Иткуль⁸.

В музей УОЛЕ поступали отдельные археологические предметы и коллекции, случайно обнаруженные во время различных земляных работ. В 1893 г. в музей сданы костяк и вещи из сарматского кургана у д. Ванюши, найденные на 32 версте к востоку от Челябинска при проведении линии железной дороги⁹. В 1905 г. крестьянин с. Воскресенского И.Ф. Кожевников доставил в музей 18 слитков меди в форме чаш, которые он выпахал на поле между с. Воскресенским и озером Карагуз¹⁰. В 1911 г. от Д.Н. Некрасова поступил сарматский сосуд, найденный возле д. Воротниковой на р. Исети¹¹.

¹ *Кастанье И. А.* Древности киргизской степи и Оренбургского края, стр. 31 – 32; ОАК за 1900 и 1901 гг.

² *Сальников К. В.* Отчет о работах Юргамышской археологической экспедиции, 1937 г. Научный архив Челябинского музея.

³ Свердловский Обл. Гос. архив, фонд *Толмачева В.Я.*, папка 9, лл. 64 – 67.

⁴ Фонды ГИМ, инв. №№ 44719, 44720.

⁵ Фонды Гим, инв. № 44750; Археологические известия и заметки т. IV, 1896, стр. 406; Городцов В. А. Обзор важнейших памятников Исторического музея. Доисторический отдел. 1883–1908 гг.

⁶ Гос. Эрмитаж, коллекция № 338.

⁷ Архив ИИМК, д. № 50 за 1907 г. Гос. Эрмитаж, коллекция № 365.

⁸ Фонды ГИМ, инв. № 49507.

⁹ Каталог Музея УОЛЕ, колл. № 18.

¹⁰ Фонды Свердловского Обл. Музея, кн. пост. 624 и 647.

¹¹ Фонды Свердловского Обл. Музея.

Некоторые интересные коллекции впоследствии передавались в центральные музеи. Такова судьба коллекции из 10 бронзовых фигурок воинов, найденных при пахоте крестьянином В.М. Говорухиным в 1900 г. у д. Сапоговой¹.

В Южном Приуралье в начале XX века более крупные масштабы принимает в области археологии деятельность Оренбургской архивной комиссии. Ряд связанных с Оренбургской Ученой архивной комиссией краеведов, не занимаясь специально археологическими исследованиями, сообщает Комиссии об известных им, встречающихся при служебных разъездах, курганов, как например, Д.Н. Соколов², М.Л. Юдин³, а И.С. Шукшинцев еще в 1900 году составляет сводку всех сведений о курганах⁴. Нередки случаи порчи курганов местными жителями с целью добычи древесного угля, например, в окрестностях пос. Атамановского Наследницкой станицы (ныне Брединский район Челябинской области), как было установлено Оренбургской Ученой Архивной Комиссией, разрушено таким путем до 50 курганов⁵. представители сельской интеллигенции предпринимали раскопки курганов по собственной инициативе из любопытства⁶. Комиссия регистрировала все такие случаи, а по возможности и предпринимала шаги к получению найденных предметов в музей Комиссии.

Некоторые члены Оренбургской Ученой Архивной Комиссии: А.В. Попов, П.С. Назаров, А.Л. Аниховский, И.А. Кастанье вели систематические археологические раскопки. А.Л. Аниховский исследовал в 1902 г. начатый копаться кладоискателями курган у пос. Красногорского близ г. Чкалова, но изучение памятника до конца не довел, погребения не обнаружил⁷. Им открыты и исследованы курганы и могильники в Кустанайском уезде — в районе до него археологами не посещавшимся. Им раскопано несколько курганов также в Актюбинском уезде⁸.

¹ Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала. Записки УОЛЕ т. XXXII, вып. 2.

² Соколов Д. Н. Из поездок по степи (наблюдения и заметки), Труды ОУАК, вып. XIX; Соколов Д. Следы древней могилы в Уральском уезде, Труды ОУАК, вып. XXXIII.

³ Юдин М. Л. Заметки о курганах, Труды ОУАК, вып. IV.

⁴ Шукшинцев И. С. сведения о курганах Оренбургской губернии, Труды ОУАК, вып. VI.

⁵ Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края, Труды ОУАК, вып. XXII.

⁶ Труды ОУАК, вып. XXIX, стр. 221–225 (раскопки П. Филиппева у с. Ново-Алексеевка, Ташлинского района Чкаловской области); Труды ОУАК вып. XXIII стр. 303–304 (раскопки учителч Черноскутова курганов у с. Сухомесова близ Челябинска).

⁷ Аниховский А. Раскопка кургана в пос. Красногорском. Труды ОУАК, вып. XVI.

⁸ Аниховский А. Л. Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области. Труды ОУАК, вып. XIV. Аниховский А. Л. раскопка древних курганов-могильников в Актюбинском уезде. Труды ОУАК, вып. XIV.

П.С. Назарову принадлежит честь открытия древнейшего памятника Южного Приуралья — стоянки каменного века у дер. Идельбаевой на р. Губерле к северо-западу от г. Орска; находка на стоянке вместе с кремневыми орудиями костей северного оленя и вымерших видов быка делает возможным отнесение памятника к палеолиту¹. К сожалению, ни находки со стоянки не сохранились, ни более подробных данных об условиях их залегания не имеется. Им же предпринимается одним из первых исследование с археологическими целями пещер у пос. Таналыкского на р. Урале². Пещерами занимается также инженер Б.Н. Наследов³, который сообщает также сведения о курганах и каменных кольцах, виденных им в районе Орска⁴.

А.В. Попов — председатель Оренбургской Ученой архивной комиссии, начав занятия археологией в конце XIX столетия, вел и в дальнейшем систематические исследования возле г. Чкалова и в прилегающих районах Казахстана⁵. В своих дневниках и отчетах о раскопках он очень добросовестно описывает весь ход работ, и этим обычно ограничивается, не делая никаких выводов на основании материалов отдельных памятников. Но, помимо публикации итогов раскопок, его перу принадлежит несколько статей, в которых он на довольно высоком для своего времени уровне разбирает некоторые предметы из музея Комиссии — каменные блюда-столики, чешуи брони и, привлекая массу аналогий из литературы, приходит к правильному выводу, что анализируемые предметы относятся к скифо-сарматскому времени. Характерно, что он категорически отказывается в творцах этих предметов — древних племенах оренбургских степей, видеть скифов, а рассматривает их лишь как племена синхроничные и однокультурные скифам. На такую точку зрения

¹ Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии за 1906/07 г., стр. 78.

² Назаров П. Таналыкские переши. Труды ОУАК, вып. XXXV.

³ Наследов Б. Н. Пещеры в известняках «Пещерной Луки», против пос. Таналыцкого, Труды ОУАК, вып. XXXV.

⁴ Труды ОУАК, вып. XXIX, стр. 221–225.

⁵ Попов А. В. Дневник раскопок, произведенных летом 1897 г. Труды ОУАК вып. IV; Попов А. В., Исследование последних курганов на Бердинской горе. Труды ОУАК, вып. XVI; Попов А. В., Несколько слов по археологии Тургайской и Уральской области, Труды ОУАК, вып. XVI; Попов А. и Кастанье И., Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и Киргизской степи, Труды ОУАК, вып. XVI; Попов А. О ложных курганах, Труды ОУАК, вып. XXIII; Попов А. О броне, хранящейся в музее Архивной Комиссии. Труды ОУАК, вып. XXIII; Попов А. Из донесений Архивн. Комис. о находках древностей. Труды ОУАК, вып. XXIX.

относительно этнической принадлежности обитателей Приуральских степей скифского времени археологи-специалисты встали лишь в советское время. А.В. Попов первый из уральских археологов своего времени подошел к памятникам материальной культуры как к историческому источнику, ожидая от них ответ а на вопрос о ранней жизни края, впрочем памятников ранее скифского времени и он не замечает. Его удивляет, что несмотря на огромное число археологических памятников в Южном Приуралье, «местные историки киргизских степей начинают всегда только с XVII–XVIII столетия, как будто бы до тех пор степи пребывали в таком хаосе, что уже не могут иметь своей истории». Археологические памятники, по его мнению, должны ответить на вопрос – «всегда ли Приуральские степи были так безотрадны и лишены всякой оседлости и бедный кочевник был лишен всяких благ культуры?». Подчеркивая высокую культуру, отраженную в степных памятниках эпохи Золотой Орды, он вполне основательно отказывается рассматривать эту культуру, как принесенную татарами-монголами, и ищет более древние ее корни: «не проникла ли иранская культура на север и северо-запад от Арала еще до монгольского нашествия, например, через Хорезм?», спрашивал он в 1904 году¹.

Другим крупным для своего времени археологом-любителем в те же годы в Оренбурге был преподаватель французского языка И.А. Кастанье². Им раскопано несколько курганов между Оренбургом и Актюбинском. Особенно интересны результаты исследования им двух курганов у с. Покровки, раскопанных с кладоискательскими целями местными жителями. Во многих местах степного Приуралья крестьяне вели раскопки крупных курганов в целях добычи из них древесного угля, который доставали возами, а иногда и в погоне за ценными вещами. Покровские курганы содержали богатые погребения с золотыми украшениями.

¹ Попов А. В. Несколько слов по археологии Тургайской и Уральской области. Труды ОУАК вып. XVI. Протокол заседания комиссии от 29 мая 1904 года.

² Кастанье И. А. Отчет об экспедиции в Актюбинский уезд летом 1904 г. Труды ОУАК, вып. XIV; Кастанье И. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г., Труды ОУАК, вып. XIX; Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края, Труды ОУАК, вып. XXII, Оренбург, 1910 г.; Кастанье И., Историко-сравнительный этюд о каменных бабах киргизских степей и России вообще в связи с каменными изваяниями Франции, Германии и прочих стран, Труды ОУАК, вып. XXII; Кастанье И. К докладу г. Попова о ложных курганах. Труды ОУАК, вып. XXIII; Кастанье И. Отчет о раскопках курганов в Актюбинском уезде летом 1909 г. Труды ОУАК, вып. XXIII; Кастанье И. Надгробные сооружения киргизских степей. Труды ОУАК, вып. XXVI; Кастанье И. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. Труды ОУАК, вып. XXIX.

Кастанье несколько занижает древность этих погребений, относя их к IV–II вв. до н.э., хотя в целом анализ найденных предметов проделан им умело. По найденной в курганах печатке из белого халцедона он прослеживает культурные связи Южного Приуралья с ахеменидской Персией.

И.А. Кастанье не ограничивался раскопками и публикацией их результатов, но предпринял крупный труд по составлению сводных работ по археологии Южного Приуралья. Его крупная работа «Древности киргизской степи и Оренбургского края» представляет собой сводку всех имевшихся к 1911 году данных о памятниках древности огромной территории, включающей и значительную часть Южного Урала. Относя курганы, городища и древние рудники к легендарной чуди, принимаемой им, как и почти всеми его современниками, за исторически существовавшее древнее население Урала и Приуралья и приводя сведения Геродота о древних народах этих мест, И.А. Кастанье первый обращает внимание на наличие на Южном Урале более ранних памятников, относящихся еще к каменному веку – стоянка у д. Идельбаевой, «кухонные кучи в Златоустовской даче»¹. Публикуя, сводя воедино тысячи памятников, И.А. Кастанье все же не решается хотя бы сделать попытку наметить последовательные этапы развития древнего общества, считая, что только «будущие исследователи будут иметь возможность точнее разобраться в вопросах археологии и этнографии наших степей». Сам же он, несмотря на приводящиеся им же свидетельства Геродота о древних народах, обитавших в районе Приуралья, несмотря на приписывание им многих древностей чуди, делает неожиданный вывод, что «население киргизских степей едва ли когда-либо резко менялось в своем этническом составе; тем менее было перемен в быте – население здесь искони веков было кочевым»², что противоречит приводящемуся им же перечню городищ.

В этом, как и во всех других работах И.А. Кастанье, претендующих на исторические обобщения и выводы, ярко проявляется буржуазный строй мышления автора. «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»³. Для определения того или иного вида местных памятников он широко привлекает аналогии из самых различных стран мира, не считаясь ни с пространством, ни с различием во времени. Такая погоня за далекими аналогиями приводит его к выводу, что каменные курганы Приуралья являются не

¹ Имеется в виду стоянка на озере Кысы-Куль.

² *Кастанье И. А.* Древности киргизской степи и Оренбургского края. Труды ОУАК, вып. XXII, стр. X.

³ *Ленин В. И.* Что такое друзья народа...

столько погребальными сооружениями, сколько священными «обо» монгольского типа, хотя сам в Актюбинской степи исследовал погребения под каменными насыпями. Тем же путем, ссылаясь на примеры из стран Западной Европы, Азии, Индии, Америки, приходит к выводу, что в Приуралье, наравне с погребальными курганами, якобы имеются сторожевые, пограничные, указатели дорог и т. п.¹

Отдельные памятники Южного Приуралья изучались и приезжими исследователями. Таким видным археологом, как П.Е. Макаренко доведены до конца раскопки кургана у пос. Красногорского, не законченные А.Л. Аниховским, и вскрыто несколько курганов на Бердинской горе, на окраине г. Оренбурга². В своих публикациях результатов раскопок П.Е. Макаренко не идет дальше описания памятника и найденных вещей и датировки последних, опираясь на известные аналогии.

К изучению археологии Южного Урала приложил свой труд один из виднейших русских археологов А.А. Спицын. Начав свою археологическую деятельность в бытность свою преподавателем истории в г. Вятке, он всю жизнь уделял немало внимания Уралу, преимущественно Прикамью, но в своих исследованиях коснулся и более южных и восточных районов. Если им не производились в этих местах полевые исследования, то он, будучи много лет штатным работником Археологической комиссии, знакомился со всеми археологическими исследованиями и случайными находками на территории России и вводил в научный оборот через публикацию много ценных памятников, в том числе и с территории Южного Урала.

Им опубликована интересная коллекция из кладоискательских раскопок крестьянином Тарасовым кургана в Крыловском хуторе Бузулукского уезда, которую он датирует скифским временем¹. А.А. Спицыным было оценено научное значение городищ Зауралья, несмотря на скромность находок на них, что является характерной чертой для его археологической деятельности. Он один из первых поднял голос против типичного для археологов из аристократической среды голого вещеведения, игнорирующего исторические выводы. «Старая археологическая русская школа, — писал он еще в 1899 году, — гоняющаяся в раскопках за одними

¹ *Кастанье И. А.* Надгробные сооружения киргизских степей. Труды ОУАК, вып. XXVI.

² *Макаренко Н.* Продолжение раскопок кургана около пос. Красногорского и др. раскопки. Труды ОУАК, вып. XVI; Отчет Археологической Комиссии за 1903 г. стр. 126–128.

³ *Спицын А. А.* Материалы по доисторической археологии России. Самарская губерния. Записки русского археологического общества т. VIII, вып. I и 2, новая серия.

предметами ради них самих, здесь, как и всюду, оставила нам плохое наследство»¹. Он не признавал не ценных археологических материалов, резко возражая против барского пренебрежения к невзрачным бытовым предметам. «Научная ценность далеко не совпадает с материальной и художественной; нельзя равнодушно смотреть на уничтожение остатков старины, и самых неказистых на вид, так как они могут иметь огромное значение»². На этом основании, когда в его руки попали описания В.Я. Толмачева ряда городищ из Зауралья, он обработал их и опубликовал³. В этой публикации он описывает не только внешний вид памятников, но подробно останавливается и на характеристике керамики, учитывая полную неизученность последней с памятников этого района. Имея в своем распоряжении весьма ограниченные данные о зауральских городищах, А. А. Спицын датировал их суммарно последними веками до нашей эры. Дальнейшие исследования показали, что к этому времени относится только часть, а не все городища. Малые размеры городищ привели А. А. Спицына к другой ошибке: он считал их обрядовыми культовыми памятниками, а не местами поселений.

В изучении памятников скифо-сарматского времени Южного Приуралья в последние предоктябрьские годы принял участие и такой крупный буржуазный исследователь, как М.И. Ростовцев – профессор Петербургского университета, академик. Не производя полевых исследований, он в 1915 году близко познакомился с относящимися к этому периоду богатыми коллекциями музея Оренбургской ученой архивной комиссии и издал капитальную работу⁴, в которой почти исчерпывающе опубликовал скифо-сарматские памятники Приуралья, в том числе, исследованные по его поручению С.И. Руденко Прохоровские курганы, давшие имя целому этапу развития сарматской культуры. На основе скрупулезного анализа вещевого материала и широких сопоставлений он первый убедительно доказал принадлежность описываемых памятников исторически известному народу – сарматам. Ростовцев был ярким сторонником реакционного крыла буржуазной науки Запада, которое считало, что прогресс культуры всецело является результатом смены отсталых племен пришлыми более культурными или результатом заимствований первыми элемен-

¹ Спицын А.А. Сопки и жалыники. Записки Русского археологич. общества, т. XI, стр. 155.

² ИАК, вып. 15, стр. 30.

³ Спицын А. А. Зауральские древние городища. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VIII, вып. I.

⁴ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР № 37, Петроград, 1918 г.

тов культуры у вторых. Свет культуры, по мнению М. И. Ростовцева, проникал на юг Восточной Европы и в Приуралье из восточных стран и в первую очередь из Ирана. Отправляясь от этих установок, он считает, что «в курганах оренбургской степи хоронились конные наездники иранского происхождения, сохранившие тесную связь со своей прежней родиной», в которых он правильно видит сарматов. Но, как типичный буржуа, переносит отношения буржуазного, классового общества в древность и видит в сарматах лишь «господствующий класс — конных рыцарей». Характерно, что «туземцами», над которыми господствовали пришлые сарматы, М. И. Ростовцев не интересуется, их памятники он не ищет и даже о них не упоминает. Приписать содержание сарматских курганов, отражающих высокую культуру, местному коренному населению он даже не делает попытки. Советские исследователи (П. Д. Рау, Б. Н. Граков, К. Ф. Самарнов) опровергли утверждения М. И. Ростовцева, доказав, что сарматы имеют глубокие местные корни.

Несмотря на то, что одни из первых археологических раскопок на Урале были произведены Р.Г. Игнатьевым на территории Башкирии, в дальнейшей исследования древностей, в особенности на юге этого района Урала, не получили своего развития. За полстолетия от времени работ *Р. Г. Игнатьева* до Великой Октябрьской социалистической революции в южной Башкирии можно указать как на крупные работы только на исследования *В. В. Гольмстен*, проводившиеся ею совместно с *Д. Н. Эдингсом* с 1909 г. по 1911 г. Наиболее содержательными оказались раскопки городища у с. Охлебнина на р. Белой, «Чертова городища» на окраине г. Уфы и могильника возле него, датирующихся началом нашей эры. Исследователь, при опубликовании результатов раскопок этого могильника, проявил себя как находившегося под влиянием миграционистских настроений. По ее мнению богатая природа Башкирии в прошлом привлекала «представителей различных народов, которые обитали здесь более или менее продолжительное время, уступая затем место другим, приходившим им на смену¹. Правда, в Башкирии крупные размеры имели раскопки *Ф. Д. Нефедова*, который в 1878 г. по поручению Комитета Антропологической выставки исследовал близ г. Уфы на улицах с. Тур-Баслы до 60 курганов, но результаты этих работ остались неопубликованными².

Прочие же работы в Южной Башкирии носили чисто эпизодический характер. В 70-х годах (XIX века — *ред.*) близ д. Ильчегулова на р. Деме Н. Ма-

¹ Гольмстен В. В. Могильник близ г. Уфы, Москва, 1913 г., стр. 1.

² Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. Материалы по археологии Восточных губерний, т. III, М., 1899 г., стр. 70.

лиевым с антропологическими целями было раскопано несколько погребений¹. Ю. Петри в 1895–1896 гг. попутно с географическими исследованиями, раскопал несколько курганов вблизи г. Стерлитамака: у хутора Ахун-Нагаево, в имении Тукаевых, на р. Кундряк в 25 км от Стерлибашева, обнаружив в них бронзовые и железные предметы, иногда при «сидячих» костях². В тех же местах (район Стерлитамак – Стерлибашево) в 1912–1913 гг. производил раскопки С. И. Руденко³, работавший по заданию Русского географического общества и Русского музея. Этим же исследователем собрана керамика на стоянке у с. Ураза⁴ и обследованы с заложением шурфов известные Лаклинская и Игнатъевская пещеры в горах Южного Урала. Раскопки С.И. Руденко при всей скромности их размеров заслуживают внимания, как первый случай изучения южно-уральских пещер с археологическими целями⁵.

Этот же исследователь в 1915 году произвел тщательное исследование сарматских курганов у с. Прохоровки, на севере Чкаловской области, на границе с Башкирией. Прохоровские курганы были раскопаны в 1911 году в поисках кладов местными крестьянами. С.И. Руденко исследовал их и восстановил нарушаемую крестьянами картину погребального ритуала. В 50 км к юго-востоку от с. Прохоровки им раскопано еще несколько курганов⁶.

В 90-е гг. (XIX века – *ред.*) где-то к югу от г. Миасса, в горах Башкирии ряд памятников обследовали М. А. Веселов, Н.С. Боголюбский и В. Д. Соколов⁷. На востоке Стерлитамакского уезда в начале 1900-х годов сообщал сведения об археологических памятниках и производил раскопки земский начальник С. Р. Минцлов⁸. В эти же годы выходят из печати два тома публикаций Бульчева Н. И.⁹ с описанием археологических коллекций Уфимского музея и некоторых частных собраний.

¹ Малеев Н. Антропологический очерк башкир, «Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. V, вып. 5, Казань, 1876 г., стр. 8–9.

² По сведениям *Остроумова И. Г.*

³ То же.

⁴ Фонды Гос. Эрмитажа, колл. № 338.

⁵ Руденко С. И. Лаклинская и Игнатъева пещеры Южного Урала. Труды Общества земледения при Петербургском университете, III, 1914 г., отд. отт.

⁶ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР № 37, Петроград, 1918 г.

⁷ «Древности», т. XVIII, протоколы, стр. 48, М., 1901 г. «Археологические известия и заметки» т. IV? 1896 г. стр. 406. Фонды ГИМ, колл. инв. № 44719, 44720, 44750.

⁸ Минцлов С. Р. Очерки Приуралья. Восточная часть Стерлитамакского уезда. Адрес-календарь Уфимской губернии и памятная книжка на 1911 г., г. Уфа, 1911 г.

⁹ Бульчев Н. И. Древности из Восточной России, вып. I – 1902 г. вып. II – 1904 г.

В частности эти издания знакомят и с материалами из раскопок Р. Г. Игнатьева.

Подводя итоги, можно сказать, что в Южном Приуралье и Южной Башкирии, впрочем, как и в Южном Зауралье в предоктябрьский период мы повсюду видим исследователей уральских древностей, которые являются типичными представителями буржуазной науки. Подавляющее большинство исследователей боится синтеза, ограничивается чистым описанием находок и наблюдений, сделанных во время раскопок. В лучшем случае вслед за описанием шло определение археологической даты исследуемого памятника, а иногда и делаются попытки отнести последний к какому-либо древнему или предкам современного народа. При этом убедительных данных в пользу того или иного народа не приводилось, заключение делалось исключительно по территориальному признаку. Немногие использовали археологические данные для решения или хотя бы постановки вопроса о характере хозяйственной деятельности и быте древнего населения Южного Урала (Д.Н. Мамин, В.П. Бирюков).

Эти вопросы, как и вопрос о социальном строе буржуазными археологами даже не ставились, так как «нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»¹.

Лишь А.В. Попов более смело выступает с призывом искать в археологических памятниках ответ об исторических судьбах уральских народов и древнего местного населения.

В вопросе об этнической принадлежности памятников проявляется два противоположных течения. Более ранние исследователи, как говорилось выше, основываясь лишь на территориальном признаке, ищут в них предков ныне живущих на Урале народов или древние народы, упоминаемые античными авторами.

Редкие, как М.В. Малахов, не надеются найти в истории имена древнего населения Урала. Он правильно считал, что племена, оставившие археологические памятники Урала в основном жили в столь древние эпохи, что оказались вне досягаемости письменных источников.

В последнее предоктябрьское время широкие исторические выводы по археологическим данным Южного Урала делаются М.И. Ростовцевым и В.В. Гольмстен. Отдавая дань своему времени, последняя примыкает к взглядам господствовавшей тогда в кругах западно-европейской науки о первобытности культурно-исторической школы. В согласии с учением этой школы разнохарактерность археологических памятников она объясняет сменой народов. Миграции рассматрива-

¹ Ленин В. И. Что такое друзья народа.

ются как некоторый двигатель культуры, во всяком случае в смене археологических культур видела смену этнического состава.

На этой же точке зрения стоит и М.И. Ростовцев, приписывая культуру приуральских сарматов пришельцам из Ирана, причем перенося отношения буржуазного общества в древность, видит в этих пришельцах «господствующий класс».

Как в целом буржуазная наука, так и ее представители занимавшиеся в дооктябрьский период изучением далекого прошлого населения Южного Урала, показали свою методологическую и методическую беспомощность и, по существу, далее накопления фактического материала, коллекций, часто очень интересных и ценных, не пошла. Их заслуга перед исторической наукой и заключается в этом, оставленном советскими ученым, богатом наследстве, отправляясь от которого их советские преемники, присоединив материалы собственных раскопок, получили возможность на базе марксистско-ленинского учения об обществе восстанавливать научно полноценную древнюю историю народов Южного Урала.

Археологические исследования на Южном Урале в советский период

Первое десятилетие советского периода характеризуется мощным краеведческим движением, почти во всех городах создаются краеведческие общества, организуется много новых музеев. Эти организации превращаются, в частности, в центры изучения далекого прошлого края, ими предпринимаются поиски, регистрация и раскопки археологических памятников.

Правда, результаты работы археологов-краеведов, как правило, выражаются только в пополнении музейных фондов новыми, иногда весьма ценными коллекциями. Публикуются они очень редко. Поэтому предпринятая Г.В. Вахрушевым сводка сведений о памятниках древности Башкирии выглядит очень скудно¹. Впрочем, эта сводка вполне характеризует отставание Башкирии в области археологического изучения в сравнении с другими районами Урала даже и в советский период.

В 1920–1921 гг. систематические исследования в Башкирии ведет Стерлитамакский музей. Его экспедиции под руководством М.С. Смирнова провели разведочное исследование по нижнему течению р. Малый Кизыл, по верхнему течению р. Сакмары и в районе городов Стерлитамак и Белорецк. Обследованиями выявлен ряд памятников, главным образом курганов, часть которых подверглась раскопкам: пять курганов у

¹ Вахрушев Г.В. Памятники природы и искусства Башкирии. Башкирский краеведческий сборник. № 1, Уфа, 1926 г.

хут. Веселого, близ д. Аючина (24 км к ЮЮЗ от Стерлитамака), по одному кургану у д. Абаимовой и Туишевой на р. М. Кизыл, у с. Ивановского на р. Сакмаре и у с. Аллагуват на р. Белой. Раскопка велась обычным для того времени методом — колодцем на центре, составлялись чертежи, велся дневник, производились точные промеры. Кроме того М. С. Смирновым раскопаны башкирские могилы на старинном мусульманском кладбище XVII — XVIII века у дер. Серменево на р. Белой близ г. Белорецка, не давшие никаких предметов. К сожалению, почти все материалы М. С. Смирнова утрачены после его смерти в 1921 г.

Преемником М. С. Смирнова в деле изучения археологии Башкирии является научный сотрудник Башкирского музея М.И. Касьянов, проработавший в музее с 1921 г. более 20 лет. Не имея специальной подготовки, будучи типичным краеведом-самоучкой, М.И. Касьянов не мог вести крупных раскопок, но как большой энтузиаст-археолог, почти ежегодно производил археологические разведки, сопровождающиеся иногда шурфовкой и небольшими раскопками. В результате его трудов Башкирский музей располагает интересными коллекциями, в том числе и из южных районов республики. М. И. Касьяновым обследованы в 1928—1929 гг. по р. Белой выше г. Уфы: городища Ак-таш близ с. Охлебнино, Верхнее Курман-тау и селище эпохи бронзы — Нижнее Курман-тау; в 1929 г. он раскопал курган Уба-тау у д. Асавбашево Аургазинского района; в том же районе им открыты древние железо-плавильные печи; в 1938 г. им исследованы стоянка и курганы у д. Чубук-Каран Бижбулякского района¹.

В районе г. Белорецка вел археологические обследования директор Белорецкого музея и председатель Белорецкого краеведческого общества М. Ф. Чурко. Им в 1926 и 1927 г. зарегистрирован ряд памятников: курганы, камни с надписями, древние башкирские могилы с оградками из камней². В более южных районах Зауральской Башкирии собраны сведения о памятниках по р. Сакмаре и Таналык геологом Н. Б. Кякшто³. В районе г. Златоуста в 1927—1929 гг. вел археологические исследования самостоятельно и в качестве участника экспедиции Академии наук А. В. Шмидта директор Златоустовского музея М.Ф. Шестопапов⁴.

¹ Кошневский Б. А., Итоги археологического изучения Башкирской АССР. Историко-археологический сборник, М., 1948 г. Архив ИИМК, д. 229 за 1929 г. Фонды Центрального музея Башкирии.

² Архив ИИМК, д. 196 за 1926 г. и д. 134 за 1927 г.

³ Кякшто Н. Б. Каменные памятники степной Башкирии. Проблемы истории материальной культуры, 1933 г. № 7 — 8, стр. 79.

⁴ Архив ИИМК, д. 127 за 1927 г.; д. 197 за 1929 г.

По среднему течению р. Белой, в районе г. Стерлитамака археологические сборы проводит в течение 30 лет стерлитамакский краевед, директор музея П.Х. Михайлов. В 1929 г. в Баймакском районе произвел ненаучные раскопки учитель Попков¹.

Более солидный след в изучении археологии Башкирии и Южного Урала в целом оставили работы А.В. Шмидта. Основная полевая деятельность этого исследователя протекала в Прикамье.

Интересующие нас районы были задеты лишь работами 1927 года, когда А.В. Шмидт руководил экспедицией Музея Антропологии и этнографии Академии наук², которая вела исследования на восточном склоне Урала в районе г. Златоуста и на северо-западе зауральской лесостепи в Покровском районе Свердловской области. В первом районе А.В. Шмидтом была проведена разведка по рекам Ай, Куваш, Черная, Сунгурка. Между г. Златоустом и Верхнеуральском у с. Кизнекей Тангатаровской волости Тамьяно-Катайского кантона Башкирской АССР им были раскопаны три небольших кургана, содержащих погребения воинов-кочевников IX века н.э., а на р. Черной близ д. Куваши Саткинского района Челябинской области на старинном башкирском кладбище XVII–XVIII веков, погребения без вещей в могилах, окруженных оградками из камней. В Покровском районе им обследованы в окрестностях с. Сосновского пункты находок бронзовых изделий на озере Островистом и в урочище «Могильцы», а также произведены небольшие раскопки на озере Березовом. Из работ 1927 г. А.В. Шмидт вынес впечатление о чрезвычайной бедности нагорных районов Урала на обследованном участке археологическими памятниками.

Основываясь на опыте нескольких лет исследований на Урале, А.В. Шмидт приходит к выводу, что нельзя историю башкирского народа ограничивать несколькими столетиями, от которых сохранились письменные сведения. Хотя он и разделяет мнение, что башкиры – пришлый на Урале народ, но, опираясь на наличие археологических памятников древности, высказывает предположение что «современные башкиры являются составной народностью, в образовании которой, наравне с основным турецким (тюркским – *ред.*) этническим элементом, участвовали и древние обитатели страны»³.

¹ Фонды Центрального музея Башкирии.

² Шмидт А. В. Археологические исследования Академии наук СССР на Урале. «Уральское краеведение», вып. 1, Свердловск, 1927 г., стр. 93–94.

Шмидт А. В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. Проблемы истории материальной культуры, 1933 г. № 9–10. Архив ИИМК, д. 127 за 1927 г.

³ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929 г., стр. 3.

Еще более крупные размеры имели исследования Уфимской археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры, которые велись в 1934 г. под руководством П.А. Дмитриева в степных районах Башкирии. Исследования экспедиции надо признать самыми крупными в этом районе после работ В.В. Гольмстен. Уфимская экспедиция была организована в связи со строительством железнодорожной линии Уфа-Ишимбай в целях изучения памятников, которые могут пострадать в процессе земляных работ. Трасса строившейся железной дороги обследовалась с постановкой местами раскопок двумя отрядами экспедиции: северным под руководством П.А. Дмитриева и южным под руководством К.В. Сальникова¹. Обнаружено 45 курганов, составляющих 11 групп, 6 поселений и 3 могильника. Обследованные памятники относятся к различным периодам: от эпохи бронзы до чувашского кладбища VIII века. На ряде памятников были поставлены раскопки. Наиболее интересными оказались: селище у с. Красный Яр на мысу Баланбаш, относящееся к абашевской культуре эпохи бронзы, впервые обнаруженной в Приуралье и курган у с. Кишки, содержащий сарматские погребения.

В последующие годы археологические работы в Южной Башкирии в течение ряда лет ограничиваются небольшими обследованиями (М.И. Касьянов), учетом памятников и составлением археологической карты. Последняя работа произволилась Б.А. Коишевским совместно с временно жившими в Уфе работниками Института археологии Украинской Академии наук Е.Ф. Логадовской и Д.И. Блительдом².

С 194... г. (так в тексте — *ред.*) изучением археологических памятников занимается научный сотрудник Центрального музея Башкирии Р.Б. Ахмеров. Им ведется регистрация памятников и обследование мест обнаружения предметов древности при различных земляных работах. Им обследованы памятники эпохи бронзы: селище у с. Ибракаева Стерлибашевского района, место находки клада бронзовых орудий у горы Куш-тау на берегу р. Белой в Макаровском районе, погребения VI–VII веков на территории г. Уфы, могильник конца I тыс. н.э. на строительной площадке на северной окраине г. Стерлитамака³.

¹ Дмитриев П. А. и Сальников К. В. Краткий отчет о работах Уфимской экспедиции. «Археологические исследования в РСФСР» 1934–1936 гг., Ленинград, 1941 г.

² Коишевский Б. А. Указ. соч.

³ Ахмеров Р. Б. Древние погребения в г. Уфе. Краткие сообщения ИИМК XXV; он же — Новые археологические находки в Башкирии, Краткие сообщения ИИМК, XXXIX; он же — Уфимские погребения VI — VIII вв. н.э.; Краткие сообщения ИИМК, XL; он же — Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным, «Советская этнография», 1952 г., № 3.

Среди исследователей археологии Башкирии надо отметить засветский период краеведа П.Ф. Ищерикова. Им опубликованы материалы из обнаруженных во время земляных работ аланских погребений на окраине г. Стерлитамака¹, а также ведутся в течение многих лет наблюдения и производятся обследования обнаруживаемых также во время земляных работ погребений аланского типа на территории г. Уфы и популяризируются через местную печать древности Башкирии.

После Великой Октябрьской социалистической революции археологические исследования в Зауральской части Южного Урала пошли по иному руслу, чем в дореволюционный период. Вместо отдельных исследователей, выступавших за собственный страх и риск, нередко проводивших полевые исследования на собственные средства, здесь, как и на территории Башкирии, создаются в губернских, а позднее в окружных и областных центрах, краеведческие общества и музеи. Центрами изучения археологии Южного Зауралья делаются краеведческие музеи Челябинска, Шадринска, Кургана. До 1929 года продолжало свою деятельность Уральское общество любителей естествознания.

Вынужденный в дооктябрьское время собранные им богатейшие археологические коллекции хранить у себя на дому, В.П. Бирюков теперь получил возможность организовать в г. Шадринске краеведческий музей. В этот музей более 10 лет и после Октября он продолжал собирать древности из районов среднего течения р. Исети, создав редкие для провинциального небольшого центра собрания археологических материалов, которые достаточно полно отражают процесс исторического развития местных древних племен². Позднее в своей многогранной краеведческой деятельности, переключившись в основном на исследования уральского фольклорного творчества, В.П. Бирюков на многие годы отошел от работы в области археологии. С 1948 г. начинается второй период его археологической деятельности, когда он по приглашению Челябинского и Магнитогорского музеев снова ежегодно уделяет некоторое время полевым исследованиям, принимая участие в качестве начальника разведочного отряда в работах Южно-Уральской археологической экспедиции, которая организуется Уральским гос. университетом при участии Челябинского и Магнитогорского музеев.

В восточных районах лесостепного и степного Зауралья в первое десятилетие советского периода археологические исследования ведет директор Курганского краеведческого музея Н.Н. Бортвин¹. Наиболее

¹ Ищериков П. Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КС ИИМК XL VII, 1952 г.

² Фонды Шадринского краеведческого музея.

крупные работы им были проведены в 1928 году, когда он возглавлял отряд археологической экспедиции Академии наук, работавшей под руководством А.В. Шмидта. В этом году он произвел, в частности, раскопки сарматского кургана у д. Вагиной в Белорецком (так в тексте — *ред.*) районе. Его сборы при разведочных обследованиях памятников по р. Тоболу ниже г. Кургана создали коллекции Курганского музея с поселений эпохи бронзы. В своей обобщающей работе «Доисторическое прошлое Курганского округа» Н.Н. Бортвин делит памятники на три эпохи: 1. Ранне-медную пору, куда он относит все поселения; 2. Андроновскую культуру, куда относятся им небольшие курганы и 3. Железный век, представленный не исследованными крупными курганами. Причины различий памятников разных эпох он видит в изменении этнического состава населения края. Рассматривая знаменитую коллекцию золотых предметов скифского типа Петровской кунсткамеры, происходящую из Западной Сибири, он сравнивает ее со скромными находками из более поздних сарматских курганов и делает отсюда вывод, что с «приходом новых волн кочевников» происходит обеднение культуры. Из этих же ошибочных установок, рассматривающих процесс исторического развития, как воздействие на общество со стороны, проистекает и его утверждение, что воинственность племен эпохи железа связана с приручением лошади и появлением железа, которое «сделало его владельца более сильным, чем несколько отставший в своем развитии сосед».

На 1924–1925 годы падает активная деятельность в области археологии научного сотрудника Челябинского краеведческого музея С.Н. Дурьлина². Им раскопано более 20 курганов близ г. Челябинска, главным образом относящихся к эпохе бронзы, и обследована стоянка каменного века, открытая на озере Смольном краеведом И.И. Демидовым. Он первый в археологической литературе правильно относит многочисленные курганы с трупосожжением, известные в районе г. Челябинска еще по раскопкам Н.К. Минко, к эпохе бронзы, прослеживая аналогии им в Сибири, в степях Казахстана и на р. Донце. Им приведены в определенную

¹ Бортвин Н. Н. Загадочный памятник древности, «Уральская новь», 1926 г. № 1. Бортвин Н. Н. Раскопки Уральской археологической экспедиции АН в Курганском округе летом 1928 г. «Уральское краеведение», вып. II, Свердловск, 1928 г., стр. 231. Бортвин Н. Н. Доисторическое прошлое Курганского округа, «Курганский округ», вып. I, Курган, 1930 г.

² Дурьлин С. Н. Челябинские курганы, Сборник материалов по изучению Челябинского округа, кн. I, Челябинск, 1927 г.; Дурьлин С. Н. Раскопки под Челябинском, Записки УОЛЕ, т. 40, вып. 2, Свердловск, 1927 г.

систему древности Причелябинского района из личных раскопок и раскопок Н.К. Минко, установлено существование древнего населения в крае с неолита до VIII в. н.э.

После работ С.Н. Дурьлина и А.В. Шмидта (1927 г.) наступает десятилетний перерыв в археологических работах на территории Южного Зауралья. Лишь в 1928 году (так в тексте – *ред.*) С.И. Руденко, производя антропологические исследования в составе Академии наук СССР, раскопал в бывшем Аргаяшском кантоне Башкирии у деревни Нурбаковой несколько курганов с андроновскими погребениями.

Возобновляются в широких масштабах исследования с 1936 года Челябинским музеем, который с этого года приступает к систематическому изучению археологических памятников, проводя ежегодные экспедиции под руководством К.В. Сальникова, а также совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР под руководством С.Н. Бибикова.

За 1936–1940 годы экспедициями К.В. Сальникова были произведены раскопки в различных пунктах Челябинской и Курганской областей: курганов у с. Федоровки Сосновского района и на озере Алакуль у с. Пивкино Щучанского района, на энеолитической стоянке на озере Кисы-Куль в Миасском районе, на городище Чудаки у с. Горохова Юргамышского района и на андроновском селище у с. Кипель того же района¹. Тем же исследователем в 1940 году обследованы ранее известные и открыты новые памятники по берегам р. Исети от г. Шадринска до устья р. Синары.

Особые цели преследовала археологическая экспедиция под руководством С.Н. Бибикова². В ее задачу входили поиски и изучение палеолитических памятников на Южном Урале. В течение трех сезонов 1937–1939 годов С.Н. Бибикову удалось обнаружить в обрывистых берегах рек

¹ Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области, МИА I, М.; Л., 1940 г.; Сальников К. В. Три года работы на городище Чудаки, Краткие сообщения ИИМК, V, М.; Л., 1940 г.; Сальников К. В., Городище Чудаки Челябинской области по раскопкам 1937 г., «Советская археология» IX, М.; Л., 1947 г.; Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль, МИА, 24, М., 1952 г.; Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952 г.

² Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал), Краткие сообщения ИИМК, III, М.; Л., 1940 г.; Бибиков С. Н. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал), МИА II, М.; Л., 19... г. (так в тексте – *ред.*); Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, «Совет. археология», XII, М.; Л., 1950 г.; Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, «Сов. Археол.», XIII, М.; Л., 1950 г.

Юрюзань, Сим, Катав и др. свыше 40 пещер и гротов. В 30 из них были поставлены небольшие раскопки, или закладывались шурфы, позволившие открыть в 1938 году бедный культурный слой верхнепалеолитического возраста. Эти работы чрезвычайно важны, как положившие начало изучению древнейших памятников Южного Урала. Попутно С.Н. Бибиковым было открыто несколько памятников неолитической, энеолитической и более поздних эпох.

К обработке материалов С.Н. Бибикова были привлечены специалисты ряда дисциплин — геологи, палеонтологи, палеоботаники, которые определили геологические условия находок, установили природную среду, окружавшую обитателей стоянок, что сделало выводы по работам экспедиции более вескими, обоснованными и широкими. Анализируя находки на широком фоне аналогий, С.Н. Бибиков, несмотря на ограниченность полученных исследованиями данных, намечает основные вехи исторического развития древнейшего человеческого общества на Южном Урале — в одном из самых слабо изученных его районов — нагорной полосе. Им устанавливается своеобразие экономики местных племен в эпоху неолита и энеолита, своеобразие местного варианта неолитической культуры лесного Севера. Рассматривая добытый экспедицией материал в сравнении с предметами материальной культуры других областей, он доказывает, что исторический процесс — не результат механической смены одной культуры другой, вызываемый приходом новых племен, что в горах Южного Урала древние племена переходили от одного исторического этапа к другому в процессе внутреннего развития, но они не были оторваны от своих соседей, на них сказывалось и влияние соседних племен. Результаты археологических исследований С.Н. Бибикова в нагорной полосе приводят его к обоснованному выводу, что теперь «историю Башкирской АССР уже можно начинать не с эпохи бронзы, как это было до работ экспедиции ИИМК и Челябинского музея, а с палеолита и неолита».

В 1937 году научный сотрудник Челябинского музея П.В. Мещеряков обследовал и заложил небольшие шурфы на городище и селище у д. Мыльниковой близ г. Шадринска и на городище у д. Коряковой близ г. Камышлова¹, а член Челябинского краеведческого общества студент техникума В. Королев проверил состояние ряда городищ, описанных А.А. Спицыным по берегам рек Караболка и Синара, от д. Казахбаевой до д. Чайкиной. У с. Усть-Караболка им раскопано на старом башкирском кладбище детское погребение, обложенное оградкой из камней².

¹ Фонды Челябинского музея.

² Королев В. Отчет об археологических обследованиях по рекам Караболка и Синара в 1937 г. Научный архив Челябинского музея.

Значительное число курганов зарегистрировал в 1938 году в окрестностях сел Сарино, Исаево, Надыров мост Кунашакского района Челябинской области колхозный кузнец-краевед М.В. Мозжерин¹.

С конца 1930-х гг. до настоящего времени ведет в окрестностях г. Копейска и в Красноармейском районе Челябинской области регистрацию памятников и сборы на них коллекций другой краевед-колхозник С.Х. Хайрулин².

В 1947 году геолог А. П. Сигов открыл на р. Аят у пос. Асенкритовка Варненского района андроновское селище. В 1950 году научный сотрудник Шадринского музея В.П. Тимофеев обследовал ранее известное, андроновское поселение на р. Исети между деревнями Кубасова и Поротова, а в 1951 г. другое поселение с коллективным погребением неолитического типа на нем у дер. Бабарькиной Шадринского района, открытое учителем И.А. Лобановым³.

В послевоенные годы ведущей организацией в области изучения археологии Южного Урала становится Уральский государственный университет при активном и постоянном участии Челябинского и Магнитогорского музеев. Все археологические работы на Южном Урале с 1946 года ведутся Южно-Уральской археологической экспедицией, совместно организованной перечисленными научными учреждениями.

Временами Челябинский и Магнитогорский музеи выступают и как самостоятельные организаторы археологических экспедиций, также как и Свердловский и Чкаловский музеи.

Руководство археологическими исследованиями на Южном Урале осуществляют, как старые уральские исследователи: К.В. Сальников, В.П. Бирюков, так и влившиеся из других районов – Н.П. Кипарисова, А.П. Россадович, а также выросшие за последние годы молодые, начинающие работники – питомцы исторического отделения Уральского университета: В.И. Фомина и В.П. Викторов.

Руководителем Южно-Уральской археологической экспедиции К.В. Сальниковым за послевоенные годы проведены исследования в ряде пунктов Зауралья и Башкирии.

В 1946 году им были проведены раскопки андроновского селища у с. Замараева в Шадринском районе⁴.

¹ Челябинский краеведческий музей. Дело по учету памятников.

² Фонды Челябинского музея.

³ Газета «Красный Курган» от 10 июня 1951 г.

⁴ Сальников К.В. К вопросу о стадиях андроновской культуры Зауралья. «Первое Уральское археологическое совещание» г. Молотов, 1948 г.

В 1949 году продолжены раскопки городища Чудаки, в Юргамышском районе Курганской области¹; в 1950 году изучено селище абашевской культуры на р. М. Кизыл близ Магнитогорска и соседние курганы, а также произведена разведка по всему течению р. Бахты². В 1951 году работы Южно-Уральской археологической экспедиции были сосредоточены в районе гор.Стерлитамака в Башкирии, где изучалось селище Баланбаш у с. Красный Яр на р. Белой³.

В 1952 году К.В. Сальников обследовал и вел разведочные раскопки на ряде памятников в юго-восточных районах Башкирии, близ Магнитогорска и в Троицком районе Челябинской области, изучая памятники различных эпох — от неолитических стоянок до средневековых казахских мавзолеев и башкирских кочевков⁴.

Кроме работ в рамках Южно-Уральской археологической экспедиции К.В. Сальниковым произведены в те же годы исследования по поручению местных музеев. В 1947 году по поручению Свердловского краеведческого музея им были поставлены раскопки на стоянке на озере Березовом⁵, изучавшейся в 1927 году А.В. Шмидтом, в 1948 и 1949 годах он исследовал по поручению Магнитогорского музея ряд курганов эпохи бронзы, сарматского и золотоордынского времени и абашевское селище в окрестностях г. Магнитогорска⁶ и по поручению Челябинского музея — андроновское селище и курганы у с. Ново-Бурино на р. Караболке⁷, в 1951 году исследовал по поручению Челябинского музея городища и курганы близ сел Б. и М. Казахбаево на р. Караболке⁸.

Южно-Уральская археологическая экспедиция помимо раскопок ведет в широких масштабах систематические археологические разведки,

¹ Сальников К. В. Археологические исследования в Челябинской и Курганской областях. КС ИИМК, XXXVII, 1951 г.

² Сальников К. В. Южно-Уральская археологическая экспедиция КС ИИМК, XLV, 1952 г.

³ Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале (в печати).

⁴ Сальников К. В. Отчет о работах Южно-Уральской археологической экспедиции за 1952 год. Научный архив Уральского Гос. Университета.

⁵ Сальников К. В. Раскопки на озере Березовом. КС ИИМК, XXXVI.

⁶ Сальников К. В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска. КСИИМК XXXV, 1951; Сальников К. В. Сарматские погребения близ Магнитогорска, КСИИ МК XXXIV, 1951 г.

⁷ Сальников К. В. Раскопки у с. Ново-Бурино (в печати).

⁸ Сальников К. В. Отчет о работах Бурицкого отряда археологической экспедиции Челябинского обл. музея 1951 г. Научный архив Челябинского Обл. Краеведческого музея.

выявляя памятники для составления археологической карты изучаемого района и организации охраны их. Разведки проводятся отдельными отрядами экспедиции под руководством Н. П. Кипарисовой, В. И. Фоминой, В. П. Бирюкова и В. П. Викторова.

Н. П. Кипарисова провела маршрутные обследования по р. Уй от с. Уйского до г. Троицка и прилегающим участкам ее притоков (1950 г.), по р. Увельке от г. Троицка до пос. Соколовского (1951 г.), по притокам этих рек – Кидыш, Кабанка, Иматка, а также по р. Тече от с. Муслюмова до границы Челябинской области (1952 г.), выявив сотни новых разнохарактерных памятников.

Попутно с разведкой ею произведены исследования разрушающихся курганов у с. Бирюковка на р. Уй и у с. Клястицкого близ г. Троицка и шурфовка некоторых поселений андроновской культуры: Бирюковского на р. Уй и Демаринского на р. Увельке¹. В 1951 и 1952 г. Н.П. Кипарисовой заложены были небольшие разведочные раскопки на чрезвычайно интересном впервые встреченном на Южном Урале неолитическом поселении на окраине г. Чебаркуль, которое освещает новый, до сих пор неизвестный, этап в развитии племен лесной полосы Южного Урала².

В. П. Бирюков после многолетнего перерыва с 1948 года снова включился в изучение археологии Урала. В 1948 году он участвовал в раскопках К. В. Сальникова под Магнитогорском и произвел разведки в этом районе, открыв ряд курганов и поселений. В 1949 году он руководил отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции по обследованию памятников по рекам Караболка, Синара и Багаряк, позволившим установить состояние памятников известных здесь по работам еще В. Я. Толмачева и открыть ряд ранее неизвестных³. В 1951 г. В.П. Бирюков возглавлял отряд ЮУАЭ, производивший разведки по р. Миассу от с. Тургояк до г. Челябинска. Этими работами выявлены новые группы курганов и осмотрены могильники, изучавшиеся Н.К. Минко⁴.

¹ *Кипарисова Н. П.* Отчет о работах Уйского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции за 1950 год. Научный архив Челябинского Обл. музея; *Кипарисова Н. П.* Отчет о работах Увельского отряда археологической экспедиции Челябинского музея за 1951 г. Научный архив Челябинского Обл. музея; *Кипарисова Н. П.* Отчет о работах Увельско-Миасского отряда Южно-Уральской археологич. экспедиции 1952 г. Научный архив Челябинского Обл. музея.

² *Кипарисова Н. П.* Чебаркульская неолитическая стоянка (в печати).

³ *Бирюков В. П.* Дневник Буринского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1949 года. Научный архив Челябинского Обл. музея.

⁴ *Бирюков В. П.* Отчет Миасского отряда археологической экспедиции Челябинского Обл. Музея 1951 года. Научный архив Челябинского Обл. Музея.

В. И. Фомина руководила разведочным отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции, который произвел обследование р. Урала и его притоков в районе г.г. Верхнеуральска и Магнитогорска (1950 г.), реки М. Кизыл от устья до истока и реки Б. Кизыл от истока до с. Абдулмамбетово (1951 г.), р. Урала от Магнитогорска до пос. Кизыльского, р. Янгельки на всем протяжении и нижнего течения р. Б. Кизыл (1952 г.). Отрядом выявлены сотни новых памятников: курганы, андроновские селища, средневековые башкирские кочевки¹.

В 1951 году В. И. Фоминой по поручению Магнитогорского музея произведены раскопки курганов эпохи бронзы и позднесарматского времени на р. М. Кизыл и средневекового башкирского поселения на р. Урале у с. Спасского².

В. П. Викторов в составе Южно-Уральской археологической экспедиции обследовал ряд курганов в Юргамышском районе Курганской области (1949 г.), руководил разведочным отрядом, который открыл свыше двадцати новых разновременных поселений и курганов по р. Белой и ее притокам в районе г.г. Стерлитамак и Ишимбай (1951–1952 гг.)³.

А. И. Россадович по поручению Магнитогорского музея исследовала в 1952 г. несколько крупных курганов в пос. Агаповка близ г. Магнитогорска, которые содержали погребения бронзовой эпохи³.

* * *

Систематические исследования археологических памятников Южного Приуралья в советский период начались позднее, чем аналогичные

¹ Сальников К. В. Отчет о работах Южно-Уральской археологической экспедиции 1950 года. Научный архив Уральского Гос. университета.

Фомина В. И. Отчет о работах археологической экспедиции Магнитогорского музея 1951 года. Научный архив Магнитогорского Музея.

Фомина В. И. Отчет о работах Урало-Кизыльского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1952 года. Отчет ЮУАЭ 1952 года. Научный архив Уральского Гос. Университета.

Фомина В. И. Отчет о работах археологической экспедиции Магнитогорского Музея 1951 года. Научный архив Магнитогорского музея.

² Викторов В. П. Отчет о работах Стерлитамакского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1951 года. Отчет ЮУАЭ 1951 г. Научный архив Уральского Гос. университета; Викторов В. П. Отчет о работах Ишимбаевского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1952 года. Отчет ЮУАЭ 1952 года. Научный архив Уральского Гос. университета.

³ Россадович А. И. Отчет о работах археологического отряда Магнитогорского Музея. Научный архив Магнитогорского музея.

работы в Зауралье. Только с 1926 года в изучение археологии Южного Приуралья включаются квалифицированные специалисты – представители центральных археологических организаций в лице М.П. Грязнова, Б. Н. Гракова и О. А. Кривцовой-Граковой.

В 1926 году сотрудником антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР М.П. Грязновым была проведена археологическая разведка и раскопки ряда погребений эпохи бронзы и раннего железа по левым притокам р. Урала к западу от г. Орска. Его работами впервые было установлено распространение так далеко на запад андроновских погребений. Вместе с тем М.П. Грязнов своеобразие местных памятников относил за счет локальных особенностей, выделяя западный вариант андроновской культуры. Рассматривая добытый материал на широком историко-культурном фоне, он устанавливает связи со многими синхроничными культурами нашей страны, придавая дальнейшей разработке вопроса культурных связей в эпоху бронзы большое значение для решения проблем древнейшей истории. В частности, он надеялся найти следы древних культур у современного населения этого района – казахов¹.

В 1927, 1928 и 1929 годах по поручению Государственного Исторического Музея Б.Н. Граковым были проведены обширные раскопки разновременных, главным образом сарматских и позднекочевнических, курганов возле поселков Нежинка и Благословенка близ г. Чкалова². В 1930 году Б.Н. Граков руководил экспедицией Казахстанского Комитета охраны памятников старины и искусства, обследовавшей памятники по р. Ори на всем ее протяжении, во время которого раскопано в разных пунктах свыше десяти погребений андроновского и сарматского периодов³. В 1933 году он возглавлял Южно-Уральскую археологическую экспедицию, организованную ГАИМК в связи с крупными строительствами⁴. Экспедицией обследована большая площадь по берегам среднего течения реки Урал от г. Орска до пос. Уртазымского и по его прито-

¹ Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. «Казачи», Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. II, изд. АН СССР, Л., 1927.

² Граков Б.Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928 г.; *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 года, там же; *Граков В. N.* Deux tombeaux de l'ère scythique aux environs de la ville d'Orenburg, ESA, IV.

³ *Граков Б. Н.* пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947 г. № 3.

⁴ *Граков Б. Н.* Работы в районе проектируемых Южно-Уральских гидроэлектростанций. «Археологические работы на новостройках», II, М.; Л., 1935 г.

кам Орь, Суундук, Таналык, Сухая Ташля, Бурля, а также в районе Магнитогорской плотины.

Эту экспедицию надо признать, как самую крупную из числа до тех пор проводившихся на Южном Урале. Ею обследовано более 800 погребальных сооружений и несколько поселений. В 1936 году Б.Н. Граковым произведены небольшие разведочные обследования в ближайших окрестностях г. Орска.

Исследованиями Б.Н. Гракова были охвачены памятники различных эпох, но основное внимание им было уделено курганам эпохи раннего железа, которые он отнес вслед за М.И. Ростовцевым к сарматским племенам. В отличие от последнего, считавшего сарматов господствующим классом, Б.Н. Граков, опираясь на свои раскопки могил рядового населения, в то время как М.И. Ростовцев имел дело с богатыми погребениями, считает, что «приходится говорить не о господстве сарматов, а о сплошном сарматском населении, со сложной общественной градацией кочевого военного типа». В дальнейшем он углубляет свои исследования в области увязки археологических памятников с известиями античных авторов. В полном соответствии со свидетельствами последних древнейшие памятники эпохи раннего железа Южного Приуралья и нижнего Поволжья относит уже не к скифам, как это делалось раньше, а к их соседям, обитавшим к востоку от Дона — савроматам, разделяя в этом вопросе мнение П.Д. Рау, и возражая М.И. Ростовцеву, который ограничивал площадь обитания савроматов пределами Северного Кавказа. Заслугой Б.Н. Гракова является доказательство на археологическом материале, что сарматы — потомки савроматов, и выделение нескольких этапов, через которые прошли в своем историческом развитии савроматы-сарматы на протяжении тысячелетнего периода — от VI в. до н.э. по IV в. н.э.

При анализе содержания погребального инвентаря им по возможности привлекались и письменные источники, повествующие об исторических событиях того времени. Например, усиление импорта в Южное Приуралье изделий городов Северного Причерноморья он связывает с известным по свидетельствам античных авторов проникновением в Причерноморье во II в. н.э. сарматских племен¹.

Впервые в истории археологических исследований Б.Н. Граковым был выявлен новый вид памятников, широко распространенный в Южном Приуралье и Зауралье — каменные площадки и установлена принадлежность их племенам эпохи Золотой Орды². Изучение этих памятников

¹ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. «Вестник Древней истории», 1947 г., № 3.

² Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых Южно-Уральских гидроэлектростанций. «Археологические работы на новостройках», II, М.; Л., 1935 г.

сулит большие возможности для решения проблемы этногенеза ряда советских народов: казахов, башкир.

О.А. Кривцова-Гракова помимо участия в раскопках Б.Н. Гракова 1927 года, ряд лет (1930, 1931, 1935–1939) вела исследование андроновского поселения и могильника у с. Алексеевки близ г. Кустаная. В результате Алексеевское поселение является наиболее изученным из числа многих исследованных раскопками андроновских селищ¹.

Из местных исследователей в Южном Приуралье в 20-х и 30-х годах текущего столетия работали И.А. Зарецкий, Д.И. Захаров, В.В. Гольмстен, К.В. Сальников.

Почти двадцать лет, по день смерти в 1936 году, работал в Оренбургском (Чкаловском) Областном Краеведческом музее старый энтузиаст-археолог И.А. Зарецкий, известный по своим раскопкам еще в прошлом веке на Полтавщине.

Обследовательскую работу в области археологии И.А. Зарецкий проводил систематически, к сожалению, далеко не всегда оформляя ее должным образом. Поэтому многое из его работ установить нельзя. По обыкновению краеведов-дилетантов он многое хранил в своей памяти и унес эти наблюдения в могилу.

Из крупных работ И.А. Зарецкого, следы которых сохранились, надо отметить обследование памятников по р. Илеку в пределах Северного Казахстана и Оренбургской области, которое он проводил по заданию Общества изучения Казахстана в 1927 г.² В 1929 г. им обследован в Губерлинских горах у хут. Белошапочного в 17 км от станции Губерля могильник со средневековыми погребениями, раскопанный местными жителями. Находки доставлены в Оренбургский музей³, а в 1935 году доследовал курган у пос. Благословенки близ г. Чкалова, случайно вскрытый рабочими геолого-разведочной партии и раскопаны два кургана у пос. Ак-Булак⁴. В 1936 г. И.А. Зарецким была предпринята комплексная экспедиция по р. Уралу вверх от г. Чкалова, включавшая и археологическое обследование. Из этой экспедиции ему не суждено было вернуться. Он скончался в пос. Кувандык в возрасте 80 лет. Ему удалось раскопать лишь три сарматских кургана у пос. Красногорского⁵.

¹ «Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.», М., 1941 г. стр. 288–292; *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, Москва, 1948 г.

² Архив ИИМК, д. 118 за 1927 г.

³ Архив Чкаловского Областного Музея.

⁴ «Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.» М.; Л., 1941 г., стр. 152–153.

⁵ Письма *И. А. Зарецкого* с места раскопок. Архив Чкаловского Обл. Музея и коллекции Чкаловского музея.

В 1928 году другим научным сотрудником Оренбургского краеведческого музея Д.И. Захаровым были предприняты раскопки у станции Сара пяти крупных курганов с богатыми савроматского времени погребениями. Раскопки, проведенные человеком, не имеющим никакой подготовки и практики в области археологии носили абсолютно не научный характер и стоят на уровне кладоискательства. Путаный отчет Д.И. Захарова не может служить источником для изучения интересной по составу предметов коллекции, происходящей из саринских курганов¹.

Юго-запад рассматриваемой нами территории, входивший до областного районирования в состав Бузулукского и Бугурусланского уездов Самарской губернии, хорошо в археологическом отношении обследован профессором Самарского Гос. университета, директором Самарского Музея В.В. Гольмстен². Возглавляя ежегодные экспедиции Самарского общества археологии, истории и этнографии В.В. Гольмстен в течение 1920–1929 годов открыла в Среднем Поволжье и Южном Приуралье сотни новых памятников, некоторые из них подвергла раскопкам, установив последовательность древних культур от эпохи палеолита до эпохи Золотой Орды и поздних мордовских могильников.

Из работ, проведенных ею на территории Южного Приуралья, надо отметить открытые на дюнах р. Самарки близ г. Бузулука стоянок с микролитическим инвентарем и керамикой типа древне-ямной культуры, раскопки у совхоза Березняки близ г. Бугуруслана древне-ямных погребений и аланских курганов первой половины I тыс. до н.э., которые она выделяет в особую Березняковскую культуру. В восточной части бывш. Бузулукского и Бугурусланского уездов ею открыто немало поселений эпохи бронзы, к сожалению раскопкам не подвергавшихся.

В ранних своих работах, вводя в научный оборот массу новых материалов, В.В. Гольмстен ограничивается чистым описанием памятников, не вскрывая тех исторических процессов, отражением которых они являются. Смена культур ею рисуется в миграционистском плане, как результат прихода новых племен. «Мирная хвалынская культура была стерта движением именно скифов, которые заняли ее территорию и которым

¹ Архив Чкаловского Областного Музея.

² Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии. Бюллетень Самарского общества АИЭ, вып. 2, Самара, 1925 г.; *Она же* – Доисторическое прошлое Самарского края, «Краеведение» ч. I, Самара, 1924 г., стр. 150–174; *она же* – Некоторые типы погребений бронзовой эпохи, Материалы по изучению Самарского края, вып. 5, Самара, 1928 г.; *она же* – Археологические памятники Самарской губернии, Труды секции археологии РАНИОН, IV, Москва, 1928 г.

она не в силах была противостоять»¹, — так рисуется ею переход от эпохи бронзы к ранне-железному веку. Именуя древнейшие курганы ранне-железного века Южного Приуралья скифскими, В.В. Гольмстен все же отмечает их отличие от скифских памятников степей Причерноморья. Дальнейшие обследования привели советских археологов к признанию в Заволжско-Приуральских курганах памятников не скифских, а савроматских племен.

Не замечая специфики первобытно-общинного строя В.В. Гольмстен переносит категории классового общества в первобытность. Это приводит ее при рассмотрении древне-ямных курганов к антиисторическому выводу, что «народность, оставившая эти древнейшие из известных нам погребений, вырастает в нашем представлении, как одно громадное целое», распространенное от Причерноморья до Иркутска².

Позднее с переходом на работу в Ленинград, в Гос. Академию истории материальной культуры, В.В. Гольмстен в корне перестраивается, и в ее работах 30-х годов археологические памятники освещаются с позиций исторического материализма, выступают как полноценные источники для реконструкции древнейших эпох истории человеческого общества³.

На средину 30-х годов падают раскопки в Южном Приуралье научного сотрудника Гос. Академии истории материальной культуры (Ленинград) Г.В. Подгаецкого и К.В. Сальникова.

Г.В. Подгаецкий раскопал в 1936 г. у пос. Ново-Аккермановка к югу от г. Орска могильник из каменных колец, содержащий погребения андроновской культуры и сарматский курган. Им обращено внимание на наличие в андроновских памятниках Южного Приуралья значительного количества черт, типичных для эпохи бронзы Нижнего Поволжья⁴.

К.В. Сальниковым, руководившим в составе экспедиции Подгаецкого отрядом, работавшим на средства Оренбургского Музея краеведения, раскопано несколько сарматских курганов у аула Джанатан, к востоку от г. Орска⁵. В 1937 году им по поручению Оренбургского музея исследован у с. Погромного близ г. Бузулук могильник эпохи бронзы, давший еще более, чем Ново-Аккермановский могильник, яркие доказательства сме-

¹ Гольмстен В. В. Доисторическое прошлое Самарского края, «Краеведение», ч. I, стр. 161.

² Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии. Бюллетень ОАИЭ № 2, Самара, 1925 г.

³ Гольмстен В. В. О происхождении скорченных костяков в погребениях родового общества, ПИДО, 1935, № 5–6; Гольмстен В. В., Горюнова Е. И. О мордовском «феодализме», КСИИМК, VIII, М.; Л., 1940 г.

⁴ Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска, МИА I, М.; Л., 1940 г.

⁵ Сальников К. В. Сарматские курганы близ г. Орска. МИА, I, М.; Л., 1940 г.

шения черт, характерных для племен эпохи бронзы западно-сибирских, с одной стороны, и поволжских, с другой стороны¹.

Затем в археологических исследованиях на территории Южного Приуралья наступает более чем десятилетний перерыв. Возобновляются они работами молодого московского археолога А.А. Формозова². Он ввел в научный оборот много северо-казахстанских стоянок с микролитическим инвентарем, доказал их энеолитический возраст и однокультурность части их с энеолитом Южного Урала, объединяя эту группу в понятие южноприуральской или южноуральской энеолитической культуры. Ему принадлежит широкая постановка вопроса о происхождении андроновской культуры, которую в западных районах ее распространения, он в согласии с другими исследователями, выводит из южноуральского энеолита.

В 1949 году А.А. Формозовым были предприняты и небольшие полевые исследования по среднему течению р. Урала и его притоков от пос. Таналыкского до пос. Уртазымского. Здесь на протяжении 80 км им зарегистрировано 13 пещер, а в Домбаровском районе Чкаловской области им обследованы древние рудники, «обогащительная фабрика» и поселения эпохи бронзы на р. Киимбай. В 1950 г. по поручению Чкаловского Областного Музея памятники на р. Киимбай обследовались К. В. Сальниковым, которым было вскрыто одно каменное кольцо с андроновским погребением и заложена траншея на прибрежном поселении с микролитическим инвентарем и обследованы древние меднорудные разработки.

Самое широкое и полное использование археологических памятников Южного Приуралья, как исторического источника, мы видим в работах К. Ф. Смирнова³. Правда, им привлекаются лишь материалы савроматско-сарматского периода и рассматриваются они в связи с одновременными па-

¹ Сальников К. В. Хвалыинско-андроновские курганы у с. Погромного, «Советская археология», XIII, М.; Л., 1950 г.

² Формозов А. А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода № 15, 1950 г.; он же — Археологические памятники в районе Орска, КСИИМК, XXXVI, М.; Л., 1951 г.; он же — К вопросу о происхождении андроновской культуры, КС ИИМК, XXXIX, М.; Л., 1951 г.

³ Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. «Доклады и сообщения исторического факультета Московского Гос. университета, вып. 5, Москва, 1947 г.; он же — О погребениях роксолан, ВДИ, 1948 г. № 1; он же — Сарматские погребения Южного Приуралья, КС ИИМК, XXII, М., 1948 г.; он же — Сарматские племена Северного Прикаспия — КС ИИМК XXXIV, Москва, 1950 г.

мятниками Нижнего Поволжья. Всю эту территорию он объединяет в понятие Северного Прикаспия. Обращая внимание на ряд черт в савроматских погребениях, общих с погребальными обрядами местных племен предыдущей исторической эпохи — бронзового века и прослеживая эволюцию памятников материальной культуры на всем тысячелетнем протяжении савромато-сарматского периода, К.Ф. Смирнов доказывает автохтонность племен Южного Приуралья и всего Северного Прикаспия. Он доказывает не только автохтонность, но и высоту самобытной культуры сарматов, возражая против трактовки сарматского Поволжья и Приуралья, как глухой отсталой, варварской провинции. Такой взгляд на сарматов свойственен авторам, которые смотрели на наши края как бы через очки греко-римского мира.

Разнородность сарматских погребений К.Ф. Смирнов относит за счет многоплеменности сарматского населения, причем не только выделяет памятники отдельных племен, но и стремится в ряде случаев достаточно убедительно связать конкретный тип погребального обряда с известными по сведениям античных авторов этническими объединениями: аорсами, роксоланами, аланами. Намечая основные вехи исторического развития савромато-сарматских племен, в основу этого развития К.Ф. Смирнов кладет процессы, протекавшие внутри общественно-экономической жизни общества. Но отнюдь не замыкается в границах рассматриваемой территории, а устанавливает культурные связи с племенами и народами как соседними, так и отдаленными — со Средней Азией, Западной Сибирью, Причерноморьем, Кавказом. Он останавливается и на тех политических событиях в странах древнего мира, которые так или иначе отражались на судьбах сарматских племен, тем более на тех, в которых непосредственно последние принимали участие. В частности им убедительно прослежены на археологических материалах передвижения отдельных племен, в том числе и исторически известное вторжение сарматов в скифские земли Причерноморья.

Подводя итоги по результатам археологических исследований на Южном Урале за советский период, можно констатировать, что до 1930-х годов характер полевых исследований, задачи, которые ставили в этой работе перед собой археологи, ничем не отличались от характера работ дореволюционных исследователей. По-существу в это время продолжалось лишь накопление фактического материала, а попытки обобщений и выводов делались с позиций чистого миграционизма. Изменения культуры, хозяйственного строя древнего населения Урала объяснялись сменой племен и народов. Вопрос о внутреннем развитии местного населения даже не ставился, как и вопрос о характере общественного строя.

В 1930-е годы отдельные исследователи не ограничиваются установлением датировки и культурной принадлежности изучаемого памятника.

Марксистско-ленинское учение об обществе помогло археологам определить не только хозяйственный строй и быт древних уральских племен в ту или иную эпоху, но и установить характер общественных отношений. С 1930-х годов даже в статьях, посвященных публикации результатов раскопок, исследователи отмечают черты, характерные для той или иной ступени развития первобытно-общинного родового строя. Г.В. Подгаецкий на основании установления развитого скотоводства и наличия парных погребений видит в эпоху бронзы в Южном Приуралье патриархально-родовые отношения¹. Б.Н. Граков обращает внимание на имущественное неравенство, развивающееся у приуральских сарматов².

Но более широкие исторические выводы на археологических материалах делаются советскими археологами лишь в последнее десятилетие. В связи с общим оживлением и расширением археологических исследований после Великой Отечественной войны, появляются крупные исследования, основанные и на памятниках Южного Урала. С.Н. Бибииков прослеживает автохтонное развитие племен в Нагорной (так в тексте — *ред.*) части Южного Урала в глубокой древности — в эпоху Каменного (так в тексте — *ред.*) века. Б.Н. Граков и К.Ф. Смирнов устанавливают местное происхождение и многовековое развитие савромато-сарматских племен Южного Приуралья, разбивают историю этих племен на несколько последовательных этапов. К.Ф. Смирнов видит в разнообразии сарматских погребальных обрядов доказательство смешанности племенного состава сарматов и делает попытки определить этническую принадлежность каждого типа погребальных сооружений, привязать к определенному сарматскому племени, известному по свидетельствам античных авторов.

Усматривая в смене характера памятников не приход новых племен, а свидетельство внутреннего социально-экономического развития местного населения, эти исследователи вместе с тем устанавливают широкие связи Южного Урала с населением других областей страны: Средней Азией, Северным Кавказом, Причерноморьем и т.д. Делаются первые опыты последовательного изложения хода исторического развития на Южном Урале в древности, правда в конспективной и популярной форме³. Археологический материал начинает привлекаться для создания древней истории местных народов Южного Урала. А. В. Шмидт, С. Н. Бибииков, К.В. Сальников видят в материалах археологических памятников ис-

¹ Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИАИ, стр. 81.

² Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых Южно-Уральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках, II, с. 95.

³ Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952 г.

- 86 -

в конспективной и популярной форме ^{1/}. Археологический материал начинает привлекаться для создания древней истории местных народов Южного Урала. А.В.Шmidt, С.Н.Вибиков, К.В.Сальников видит в материалах археологических памятников источники для истории Башкирии ^{2/}. Археологический материал Южного Урала кладётся в основу первых шагов решения проблемы этногенеза башкирского народа ^{3/}.

Все эти последние работы свидетельствуют, что если и не по всем районам, и не по всем эпохам, накоплен всё же достаточно значительный материал для первой попытки проследить ход исторического развития древнего населения Южного Урала.

-
- ^{1/} К.В.Сальников. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952 г.
^{2/} А.В.Шmidt. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929 г.
С.Н.Вибиков, Указ.соч., Сб XII; Сб XIII.
К.В.Сальников. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952 г.
^{3/} Р.В.Ажиеров. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. С.8. № 3, 1952 г.

точники для истории Башкирии¹. Археологический материал Южного Урала кладется в основу первых шагов решения проблемы этногенеза башкирского народа².

Все эти последние работы свидетельствуют, что если и не по всем районам, и не по всем эпохам, накоплен все же достаточно значительный материал для первой попытки проследить ход исторического развития древнего населения Южного Урала.

¹ *Шмидт А. В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929 г.; *Бибиков С. Н.* Указ. соч., СА XII; СА, XIII; *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952 г.

² *Ахмеров Р. Б.* Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. СЭ. № 3, 1952 г.

Список сокращений

ВАУ	«Вопросы археологии Урала». Свердловск, Екатеринбург
ГИМ	Государственный исторический музей
ЗОРСА	«Записки Отделения русской и славянской археологии»
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИАК	Императорская археологическая комиссия
ИИиА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИМК	Институт истории материальной культуры
КСИИМК	«Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	«Материалы по археологии России»
МИА	«Материалы и исследования по археологии СССР». М.; Л.
ОАК	«Отчеты Археологической комиссии»
ОГПУ	Оренбургский государственный университет
ОУАК	Оренбургская ученая архивная комиссия
ПИДО	«Проблемы истории докапиталистических обществ»
РА	«Российская археология»
РАНИОН	Российская академия научных институтов общественных наук
СА	«Советская археология»
СОГА	Свердловский областной государственный архив
СЭ	«Советская этнография»
ТюмНГУ	Тюменский нефтегазовый университет
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
УрГУ	Уральский государственный университет
ЧГПУ	Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ	Челябинский государственный университет
ЧНЦ	Челябинский научный центр
ЮУАЭ	Южно-Уральская археологическая экспедиция
ЮУрГУ	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
BAR	British Archaeological Reports (Oxford)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаева Ирина Павловна – научный сотрудник лаборатории археологических исследований ЧГПУ, Челябинск. E-mail: alaevaira@mail.ru

Виноградов Николай Борисович – д.и.н., зав. кафедрой всеобщей истории. ЧГПУ, Челябинск. E-mail: vinogradov_n@mail.ru

Епимахов Андрей Владимирович – к.и.н., научный сотрудник Южно-Уральского филиала ИИиА УрО РАН, Челябинск. E-mail: eav@susu.ac.ru

Дюрягин Василий Сергеевич – аспирант кафедры истории России ЮУрГУ, Челябинск. E-mail: basy86@mail.ru

Кипарисова Нина Павловна – научный сотрудник Нижне-Тагильского музея (до 1958 г.)

Колбина Алина Викторовна – ведущий специалист историко-краеведческого музея. Республика Казахстан, г. Костанай. Alina <Alina_ant@mail.ru>

Костюков Владимир Петрович – к.и.н., научный сотрудник лаборатории археологических исследований ЧГПУ, Челябинск. E-mail: vpk_home@mail.ru

Логвин Андрей Викторович – заведующий лабораторией археологических исследований Костанайского государственного университета. Республика Казахстан, г. Костанай. andrey logvin_a@mail.ru

Сальников Константин Владимирович – д.и.н.

Хаванский Алексей Иванович – аспирант ИА РАН, Москва. E-mail: Arkaim01@yandex.ru

Шевнина Ирина Викторовна – научный сотрудник лаборатории археологических исследований КГУ, г. Костанай, Республика Казахстан. E-mail: shevnina_i@mail.ru

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЮЖНОГО УРАЛА**

Сборник научных статей

Ответственный редактор и составитель

Н. Б. Виноградов

Подготовка оригинал-макета

О. Э. Гурьевских

Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура "NewBaskervilleC". 7,67 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 1001.

ISBN 978–5–901542–85–9

Издательство «Абрис».
Россия, 454007, г. Челябинск, пр. Ленина, 15.

Отпечатано на ризографе в типографии
Челябинского педагогического университета
Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.